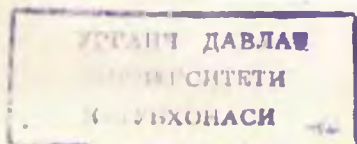

СБОРНИК МНОГОАКТНЫХ ПЬЕС

II

015629 ✓

~~СОВЕТСКИЙ~~
ИЗДАТЕЛЬСТВО
профиздат
1951

84. K1
C-23.

ПЬЕСЫ

Н. ВИРТА

ЗАГОВОР ОБРЕЧЕННЫХ

ДРАМА В 4 ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Габриэла Анхела — заместитель премьер-министра, член Бюро Центрального Комитета коммунистической партии, 45 лет.

Баст — ее секретарь.

Макс Вента — редактор центрального органа компартии, 36 лет.

Коста Варрел — земледелец, депутат парламента, 46 лет.

Мини — его жена, 45 лет.

Маргита Форсгольм — работница танкового завода, коммунистка, 22 лет.

Стефан Вехел — земледелец, сосед Варрел, 50 лет.

Иоаким Инно — министр общественной безопасности, лидер социал-демократической партии, 60 лет.

Марк Инно — его сын, мастер танкового завода, член Центрального секретариата профсоюзов, 30 лет.

Файн — секретарь Иоакима Инно, 62 лет.

Христина Падера — министр продовольствия, одна из руководителей партии «Национальное единство», 44 лет.

Куртов — ее помощник по министерству, 46 лет.

Кардинал Бирч — глава католической церкви, 58 лет.

Яков Ясса — монах, его секретарь.

Г у г о В а с т и с — крупный промышленник, лидер католической партии, 49 лет.

Г е р ц — его секретарь.

К и р а Р е й ч е л — журналистка из Чикаго, 33 лет.

С э р Г е н р и М а к-Х и л л из Нью-Йорка — представитель Уолл-стрита, финансовый туз, 57 лет.

Ф и м у с — земледелец.

П о л и ц е й с к и й.

К а п и т а н войск общественной безопасности.

С л у г а во дворце Народного фронта.

С т е н о г р а ф и с т к и, р е п о р т е р ы на заседании Совета Народного фронта, члены делегаций.

Действие происходит в одной из западных стран в тысяча девятьсот сорок году.

ДКЙСТВИК ПЕРВОЙ

Ферма Коста Варра. Дом убит павоном, вокруг растут плодовые деревья. На переднем плане открытая терраса с дверью в дом. На заднем плане старинный замок — он венчает вершину величественного холма, спускающегося к слиянию двух рек. Медленно угасает теплый день. На террасе Коста, Мина, Марк Пино, кум Стебан и Магда. Они много шумно, неторопливо течет их беседа.

Мина (*прислушиваясь к звону колоколов*). Сегодня в замковой церкви торжественное богослужение. Его совершает сам кардинал Бирч. Час назад он проехал в замок. У него лицо пророка, он плакал, — так мне показались.

Коста (*хохочет*). Крокодилы, Мина, тоже плачут при виде своих жертв.

Мина. Хотя бы ради праздника Вознесения господина нашего Иисуса ты придержи свой язык, Коста! (*Низким тоном*) Он чистый безбожник, господина, чистый безбожник!

Коста (*подмигивая*). Это не мешает ему, Мина, быть хорошим хозяином на своей ферме и хорошим мужчиной, а? Шестеро детей! Хо-хо!

Мина. Много ли от того толка, что ты ходишь в штанах? То ты в парламенте, то бог знает где еще. Молчи, молчи, знаю я тебя, говорун! Мало тебе трезвона дома, тебе надо поточить язык в парламенте.

Магда. Что ж, Мина, Коста Варра храбро воевал с немцами, а теперь с трибуны парламента воюет за народные права.

Марк (*тоном снисходительным*). Коста, несомненно, бравый солдат, но парламентарий — хм!

Мина. А что же такое он отвоевал для народа? Земля у нас стало больше? Налогов меньше?

Коста. Ничего, жена, клыки у нас еще целы! Да, повоювали мы с вами, мастер Марк! Не глядите, что он молод. Хо-хо! Хотел бы я видеть командира танковой дивизии дельнее Марка Пино! Нас и парило, и жарило, и вымачивало... Два года из окопа в окоп, а потом из танка в танк. Наши шкуры так продублены, что им теперь ничего не страшно.

Мина. Опять о войне!

Стебан. Да, то были страшные времена!

Мина. Да, да, кум Стебан! Ох, и страшно же было! Иной раз кажется, будто за все шесть лет оккупации мы не видели ни единого светлого дня.

Марк. Выпьем за то, чтобы те мрачные дни не повторились.

Коста. Вы сказали то, что я думал, мастер Марк. Принеси-ка, жена, еще вина!

Мина (ворчливо). Тебе не привыкать накачивать доверху свою бочку, Коста Варра!

Уходит.

Коста (пожимает плечами). Хо-хо! У каждого есть жена, и у каждой жены своя музыка. Выпить за свое здоровье — да разве это грех? А я хочу быть всегда здоровым и с туго набитым барабаном.

Марк. Мне, пожалуй, пора на завод.

Магда. Вам скучно с нами?

Коста. До утренней смены много времени, успеете выспаться.

Магда (любовно). Ну нет, Варра, Марк Пино спать не любит. Уж если он был хорошим подполковником танковых войск, так теперь он лучший мастер на нашем заводе. Он много читает, и наш век техника бежит бегом...

Коста. Хо-хо! Пойди догони ее!

Стебан. Вам бы генералом быть, мастер Марк, или заняться политикой, как ваш отец, и блистать в высшем свете... (Помолчав.) Бог мой, время несется сломя голову! Я помню Июкима Пино молодым, с черной копной волос. Теперь он совсем седой.

Марк. Седым он стал в немецком концлагере.

Коста. Помнишь, кум Стебан, как тридцать лет назад мы, прячась в поле, читали статьи Иоакима Пино? Он писал их в эмиграции. «Только сам народ добудет себе свободу», — писал он.

Марк (снисходительно). Да, когда-то он писал правдивые вещи...

Коста (загадочно улыбаясь). А и так и не могу сформировать — отнюсали мы свободу или нет?

Магда. Как же, как же, Варра, мы свободны... и тоны!

Стебан (решительно). Молчи, Магда! Охо-хо! Моя Анна тоже увернет, что и онала от жизни. Было время, когда она ползала на моих коленях и, изображая собачку, тявкала на меня. Теперь молодежь готова тявкать на нас наизранду.

Коста. Ах, кум Стебан, стало быть, молодость лучше нас понимает, что нужно миру! Жизнь, сосед, не стоит на месте — и очень хорошо.

Марк. Верно, Коста, верно!

Коста. Иоаким Пино — давнишний борец за независимость нашей страны, лидер старейшей в стране партии социал-демократов, министр общественной безопасности... А вот его сын плочет на блистательную военную карьеру, идет на завод и становится мастером... Как будто и непонятно, но если вникнуть глубже...

Магда (горячо). Чтобы стать политиком в наши дни, надо знать, чего хочет народ. А это можно узнать только от самого народа! Вот он и пошел на завод.

Стебан (с тоской). Чего хочет народ? Народ хочет хлеба, земли и мира, вот он чего хочет, Магда!

Магда. Мы и делаем мир, делаем танки!

Коста (хохочет). Правильно, Магда! Землю нам, заводы рабочим, а? И мир всем?

Магда. А все это в наших руках, Варра, вот в этих мозолистых руках.

Входит Мина с кувшином вина.

Коста (разливая вино). Прошу, друзья, очищайте места для следующего урожая.

Стебан (тоска грызет его). Не дай бог, чтобы он был такой же, как в прошлом году!

Марк. Э, Стебан, что горевать! Выпейте, — когда смотришь сквозь стакан вина, жизнь кажется розовой.

Мина. Ах, вы разбередили мое сердце вашими разговорами! Помню — в сорок втором это было, когда убили наместника Мюллера, — пусть ад будет вечным жильем этому фашисту! — вот в такой же вечер Ганна Лихта пробралась сюда... Босая, в драной одежде, едва живая... «Женщина, — сказала она, — я отдаюсь вашей совести, за мной гонятся гестапоки, спрячьте меня...»

Коста (восхищенный Миной и желая ей польстить). Эге! А я и не знал об этом!

Мина. Я не сорока вроде тебя, чтобы трещать обо всем, что знаю. Тогда так же, как сейчас, гудели колокола и замковой церкви.

Магда. И кардинал Бирнч молился о здоровье фюрера, помните, соседка?!

Мина (не обращая внимания). Вечер был тихий, я сидела у окна, уложив детей, и думала: «Где же теперь мой Коста? Пусть Иисус простит его чревоугодие, еретичество и злоязычие!»

Коста (добродушно посмеиваясь). Пой, жена, пой, песенка хорошо действует на пищеварение.

Мина. Я узнала ее прежде, чем она назвала себя.

Магда. Кто не знает у нас Ганну Лихта!

Коста (с гордостью). А ведь Магда Форсгольм, мастер Марк, была рядом с Ганной Лихта в партизанской борьбе. (Треплет Магду по плечу). О-о, она молодец!

Мина. Коста, ради бога, не мешай мне!.. Так вот: слава богу, палачи потеряли след Ганны Лихта, и она прожила у меня неделю... Как она любила играть с детьми! Да и то сказать — как не любить их, когда потеряешь своих!.. А она потеряла всех, всех... (Вытирает слезы.) Я проводила до границы Юга ее и Магду...

Коста. Магда тогда и ушла с Ганной Лихта.

Мина. А потом мы слышали, что Ганна подняла на Юге восстание, была комиссаром партизан...

Магда. И первой из тех, кто подал на нашей земле руку советскому солдату. Вот это женщина! Везде, где бо-

ролись за свободу, там была Ганна Лихта. В Вене, в Испании...

Марк. Да, велик ее путь!

Магда. А как ее любили партизаны!

Коста. Так выпьем эту чашу за Ганну Лихта, за «Советы народа», как ее прозвали люди!

Пьет. Пауза.

Стебан. Что-то давно ее не слышно!

Марк (тоном человека, озабоченного и политике). Она послана на Юг чрезвычайным комиссаром.

Коста. Да, да! Говорят, будто реакция готовила там восстание.

Мина. Спаси нас, Мадонна, от межусобицы!

Стебан. Эхе-хе! Беды бегут к нам бегом, а от нас ползком.

Коста (и ярости). Беру быка за хвост и скажу, кто крутит на Юге. Это дело жирных попов кардинала Бирича.

Мина (трагически). Вот бог и наказал нас засухой за свое безбожие, Коста Варра!

Коста (напидatelyно). Жена, в России сто миллионов безбожников и урожай, какого не было много лет!

Стебан. А у нас плохо дело! Последние крохи съедем, а до урожая еще целый месяц...

Марк. У нас есть друзья, они еще есть у нас.

Воспитанный отцом в традиционном духе «демократизма», Марк внимательно наблюдает крайних выражений и пытается срезать острые углы.

Коста. Хе-хе! У нас есть миллионы друзей на Западе, только они сами цапают зубами от голода.

Марк. Что-то невеселая у нас получилась беседа!

Коста. Полно, мастер Марк! Земля вертится — и слава богу. Не все хорошо, но будет лучше. Наливай, жена!

Марк. И себе и себе, Мина!

Стебан. Еще трех сыновей тебе, соседка!

Мина. Вы уж скажете!

Коста. Твое здоровье, пила! Будь еще острее! Люблю зубастых. Верно, сосед! Больше детей — больше радостей...

Стебан. И больше нужно хлеба. А земли столько же, и даст она, что может. Да, да, и она имеет свои пределы.

Магда. А вон у русских нет пределов ничему. Я видела их на войне, а в прошлом году была в России с делегацией. Да, это люди! Что воевать, что работать, что веселиться!

Мина. Слушай, Магда, наш священник говорил нам, будто в Советах коммунисты могут иметь по пяти жен. Неужто они отбирают их у живых мужей?

Магда. Ваш поп врёт, Мина, врёт, как свинья.

Стебан (в ужасе). Магда, да ты не коммунистка ли?

Марк (насмешливо). Да еще какая! Разве вы не знали?

Стебан (покачивая головой). Тогда мне все понятно.

Магда. Мне одно понятно, Стебан: у русских вся земля, все заводы и вся власть принадлежат народу. А у нас?

Марк. Все это они отобрали силой. А у нас все, что принадлежит народу, мирно перейдет к нему.

Магда. Через сто лет, а?

Коста. Нет, если нам, земледельцам, держаться вместе, как в Советах, это может случиться и очень скоро.

Стебан. От твоих слов недалеко и до колхозов, Коста!

Коста (ударив кулаком по столу). Я разобью голову всякому, кто внесет в парламент закон о колхозах.

Мина (подбоченясь). Ну и что? У русских колхозы, — но не они у нас, а мы у них просим хлеба.

Коста (почесав в затылке). А ведь в этом есть правда! Хо-хо, ну и жена у меня!

Выстрелы удали.

Стебан. Слышали?

Мина. Господа балуются охотой.

Магда (зло). Да, да, они охотятся, они разъезжают в американских авто, они владеют своими латифундиями и заводами.

Коста. Так, Магда! Мы часто видим толпы этих бездельников в ресторане у замка. Их содержанки увеша-

ны бриллиантами и мехами, сами они швыряются направо и налево деньгами...

Магда. Их деньги обатрены народной кровью.

Коста. И что им голод? Что им разорение земледельцев? Они-то будут сыты! Шесть миллиардов карлов нужно, чтобы покрыть убытки фермеров, пострадавших от засухи, а где их взять?

Магда (горячо). Варра, они лежат в карманах богатей. Мы жертвовали во время войны кровью и потом. Почему бы богачам не пожертвовать своими деньгами?

Коста. Ах, Магда, я уже слышала об этом в парламенте! Коммунисты говорили: «Знаютте должны миллиарды». Но у нас в парламенте только сорок процентов голосов.

Мина. Отчего бы им не иметь больше, если они думают, как мы?

Магда. Задай этот вопрос своим соседям, Мина.

Марк (раздражительно). Да, да! Скоро, мол, выборы, отдайте нам свои голоса, и все будет, как вы хотите. А вы тотчас выведете диктатуру, знаем. А мы за мирный социализм.

Коста (мрачно). Мы за землю для народа, за то, чтобы Германия не поднялась снова на погибель нам, вот за что мы. Разве это не справедливо, мастер Марк?

Марк (примирительно). Не так-то все просто, Коста, не так просто!

Выходит Гуго Вастис.

Вастис. Эй, хозяин, чья машина у ворот?

Он приняв пощелкать, и слово «хозяин» в его устах лишено всякого уважения, оно звучит оскорбительно. Природная несклонность помогает Марку скрыть враждебность к Вастису.

Марк. Здравствуйте, господин Вастис!

Вастис. А-а! Марк Пино, блудный сын блуждающего отца. Мой прохвост шофер просчитался или продал бегуна, сто дьяволов ему на ночь! Выручайте!

Марк. Сейчас сделаем.

Уходит.

К о с т а (торжественно). Мина, это лидер партии католиков, господин Гуго Вастис. Это моя жена, Мина Варра.

М и н а (польщенная). Садитесь с нами за стол, господин Вастис!

В а с т и с (принимая как должное гостеприимство Косты). А-а, вот куда меня занесло! Спасибо! Здравствуй, Коста Варра! Здравствуйте, господа!

М и н а. Куда путешествовали, ваша честь?

В а с т и с. Ездил на свои заводы.

М а г д а (очень вежливо). На заводы, которые отобраны у вас? Не пора ли вам забыть о них?

В а с т и с (угрюмо). Мое — это мое, я об этом не забываю.

М а г д а (с ненавистью). Уж не думаете ли вы вернуть их?

В а с т и с. Я затем и езжу на заводы, чтобы знать, в каком виде они вернутся ко мне.

М а г д а. Нет уж, господин Вастис, что с воза упало, то пропало! Я пойду помогу мастеру Марку.

Уходит.

В а с т и с (послед ей). Я строил эти заводы, проклятые экспроприаторы!

С т е б а н (осмелев). А ну, покажите свои ручки, ваша честь! Что-то я не вижу на них мозолей!

К о с т а. Верно. Ни черта вы не построили за свою жизнь, господин Вастис! Ничего нет такого, что принадлежало бы вам здесь!

В а с т и с (швыряет на стол пачку ассигнаций). Берите все — и да здравствует справедливость! В цивилизованном обществе ее зовут грабежом.

М и н а. Спрячьте свои деньги, ваша честь, да получше присматривайте за ними!

Вастис убирает деньги.

Народ говорит, недурно бы, мол, взять капиталы у таких, как вы, да помочь земледельцам, пострадавшим от засухи.

С т е б а н (расхрабрившись). Так, Мина! Мы все равны перед господом!

В а с т и с (вне себя). Мои капиталы не будут вашими!

К о с т а. А не мы ли делали их вам? Кто сорит деньгами, вроде вас, тот не знает, с каким трудом они вырабатываются.

В а с т и с. Ну и наглецы вы, господа!

М и н а. Не обессудьте! Чем богаты, тем и рады!

Входят Магда и Марк.

Магда. Готово.

В а с т и с. Спасибо.

Уходит.

Магда. Ну и тишь!

Марк. И познанию от вас на завод, можно?

К о с т а. Прощу, прошу!

Марк уходит в дом.

С т е б а н. Что то дело вы напичкали бензин, хе-хе!

Магда (осмыслив). Вы уж скажете, сосед!

Входит Кира Рейчел.

Рейчел (быстро). Добрый день, почтенные господа! Не здесь ли сегодня празднуют день Вознесения? Мне слышал, что после богослужения будут народные танцы.

М и н а. А зачем вам наши сельские танцы?

Рейчел. Я журналистка из Чикаго, миссис, Кира Рейчел, миссис. Научаю наши народные танцы. За последний год я видела, как танцуют люди в долине Нила, как чернокожие девушки Андалузии пляшут самбру в апельсиновых рощах на берегу Гвадалквивира и разные танцы в десятке стран — у черта на куличках и еще дальше!

К о с т а. Хо-хо! Кому весело, тот попляшет. Вина, мисс?

С т е б а н (мрачно). Благо у нас его больше, чем хлеба!

Рейчел. Мы дадим вам хлеба, доллары, что пожелаете!

Магда. Мисс, тут сидят люди с мозгами. Вам не обвести их вокруг пальца.

Рейчел. Милочка, зачем первничать? За ваш народ, асди и джентльмены! У вас хорошо танцуют, а где хорошо танцуют, там хорошо живут!

Магда. И в Испании хорошо живут, мисс?

Рейчел. Политика — не моя сфера, детка! Я интересуюсь только танцами. Я пишу о них, я фотографирую их...

Выстрелы вдали.

Магда (встревоженно). Это стреляют на границе!

Коста (прислушиваясь). И не из охотничьих ружей... Нет, нет, это автоматы, черт побери!

Магда. Я пойду заведу машину Марка!

Уходит.

Коста. Жена, ружья мне и куму Стебану! Скажи Марку, пусть звонит в полицию — на границе идет стрельба. Мы едем туда!

Мина уходит в дом, выносит ружья. Коста и Стебан уходят за Магдой.

Рейчел. В чем дело?

Мина. Ах, мисс, это не иначе бандиты охотятся за кем-нибудь, едушим с Юга!.. Вы уж простите меня, я пойду разыщу бинты и вату — вдруг там раненый.

Уходит в дом. Из дома выходит Марк.

Рейчел. Марк! Вы здесь? Я сбилась с ног, разыскивая вас... Мне сказали, что вы поступили на завод. Что за фантазия?

Марк (глухо). Я ушел от отца.

Рейчел. Ха! В чем дело?

Марк. Он назвал меня предателем.

Рейчел. Боже мой, как драматично! Я напишу об этом... Сенсация — сын министра общественной безопасности уходит из дома, разойдясь с отцом на политической почве... Но я верю вам, вы сделаете свой бизнес, Марк!

Марк. Это не бизнес, а убеждения.

Рейчел. В этом мире все бизнес, даже убеждения. Послушайте! Танцы побоку... я еду с вами...

Марк. К сожалению, Кира, я уезжаю на рассвете.

Рейчел. Извольте сказать, куда!

Марк. На маневры.

Рейчел. Ха! Разве так зовут ту рыжую девчонку, которую я видела здесь минуту назад?

Марк. Я еду на испытания нового танка. Видите, я выдал вам секрет.

Рейчел. Хорошенькую жизнь готовите вы мне, сэр! Вы набиты секретами, политическими и техническими, а я, как дура, должна буду верить вам, что ваши секреты не очередные ваши увлечения. Счастливого пути, привет нашей Мансере или Минерис, черт бы ее подрал!

Шум подбежавшей машины. Коста и кум Стебан ведут Ганну Лихта. На дома выходит Мина.

Коста. Магда, гони в замок, тащи сюда доктора!

Мина. Ганна Лихта! Что с вами?

Ганна. Спокойно, Мина... Все в порядке!

Мина (и панике). Бог мой, бог мой! Что же вы стоите?

Коста. Тихо, Мина! Марк, звоните в министерство общественной безопасности, скажите — на границе Юга бандиты покушались на жизнь Ганны Лихта. Кум Стебан, стой у фермы и никого сюда не пускай! Мина, тащи кре-
сло, в доме душно!

Мина. Сейчас, сейчас! (Уходит.)

Включается свет, щелкает фотоаппарат.

Рейчел. Простите, сударыня, моя профессия — мой бизнес. Хотя я занимаюсь только фольклором, но мне не приходится брезговать сенсациями вроде этой.

Коста. Мисс, прошу...

Рейчел. О'кей, сэр, вы правы, мне надо спешить, пока об этом происшествии не пронюхали мои коллеги. Доллар за каждое слово, сударыня, доллар за слово, потому что в нашей республике не каждый день стреляют в вождей компартии. Гуд-бай, сударыня, желаю вам здоровья! (Уходит.)

Коста. Проклятые твари! Стрелять из-за угла!

ЧОТТО

Ганна (превозмогая боль, желая успокоить Косту). Ты думаешь, Варра, мне было бы легче, если бы они стреляли в упор?

Коста. Как же это все вышло?

Ганна. Они охотились за мной по всей территории Юга. Засада на повороте. Первыми выстрелами был убит шофер. Я успела выскочить из машины, пуля догнала меня — левая рука перебита... Вот бедняга, не везет ей: третья рана — и все в одно место!

Мина несет кресло, одеяло.

Мина. Бог мой, что делается! Какое несчастье! Садитесь в кресло! Коста, помоги!.. Осторожнее! Осторожнее!..

Ганна (взволнованная). Спасибо, Мина!.. Вот снова ваш дом даст мне приют и помощь. Как мне благодарить вас?!

Мина. Ах, что за счеты! Вина, Коста! Выпейте, сударыня, это полезно. Где же эта старая развалина, доктор? Коста, скажи в замок.

Коста уходит.

Ганна. Как ваши дети, Мина? Как поживает мой любимец Петер?

Мина. Ах, они растут, и я не успеваю чинить им штаны!

Из дома выходит Марк.

Марк. Я звонил в канцелярию премьера. Он в горах, у президента, рано утром улетает в Москву для важных переговоров. В министерстве общественной безопасности мне сказали, что отец, Христина Падера и Макс Вента на собрании кооператоров. Я позвонил в Пухнеле, они уже едут сюда.

Ганна. Зачем такой шум?

Марк. Нет, нет, это уже черт знает что! Стреляют в Толбятин, стреляют в Токуду, арестовывают Фостера и Дешиса, стреляют в вас... Это заговор, товарищ Лихта, это заговор не против компартий и их вождей — это заговор против всей демократии!.. И пусть я не буду Марком Инно, если завтра же не потребую от секретариата профсоюзов устройства массовой демонстрации протеста...

Г а н н а. Тихо, Марк, спокойно!

М и н а. Мастер Марк, госпоже Лихта нельзя говорить... Я пойду готовить ужин. Первый раз моя ферма увидит такое общество. Мастер Марк, если я буду нужна, изложите меня. (Уходит.)

Г а н н а (помолчав). До меня дошли слухи, Марк, что ты порвал с отцом?

М а р к. Да. И возвратился на завод, к старой профессии.

Г а н н а. Плохой способ выбрал ты, Марк, для борьбы со взглядами отца, плохой, просто за откровенность! В воздухе пахнет порохом, поджигатели войны действуют открыто. Они есть и в твоей партии. Кому бороться с ними, как не тебе?

М а р к. Заговорщики могут быть где угодно, только не в моей партии, товарищ Лихта.

Г а н н а (смеется). Дитя ты, Марк!

М а р к. А-а, я знаю, нам дано не терпится сделать из меня коммуниста. Не выйдет!

Г а н н а (с ласковой усмешкой). Ничего! Для того человек и боится, чтобы выздороветь!

М а р к (запальчиво). Мой отец всю жизнь болел этой болезнью.

Послышав Нинно, незамеченный, подходит к террасе и слушает разговор.

Г а н н а. Н к чему он пришел? К тому, что родной сын уходит из его дома... Конечно, твой путь к коммунизму сложный, но и ты приходишь к нему, Марк. Все дороги ведут к нему.

М а р к. Только не через нашу страну. Пусть русские делают у тебя, что хотят, но здесь мы не позволим вам экспериментировать! Мы верим в демократический социализм!

Г а н н а. Шумахера, Сарагата и Блюма, не так ли?

М а р к. При чем здесь они? Мы за социализм созидания, а вы за социализм разрушения и террора. Я за единство двух наших партий в вопросах внутренней политики, но никогда я не буду сторонником коммунизма.

Г а н н а. Жизнь заставит тебя, Марк, жизнь и логика борьбы.

Марк. Вряд ли, товарищ Лихта!

Пино. Не верьте ему, Ганна. Он почти коммунист. Он ведет раскольническую политику в партии и профсоюзах.

Марк (с порывом). Я за единство двух партий, отец! Только политические мерзавцы могут вбивать клин между нами!

Пино (пренебрежительно). Мы видим, к чему привело это единство в других странах. Замолчи! Товарищ Лихта, я не верю своим глазам. Покушение на жизнь заместителя премьера...

Ганна. Не столько на мою жизнь, Пино, сколько на демократию, — прав Марк.

Марк. Да, да, третий выстрел за эти месяцы!

Пино. Бог мой! Где наши идеалы? Где все, к чему я призывал народ сорок лет подряд, ради чего я жил, боролся, страдал?

Ганна (раздраженная этим кудяхтаньем). Все в порядке, Пино!

Пино. Все истинные социал-демократы будут возмущены, узнав об этом отвратительном происшествии. Я проведу самое суровое расследование этого факта. Агенты полиции уже направлены мною к месту покушения. Как вы себя чувствуете?

Ганна. Я немного ослабела из-за потери крови.

Пино. Был доктор?

Марк. Сейчас будет.

Пино. Бог знает что, бог знает что! Такого не бывало в нашей стране!

Ганна. Мало ли чего не бывало в нашей стране, товарищ Пино!

Входит Магда.

Магда. Доктор доставлен, товарищ Лихта. Напился ради праздника, и мне пришлось дважды сполоснуть его в реке, прежде чем он пришел в себя.

Ганна. Спасибо, Магда, спасибо, милая!

Марк. Отец, познакомься с Магдой Форсгольм.

Пино. Очень рад.

Ганна. Вот, Пино, эта девушка была начальником разведки одного из партизанских отрядов...

Пино (потрясено). Гм... гм!

Магда (с вызовом). Ну, что скажете, господин Пино?

Ганна. Спокойно, Магда!

Магда. Господин Пино, эти выстрелы — плоды политики правых социалистов. Да, да! Вашей политики, Пино!

Пино. Что она говорит? Что она говорит?

Ганна. Сущую правду, Пино.

Из дома выходит Коста и Минна

Минна. Доктор готов. Здравствуйте, наша честь!

Коста. Это министр общественной безопасности Поаким Пино, жена.

Минна. Ах, в недобрую минуту приехали вы к нам в гости, господин министр!..

Коста. А ну, мужчины, возьмем кресло!

Марк, Коста и Пино несут Ганну в дом. Минна идет за ними. Потом Марк и Пино возвращаются.

Марк. Все будет в порядке. Ну, Магда, мне пора!

Магда. Я провожу вас немного. Я заведу машину и выведу ее на шоссе, хорошо? До свиданья, господин Пино! (Уходит.)

Пино. Ты все еще сердисься на меня, Марк?

Марк. Не и начал эту ссору.

Пино (с трагичностью). Жесткие времена, жесткие дети!

Марк. Отец, лишние разговоры — лишние страдания. Мы окончательно разошлись в наших взглядах. Это надо понять.

Пино. Двадцать лет провести в изгнании, бороться, бороться ради нас — и вот награда за все!

Марк. Прости, отец, я не могу быть с тобой. Магда Фарестольм права: когда стреляют в коммунистов — стреляют в народ. Всей своей политикой ты готовил эти выстрелы.

Пино. Нет, мы были лучше в ваши годы, мы были человечнее, мы понимали нечто высшее... Обвинять отца! И в чем? Бог мой! Весь век мне казалось, что я сею семена добра... Что выросло из этих семян? Раздор... И где? В моем собственном доме!

Марк. Если бы только в твоём доме!.. Во всем мире, пойми, отец, во всем мире!.. Мюнхен — ваше дело, Гитлер — ваше дело, план Маршалла — ваше дело, новая война — тоже ваше дело!

Пино. Что я слышу? Тому ли я учил тебя?

Шум машины. Входят Макс Вента и Христина Падера.

Вента. Что с ней?

Марк. Здравствуйте! Там доктор. Рана не опасна. До свидания! (Уходит.)

Христина. Слава богу! Я пойду к ней! (Уходит.)

Вента. Ужасное злодейство, Пино!

Пино. И в кого стреляли! В Ганну Лихта, всю жизнь отдавшую народу... Пусть она коммунистка, фанатик, как все вы, но ведь ею движет добро, только добро...

Вента. Не делайте из Ганны Лихта добродетельную самаритянку, Пино. Верно, мы хотим добра, но далеко не всем. Народу — да. С врагами его Ганна была всегда беспощадна.

Пино. Вы не можете прощать людям их слабости, потому что не любите людей.

Вента. Нет, я беспрестанно могу повторять слова чеха Юлуса Фучика: «Я любил вас, люди, и был счастлив, когда вы отвечали тем же, и страдал, когда вы не понимали меня».

Пино (отчески). Людям, жившим иными идеалами, вроде меня, невозможно понять вас... Вы создаете анархию в умах людей. (С отвращением.) Газета, которую вы редактируете, распространяет безумие. Вы называете это любовью к людям? Ужасно! Вы разделили мир на две половины, вы только того и хотите, чтобы эти половины вспыхнули в глотки друг другу...

Вента (терпеливо). Я слишком уважаю ваши седые волосы, чтобы сказать все, что я думаю о вас.

Пино. Мы были всегда честны, редактор Вента!

Вента. Э, люди познаются на крутых поворотах, Пино, а они еще впереди.

Пино. Да, да! Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма, а вы пугаете им людей...

Вента. Ах, Пино, коммунизм давно перестал быть призраком! Да ведь и то сказать: для кого он страшило, а для многих, для очень многих он — сама жизнь... У него есть своя родина, свои армии, Пино...

Пино. И тюрьмы!

Вента. Да, потому что он окружен врагами. И даже здесь я вижу их — это вы!

Пино (оскорбленный до предела). Замолчите! Я строю и охраняю социализм, работаю рука об руку с вами не из страха, а из совести.

Вента (не сдерживая намерения). Вот об этом предмете вы бы помолчали! Кто на Антверпенской конференции социалистов сидел рядом с Куртом Шумахером — фюрером германских социал-предателей, ставленником Уолл-стрит? Не вы ли, Пино?

Пино (с достоинством). Я голосовал против принятия партии Шумахера и социалистическое объединение.

Вента (бежительно). Те-те-те... Но когда социал-предатели принесли шумахеровскую нечисть и объединение, разве вы не остались сидеть рядом с предателями рабочего класса и рядом с Куртом Шумахером?

Пино (теряя самообладание). А вы... вы присоединились к новоизбранному Коминтерну, к этому центру международных заговоров. (Почти кричит.) Им руководят Советы! У них свои цели здесь, в Европе!

Вента Пино, вспомните стихи поэта, которого вы так любите:

О, человечество! Сон твой столетний,
Сон о расвете, сон о свободе.
Ванзок и свершения; сумрак рассветный
Взрастил с Востока — ночь на исходе.

Пино (не себя). Этот поэт был гуманист, редактор Вента! Он бы перевернулся в гробу, слыша, что его цитируют коммунисты, толкуя на свой лад... Свет с Востока! Знаем мы, что это за свет!

Вента. Я никак не могу взять в толк, Пино, чего же, собственно, вы хотите?

Пино. Свободы и справедливости. Того, что было у нас в республике до войны!

Вента. Ах, вот чего! Чтобы снова были миллионы безработных? Чтобы изобилие было для тех, кто не работает, но жрет за троих? Второго Мюнхена вы хотите? Чтобы, как в Греции, тишину и безмолвность наших долин, наших поднимающихся к небу гор, мирную жизнь наших селений и городов нарушили выстрелы и разрывы бомб? Ну нет, Пино! Мы и народ — железный кулак, который разобьет все подлости врагов Родины! А если вы будете одним из них, мы обрушим этот кулак и на вас.

Пино (*горько*). Что ж, хороните нас, Вента, хороните!

Вента. Зачем? Мы лишь просим вас понять все, что происходит, и сделать вывод. Слушайте, Пино!.. Сколько раз мы предлагали вашей партии единство! Поймите, этого хотят все честные люди в нашей партии, и этого не хотите вы. Почему вы идете против жизни?

Пино (*сварливо*). Ну, вот что — у меня есть свои представления о жизни... Довольно, я устал от этого глупого спора, редактор Вента!

Пауза. Шум подъезжающей машины. Входят кардинал Бирнч и Яков Ясса.

Кардинал. Иисус и Мадонна с вами!

Ясса (*как эхо*). И Мадонна с вами!

Он становится за спиной кардинала, похожий в своей одежде на черную злоеющую птицу.

Пино. И с вами, монсиньор Бирнч!

Кардинал. Во время богослужения в замке мне сказали о несчастье с Ганной Лихта. Так ли это?

Вента. К сожалению... Стреляли в Италии, стреляли в Японии, теперь у нас... В открытую пошло...

Кардинал. Боже мой, боже мой! Мрачные дни, дети мои! Мрачные дни! Надвигается нечто, не имеющее названия, и оно ужасно. Человек видит бездну, но он беспомощен, потому что потерял свою волю, растворившись в безликой массе. Утеряна вера в высшую благодать. Отсюда эти ужасы...

Ясса (*эхом*). Эти ужасы...

Вента (*с иронией*). Кардинал, а ведь это вы просто-напросто содрали у Сартра и Ясперса — философов-экси-

стенсиналистов. А оба они — просто-напросто духовные выкормыши фашизма.

Кардинал. За каждым словом вы слышите фашизм, редактор Вента, за каждым человеком вам чудится Гитлер. Его нет — и бог с ним!

Вента (грозно). Дьявол с ним, хотели вы сказать?!

Кардинал (смиренно). Пусть будет так...

Вента. А вы знаете, монсиньор, я прочитал вашу последнюю книгу. Любопытное, очень любопытное сочинение! Отдельный человек — центр вселенной, власть масс ведет к гибели цивилизации, и все прочее в том же духе. Библия Уолл-стрита, монсиньор, ей-богу!

Кардинал (вздыхая). Распните, распните меня, редактор Вента!

Вента (со смехом). Придется, монсиньор, придется!

Ясса. Ты еретик! За монсиньором Иоанном Бирнчем — святейший папа, вся великая католическая церковь и народ, верующий в господа нашего Иисуса! Они не потерпят посягательства имени святого отца!

Кардинал (кратко). Молчи, Яков! Господь заведет нам прощать оскорбляющих нас.

Из дома выходит Христина Падера.

Христина. Все в порядке, кость не задета!

Кардинал. Слава Иисусу! (Пауза.) А вы с каждым днем становитесь все прекраснее, Христина. Каким секретом вечной молодости обладаете вы?

Христина (ярко). Спорт, монсиньор, спорт! Я умею находить время и для работы и для спорта.

Ясса. Дщерь вавилонская!

Нинио (покачивая головой). Да, да, мы все поражаемся, как вы можете так много работать в министерстве, быть одним из лидеров партии «Национального единства» и жить так широко.

Христина. Жить широко не значит ли широко мыслить?

Вента. Широко мыслить, госпожа Падера, значит ли правильно мыслить?

Христина (чопорно). Ах, Вента, зачем вам казаться старше своих лет? Надеюсь, вы не давали монашеского обета?

Вента. Избави бог!

В дверях появляется Мина.

Мина. Господа, прошу вас помочь вынести сюда Ганну Лихта. Доктор сказал, что она должна побыть на воздухе.

Вента и Пино уходят в дом.

Кардинал. Я рад видеть вас, Христина, мне нужно сказать вам кое-что важное...

Христина. Монсиньор, я ведь знаю, что вы хотите сообщить мне. Лидер партии католиков Гуго Вастис давно ищет союза с моей партией. Теперь он послал ко мне вас. Но мы противники сговора за спиной масс.

Кардинал (вполголоса). Поймите же, это не сговор, а призыв к единству аристократов духа.

Христина (с презрением). Монсиньор, от вашей философии очень густо несет фашизмом.

Кардинал (не понимая ее). Вы повторяете прописи коммунистов, дитя мое. Католики и националисты едины в своих целях. Что же мешает им договориться?

Христина (резко). Монсиньор, повторяю, я не занимаюсь политическими сделками.

Мина, Коста, Вента и Пино выносят кресло, в котором полулежит Ганна.

Ганна. Спасибо, мне хорошо! Спасибо, милая Мина! Боже мой, сколько хлопот я наделала всем вам!

Кардинал (елейно). Дочь моя, примите от меня возмущение по поводу этого происшествия. Я надеюсь, что преступники будут найдены.

Вента. Да, уж мы постараемся!

Ганна. Я просто не знаю, куда мне девать ваши сочувствия. (Смеется.)

Коста. Жена, зови гостей ужинать.

Мина. Прощу вас, прошу, святой отец, сделайте честь нашему дому. Стол накрыт.

Вента. Как говорится, мы не морщимся перед накрытым столом. Идем, Яков, выпьем, а? Ведь вино и монаси принимают!

Ясса. Ты выпьешь до дна, уготованное тебе в аду, еретик!

Вента. Согласен! Рай слишком скучное место для меня.

Христина. Я посижу с Ганной, мне не хочется есть.

Все уходят в дом.

Ганна. А вы все цветете, Христина.

Христина. Последняя игра солнечного луча. Скоро и он померкнет. Все проходит, как дым. Бегу за жизнью, а она бежит от меня! (Смется.) Боже мой, давно ли мы были с вами в Испании!.. Помните Гвадалахару, Карабачель?

Ганна. Да, да... Только дело-то в том, что каждый из нас искал в Испании свое.

Христина. Такова уж моя натура — искать в жизни неизведанное.

Ганна (помолчав). Да, по-разному мы смотрим на жизнь, Христина! Для нас, коммунистов, и Испания, и подполье, и всякая борьба, где бы она ни шла, — борьба за идею, которую ничто не остановит и не сломит. Для нас жизнь — борьба за лучшую жизнь для всех. А для вас? Риск, поиски неизведанного. Нет, право, не стоит жить ради того, чтобы сверкнуть мотыльком!

Христина. Самое страшное в жизни, Ганна, скука!

Ганна. Это авантюризмом называется, Христина.

Христина. Нет, Ганна! Жить каждым биением сердца, жить каждую секунду, жить и ощущать жизнь во всем ее разнообразии, во всей увлекательной игре впечатлений и переживаний, жить, что бы там ни было, — разве это уж так преступно? Я так много делаю для других, что могу пожить и для себя.

Ганна. Может быть... может быть... А вот я никак не могу выбрать время, чтобы пожить для себя.

Христина. Я бы с ума сошла от жизни, которую ведете вы. Правда, и я работаю в партии и в министерстве. Положение с продовольствием отчаянное, и я тружусь, как лошадь. Но даже и теперь я умею вырываться из кабинета на несколько часов, чтобы заняться портнихами, массажистками, тренерами. Честное слово, я чув-

ственную себя глубоко несчастной, если мне не удастся спрятаться от работы хотя бы на три часа! А вас я не понимаю, Ганна!

Ганна (*задумчиво*). Нет, я счастлива, Христина. Лишь иногда бывает одиноко. Одиноко, когда вспомнишь тех, кто уже не вернется ко мне...

Вытерла слезу.

Христина. Это чувство знакомо и мне. Я глушу его. Жизнь так коротка, а неизведанного еще так много!.. Нет, каждый день должен быть игрой.

Ганна. Ради чего, Христина?

Христина. Чтобы победить...

Ганна. Что победить?

Христина. Все, что стоит на пути к свершению желаний. (*Шутливо.*) А они беспредельны. (*Помолчав.*) Что на Юге, Ганна?

Ганна. Сложное там положение, Христина. Нечистую игру ведут там и люди вашей партии. Они стовариваются с католиками, — да, да, они хотят расколоть Народный фронт!

Христина. Полно, у страха глаза велики. Вам чудится заговор даже там, где едва теплится здоровая оппозиция к политике коммунистов.

Ганна. Коммунисты — глаза и уши народа.

Христина. Бывают глаза, плохо видящие, и уши, плохо слышащие. Право, вы, коммунисты, надоедливо много кричите о реакции. Не кажется ли вам, Ганна, что громче всех кричат о реакции те, кто забрал слишком много власти и боится ее потерять?

Ганна. Кто опирается в своей политике на народ, тот ничего не боится, Христина.

Христина. Ну, знаете, ведь мою партию тоже поддерживает народ.

Ганна. Полно, какой там народ! Буржуев и золотую молодежь вы зовете народом? Не будьте смешной! И помните — я вас предупредила, Христина Падера!

Из дома выходят Иоаким Пино и Коста.

Коста. Госпожа Падера, я и моя жена просим хотя бы отведать нашего вина.

Г а н н а. Идите, идите, Христина! Министр продовольствия должен знать качество деревенского вина.

Коста и Христина уходят в дом.

П и н о. Я разыскал по телефону премьера, он выехал сюда.

Г а н н а. Спасибо! (Помолчал.) Плохие вести привезла и с Юга, Пино! Дело в том, что там зреет заговор, он широк и глубок, а цель его — отторгнуть Юг страны от республики, превратить его в самостоятельное государство с реакционным правительством. Кое-кому за рубежом не терпится ослабить нашу страну, архиепископ Юга вговаривает им и с террористическим подпольем Юга. Вот оно как, Пино!

П и н о. Архиепископ Юга — заговорщик? Он глубокий старец, что ему до мирской суеты!

Г а н н а (жестко). Слушайте, Пино, если вы не обрубите корни заговора одним ударом, он превратится в восстание реакции. Знаете ли вы, что кардинал Бирли служит Богу и дьяволу? Путь заговора, и выяснив это, идут в атаку, и его вымок...

П и н о (и смеется). Что вы говорите, одумайтесь! Он глава церкви.

Г а н н а. И вдохновитель заговора.

П и н о. Но это еще надо доказать! Да, да! У нас демократия! Слава Богу, она еще существует у нас!

Г а н н а. Демократия! (С торжесью.) Демократия, где подавляемая волей войны могут вслух призывать к ней, где заговорщики могут спать спокойно, где все свободно, кроме самой свободы, не так ли?

П и н о (твердо). Мы с вами члены парламента, но не правители. Вы сообщите мне документы, incriminating заговорщиков, и я решу, что делать.

Г а н н а. Хорошо. Я сделаю это.

Входит Магда.

Магда. Прошу прощения, товарищ Лихта! Народ собрался к воротам. Рабочие нашего завода, земледельцы с окрестных ферм. Они хотят видеть вас, но их не пускает сосед Стебан. Я пообещала им сказать вам.

Ганна (живо). Зови их, Магда, зови добрых моих друзей, я тоже хочу видеть их!

Магда уходит.

Ганна (сурово). Иоаким Пино, если заговорщики успеют обрезать нити, ведущие в столицу, я предъявлю вам обвинение в сговоре с изменщиками. Вы знаете меня, я не бросаю слов на ветер, запомните это!..

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Холл-приемная перед кабинетом Ганны Лихта. Овальный стол с газетами и журналами, несколько кресел. Параллельно второму плану идет стена лакированного дерева. Эта стена при нажатии невидимой кнопки раздвигается, открывается кабинет. Соединяясь, холл и кабинет образуют обширную комнату, где можно устраивать заседания с большим числом людей. Сейчас стена сдвинута. В холле сидит, читая книгу,

Макс Вента. Входит Кира Рейчел.

Рейчел. Хэлло, коллега! Вы тоже к Ганне Лихта? Вента (не отрываясь от книги). Да, мисс.

Рейчел. Что за чепуху сказал мне ее секретарь, будто она ушла на перевязку в амбулаторию! Разве она не могла вызвать профессора к себе?

Вента (сухо). Ганна Лихта не делает для себя исключений.

Рейчел. Она фанатик!

Вента (строго). Она Ганна Лихта.

Рейчел. Как ее здоровье? Наши газеты сошли с ума после этого покушения.

Вента. Разве ваши газеты сошли с ума только теперь?

Рейчел. Шутник! Преступники еще не пойманы?

Вента. Вы должны их знать, мисс.

Рейчел. Что за глупые намеки, сэр! (Помолчав.)

Иельзя ли мне посмотреть кабинет Ганны Лихта?

Вента (очень сухо). А вы обратитесь к секретарю.

Рейчел (кокетливо). Ах, наша публика так интересуется деловой и интимной сторонами жизни больших людей! Дурные вкусы, да, но моя работа — мой бизнес, и я должна угождать любым вкусам. У нас думают, что ми-

нистры стран новой демократии работают в пещерах. (Делая глазки.) Не правда ли, какое чудовищное невежество?

Вента. К сожалению, мы еще далеки от новой демократии.

Рейчел (заглядывая через его плечо в книгу). Что вы читаете, сэр?..

Вента. Книгу кардинала Бирнча.

Рейчел. А! У нас эта книга наделала много шума. Кардинал заработал на ней кучу долларов. Это учение так модно!

Вента. Это все, что вы знаете о философии кардинала?

Рейчел. Сэр, я интересуюсь только танцами.

Вента. Как раз в этой книге кардинал Бирнч танцует под музыку Уолл-стрита.

Рейчел. Скучно, сэр!

Вента (непринужденно). Мисс, признаться, я и не хочу веселить вас.

Рейчел (покровительственно). Вы откровенны, это хорошо. Знаете, что-то мисс импонирует в коммунистах, сэр, ей-богу!

Вента. Что именно, мисс?

Рейчел. Ах, это долгий рассказ. Ба! А что если нам поехать к реке, к развалинам замка, пока нет Ганны Лихта? Мы погуляем, я расскажу вам, что я думаю о коммунизме...

Вента. Мисс, я влюблен в одну девушку, но она ревнива, как десяток Отелло.

Рейчел (играя глазками). Скажите, неужели любовь признается коммунистами? Вот уж не знала!

Вента. Мисс, вы говорите просто чепуху.

Рейчел. Но ведь вы так заняты политикой! Когда вы находите время для любви?

Вента. Мисс, любовь сама находит время для себя.

Рейчел (кокетливо). Ах, это так верно! Если бы вы знали, коллега, как я хочу любви и спокойной семейной жизни!

Вента. Очень хорошо, мисс, похвальное желание, мисс!

Рейчел. Честное слово, мне ужасно надоело гоняться за сенсациями. Что касается танцев — я их просто нена-

вижу! (Помолчав.) Говорят, вы пишете книгу — ответ на книгу кардинала? Прошу вас два—три куска из нее, две—три тысячи слов.

Вента (смеется). Минуту назад вы сказали, что вам противны сенсации, и вот вы уже набрасываетесь на меня!

Рейчел (комически). Что делать, сэр! Если я не могу заслужить вашей благосклонности, дайте мне хотя бы небольшую сенсацию!

Вента хохочет. Входит Баст.

Баст. Товарищ Вента, секретарь Центрального Комитета партии просит вас срочно к нему.

Вента. Скажите, Баст, Ганне Лихта — я буду у нее позже.

Баст. Хорошо.

Вента уходит.

Рейчел. Нельзя ли мне посмотреть кабинет вашего шефа?

Баст (строго). Кабинет заместителя премьер-министра не музей.

Входит Марк Пино.

Марк. Здравствуйте, мисс Рейчел! Здравствуйте. Баст! Ганны Лихта еще нет?

Баст. Она будет через полчаса.

Марк. В таком случае я еще успею побывать в Центральном секретариате профсоюзов.

Рейчел. Сэр Пино, прошу одну минуту вашего внимания.

Баст уходит, бросив на Рейчел недоверчивый взгляд.

Рейчел (в бешенстве). Марк, где вы были вчера?

Марк (делая вид, что робеет). Я прямо с маневров захватил в ресторан...

Рейчел. Сэр, я была там... Я видела, как вы танцевали все с той рыжесой, которую я видела на ферме неделю назад.

Марк сконфужен.

Уж не она ли та Минерва или Маневра? Может быть, вы были все это время у нее?

Марк (смиренно). Я уже говорил вам, Кира, я была на испытании нового оружия.

Рейчел (приходя в ярость). И оно стреляет глазками, не так ли?

Марк (очень смиренно). Кира, это новый танк, и я ничего не могу сказать вам больше, вы понимаете...

Рейчел. Сэр, если вы не доверяете своей невесте, значит, не доверяете будущей жене. Ха-ха! Красивая меня ждет жизнь, если я не буду в курсе дел моего мужа!

Марк. Моя работа такова, Кира, что...

Рейчел (перебивая). Я человек принципа, Марк Пино! Я не интересуюсь вашей работой. В данном случае речь идет о взаимном доверии.

Марк. Не надо сердиться, Кира... (Берет ее за локоть, жалобно.) Вы делаете меня несчастным, когда говорите со мной таким тоном, ей-богу!

Рейчел (вдруг повернув ему). Бедный мальчик! Вечером мы встретимся, не так ли?

Марк. Да, да, я так стосковался по вас!

Рейчел. Почему вы в городе, а не на заводе?

Марк. Сегодня Центральный совет профсоюзов обсуждает продовольственное положение в стране. Вы проводите меня?

Рейчел. Не могу, мальчик! Я должна поймать Ганну Лихта здесь, иначе она не примет меня. Я восхищена вами! Эта демонстрация протеста против покушений на вождей коммунизма была устроена великолепно! Вы молодчина! Ха-ха, собрать такие грандиозные толпы и заставить их кричать эти лозунги...

Марк. Их никто не заставлял, Кира.

Рейчел. Да, да, я понимаю! Все равно, вы гениальный организатор! До вечера, милый, да? В ресторане «У старого моста» в девять ноль-ноль, как говорят военные.

Марк. Слушаюсь!

Уходит. Входит Гуго Вастис.

Рейчел. Ба! Мне везет сегодня! Здравствуйте, сэр!

В а с т и с (с грубоватой вежливостью). Я не имею че-
сти...

Р е й ч е л. Кира Рейчел, изучаю танцы вашей страны.

В а с т и с (небрежно). Я не танцую, мисс... э-э, как
нас там... Впрочем, когда у меня отберут мои капиталы, я
станую джигу на пеньковой веревке... Можете сфотогра-
фировать эту картинку, если она доставит вам удовольст-
вие, ха-ха!

Р е й ч е л. Но, сэр, ведь в свое время вы написали мо-
нографию о народных танцах. Ее-то я и хотела просить у
вас.

В а с т и с (рассмотрев ее с головы до ног и снисходя
к смазливой физиономии). Недоразумение, мисс. Книгу
написал мой брат. Теперь и книга и имя брата забыты.
(Вдохнул.) Он уехал из нашей страны...

Р е й ч е л. Ба! Ваш брат! Ну, конечно! Он больше не
занимается танцами, он живет в Нью-Йорке, как же, как
же! Банковский туз и связующее звено между вами и де-
ловыми католическими кругами Уолл-стрита.

В а с т и с. Тс-с, мисс!

Р е й ч е л. В чем дело? А-а, вы встревожены... Вас не
устраивает это место для нашего разговора? Но, сэр, раз-
ве кабинет Ганны Лихта не самое безопасное место для
заговорщиков?..

В а с т и с. Мисс!

Р е й ч е л. И кто может подумать, что мы обсуждаем
дела, связанные с заговором против коммунизма, находясь
в кабинете одного из руководителей коммунизма?.. Ах, им
еще недостает бдительности, как говорят русские! Ну и
отлично!

В а с т и с. Мисс! Что я слышу? Какие слова! Какой
заговор?

Р е й ч е л. Спокойно, сэр, всему свое время. Так вот, я
и говорю: вы вождь католической партии, и естественно,
что вы нуждаетесь в международных связях. Не так ли?

В а с т и с (холодно). Надеюсь, это не шантаж?

Р е й ч е л. Что за мысли, сэр! Вы большой человек,
я послана людьми не маленькими. Они пристально наблю-
дают за вашей деятельностью, они довольны ею, она уст-
раивает их. Ваши интересы — их интересы.

Вастис (осторожно). Вы говорите любопытные вещи, мисс.

Рейчел. Они партнеры в вашем бизнесе, сэр. Они тоже собирают силы подлинной — я разумею, деловой — демократии. И ваша и их цель одна и та же — освободить от влияния большевизма рынки для сбыта идеологии и материальных ценностей. А это влияние, сэр, — подумайте только! — распространяется на страны с населением в полтора миллиарда человек!

Вастис. Так! (Собравшись с мыслями.) Я не могу говорить с вами доверительно, пока вы не представите...

Рейчел. Ах, я и забыла! Пароль и прочее... Позывные рации вашего брата X-5-X.

Вастис (быстро). Что надо пославшим вас?

Рейчел. Сэр, ваш премьер ведет переговоры в Москве. Они договорятся, это ясно. Премьер — вождь ваших коммунистов. Сталин — вождь коммунизма вообще. Они понимают друг друга с полуслова. До возвращения премьера надо убедить ваше правительство присоединиться к программе восстановления Европы — и только.

Вастис. Ха! И только! Какая плата?

Рейчел. Торговля с Западом и Америкой.

Вастис (назидательно). Мы взрослые люди, мисс. Ваши монополисты задуют нашу промышленность. Это не в моих интересах, нет!

Рейчел. Я говорю лишь то, что мне сказано. Стоит также вопрос об объединении всех вооруженных сил стран, примкнувших к программе восстановления.

Вастис. Ха-ха! И чтобы эти объединенные вооруженные силы распеваали «Янки-дудл» под командой дельцов с Уолл-стрита вроде сэра Мак-Хилла?

Рейчел (рассердясь). Уолл-стрит готовится управлять миром, сэр. Не забывайте этого и не ссорьтесь с Мак-Хиллом.

Вастис (поджимая губы). Да, нам-таки пришлось поработать для того, чтобы миссии Мак-Хилла было разрешено приехать сюда. Народ не хотел видеть его здесь. (Пауза.) Народ, мисс, и без того противник американских визитов. Если он узнает об объединении вооруженных сил — пропащее дело! Коммунисты поднимут такой шум, унеси бог!

Рейчел (твердо). Надо подавить коммунистов, если они мешают вам.

Вастис (мрачно). У нас их полтора миллиона.

Рейчел. Вы хотите, чтобы их было три миллиона? Компартия будет полным хозяином страны после выборов. «Все должно произойти до выборов», — сказано мне.

Вастис. Ага, вот мы и добрались до желтка! От нас требуют государственного переворота, не так ли? К сожалению, это вам не Греция. У нас тут нет иностранных войск.

Рейчел (как бы между прочим). О, за этим дело, вероятно, не станет!

Вастис. Мисс, к сожалению, любое правительство, которое призовет сюда интервентов, не продержится и часа.

Рейчел (идет ва-банк). А не подумать ли вам, сэр, о том, сколько времени вы можете продержаться с вашей игрой? Вы канатный плясун, сэр! Вы танцуете на тонкой проволоке и рискуете сломать шею, если не поспешите пройти до конца каната.

Вастис (не слишком обиженный. Она забавляет его). О, мисс, какой решительный тон! Очень сложное положение в стране, трудная работа...

Рейчел (порицательно). Каждая честная работа трудна, сэр!

Вастис (хохочет). Честная работа?

Рейчел. Вы же не получаете за нее доллары... Впрочем, если вы пуждаетесь, сказали мне... Одно ваше слово — и...

Вастис. Мисс, вы забыли, кто перед вами!

Рейчел. В чем дело? Мои деньги — моя дипломатия, так говорят у нас. Но, повторяю, я лишь посредник. Лично я занимаюсь только танцами...

Вастис. И заговорами, мисс?

Рейчел. Попутно, сэр, попутно! На танцах много не заработаешь, публика хочет сенсаций, а где они? Слушайте, дайте мне честное слово, что я первой узнаю о перевороте!

Вастис (хохочет). Честное слово?

Рейчел (строго). Психология побоку, сэр.

Вастис (с улыбкой). Вы читаете мне лекции, мисс?

Рейчел (*упрямо*). Сэр, перевернув здесь все вверх дном, вы тем самым прорвете единый фронт коммунизма...

Вастис. Н-да! (*Задумчиво*.) Дело, видите ли, в том, что наш народ — особый народ. У него есть поговорка: «По делам их познайте их». А он знает дела мак-хиллов... Он не верит им — по разным причинам, мисс. Он не верит также Черчиллю, а мак-хиллы расчищают путь для него. С Черчиллем у нашего народа особые счеты. Говорят, однажды он отправил письмо Гитлеру. Он писал: «Если Англию постигнет такое же несчастье, которое постигло Германию в 1918 году, я буду молить бога, чтобы он послал Англии человека с вашей волей, нашим сердцем и размахом». Это писал Черчилль Гитлеру.

Рейчел. Ай-ай-ай! Вот так засыпался старик Уинстон!

Вастис. Да уж! Все они хотят видеть Германию сильной, они вооружают ее против Советов. И тут есть одна деталь, которую не сбросить со счетов: Германия едва не раздавила нас. Советы спасли нас. Толкуйте после этого о ненависти к Советам! (*Ехидно*.) Да вот вам и сенсация! Это письмо Черчилля мало известно, ваяйте, публикуйте, обрадуйте ваших. (*Хохочет*.)

Рейчел. Подите вы с вашими шутками!

Вастис (*снова осматривая ее с головы до ног*). Вы очаровательны, мисс! Но не может быть, чтобы вы просто повторяли сказанное вам! Где вы изучали политическую экономию?

Рейчел (*с легким раздражением*). Практикой, практикой я совершенствовала свои познания в этой области.

Вастис (*в том же дон-жуанском тоне*). Тогда вы должны быть величайшим практиком.

Рейчел. В схеме все это представляется так: вы боретесь с Советами, потому что Советы руководят вашими коммунистами, а они готовят путч.

Вастис (*посмеиваясь*). Но это надо доказать.

Рейчел. Правильно, сэр! Найдите соответствующий документ.

Вастис (*разводит руками*). А если его нет?

Рейчел. Ба, о чем разговор! Его надо сделать!

Вастис. Хорошо, предположим — мы порьем с Советами! Но откуда мы получим хлеб?

Рейчел (наставительно). Голодные обычно восстают.

Вастис. Они и восстанут — против тех, кто отказался от советского хлеба.

Рейчел. Сумели же ваши сообщники обратить недовольство людей Юга против коммунистов, хотя голодом там пока и не пахнет.

Вастис (мрачно). Н-да! Ганна Лихта целый месяц рыскала по Югу. В ее руках есть какие-то документы... Черт побери, очевидно, даже бог переметнулся на сторону коммунистов и спасает их. И народ верит им и идет за ними. Должен сознаться, мисс, мы не можем больше плясать на проволоке. Она того и гляди оборвется. Ад адвентум фестина—спешите к развязке. Спешите, наши нервы не выдерживают.

Рейчел (торжественно). Наши генералы, сэр, знают свое дело!

Вастис (язвительно). Уж эти мне ваши генералы! Как вы придете сюда, если даже победите коммунистов? В вас будут стрелять не только мужчины, но и дети.

Рейчел (обращаясь скорее к небу, чем к Вастису). Ах, сэр, в мире стало так тесно, что уничтожив еще десятка три миллионов людей, вы лишь оздоровите воздух!

Вастис. Хм... Г-с-д! Идут. (Быстро.) Передайте Мак-Хиллу — я согласен на все. Пусть дадут доллары, оружие... Только скорее...

Вастис и Рейчел берут журналы. Входят Баст и Куртов. Куртов официален, сух, неприступен, говорит скрипучим голосом.

Куртов. Здравствуйте, господин Вастис!

Вастис. Здравствуйте, Куртов! Ваш шеф будет здесь?

Куртов. Госпожа Лихта вызвала моего шефа госпожу Христину Падера к двум часам.

Баст. Положим ваш пакет на стол шефа, господин Куртов.

Куртов. Нет, господин Баст, вы знаете, мою пунктуальность. Мне приказано вручить эти материалы лично госпоже заместителю премьера.

Баст. Как хотите.

Вастис. Референт заместителя премьера по восставлению у себя, господин Баст?

Баст. Да, господин Вастис.

Вастис. Я пройду к нему с вашего разрешения.

Баст и Вастис уходят.

Рейчел (после паузы). Господин Куртов, если не ошибаюсь, референт министра продовольствия!

Куртов (встает и кланяется). Совершенно верно, но не имею чести, гм, гм... (Садится.)

Рейчел. Американская журналистка Кира Рейчел.

Куртов (встает, кланяется). О-о! Я так польщен, мисс! (Садится.)

Рейчел. Вы ездили на Юг страны по делам продовольственного снабжения, не так ли?

Куртов (теряясь). Откуда вы знаете, мисс, гм, гм?.. Это была, гм, секретная поездка.

Рейчел (драматически закатывает глаза). Бог мой, чем меньше страна, тем больше у нее секретов! Откуда я знаю о вашей поездке? Увы, удел журналистов все знать. (Ласково.) Вас не слишком удивит, если я скажу, что знаю ваше настоящее имя, настоящую национальность, подлинные политические взгляды и действительную цель поездки на Юг? (Зло.) Вы плохой охотник за красным зверем, сударь! От вас ждали большего!

Куртов (в ужасе). Мисс!

Рейчел (шпотою). Теперь изобретены бесшумные пистолеты, сударь, а вы палите из автоматов, да еще из американских...

Куртов. Но мы все вооружены только ими, мисс...

Рейчел (строго). Почему не были брошены гранаты, когда Ганна Лихта вышла из машины, раненная только в руку?

Куртов. Господин Вастис запретил пользоваться гранатами. Он боялся шума.

Рейчел. Боже мой! Недобитый человек всегда приносит больше шума, чем убитый! (В отчаянии.) Нет, вас надо учить на каждом шагу! Хорошо, на днях вы получите бесшумное оружие.

Куртов. Торопитесь, торопитесь, мисс.

Рейчел. Слушайте, Куртов, или как там вас... Вы издрогнули? Ба! В чем дело? Журналисты умеют держать язык за зубами. Так я хотела бы знать, Куртов, вы еще не отказались от этой очаровательной идеи — вырезать всех псарийцев?

Куртов (сконфуженно). Ах, мисс...

Рейчел. Передайте терпеливым вашим фюрерам, что оружие отрядам, предназначенным для вторжения сюда, они получат через десять дней. Пункты приема сообщим через вас.

Куртов. Слушаюсь, мисс! (С сомнением.) Вы думаете, лидеры этой страны согласятся на помощь наших сил?

Рейчел. Ба! Коммунисты правы в одном: когда капиталисты боятся потерять капиталы, они перестают быть патриотами.

Входит Ганна Лихта — рука ее на перевязи. С ней Коста Варран и Баст. Баст раздвигает стены кабинета. Все проходит туда вслед за Ганной Лихта. Кабинет ее светлый, хорошо обставленный, с окнами, выходящими на улицу города средневекового типа. На стенах портрет президента, карты. Много книг. Камин.

Куртов (склоняя плешивую голову). Госпожа заместитель премьера, министр продовольствия госпожа Христина Падера исполнила поручить мне передать вам этот пакет, содержащий сведения, затребованные вами.

Ганна (сухо). Хорошо, оставьте.

Куртов. Будьте здоровы.

Отвешивает глубокий поклон и удаляется.

Рейчел. Миледи, вы обещали мне...

Ганна (официально). Извините, мисс, мне совсем некогда говорить с вами. Я здорова, вот и все. До свидания!

Рейчел (с неудовольствием). О'кэй, миледи! (Уходит.)

Баст (почтительно, но без тени раболепства). Почта на столе, шеф.

Ганна. Премьер не звонил из Москвы?

Баст. Нет, шеф. (Значительно.) Через час Иоаким Пиню приедет с докладом. Тон, которым он говорил со мной, был очень удрученный.

Ганна (встрепенувшись). Вот как! (Помолчав.) Меня ждет кто-нибудь?

Баст. Господин Гуго Вастис, шеф.

Ганна (исбрежно). Подождет. Вы свободны, Ян!

Баст уходит.

Ганна. Минуточку, Варра, я прочитаю сверхсекретное сочинение Христины Падера. (Вскрывает пакет.) Сведения о закупке хлеба внутри страны... Посмотрите-ка!

Коста (надевает очки и читает). Именно сочинение! Хо-хо! (Б ярости.) Все эти цифры — брехня! Пусть меня повесят, если я поверю хоть одной из них. Вот что я сделал, госпожа Лихта: не затевая казенной кутерьмы, взял и трех смысленных депутатов парламента — земледельцев, ясно, — и мы на выборку, негласно, расследовали деятельность госпожи министра продовольствия за последнее время...

Ганна. Браво, Коста, узнаю старого солдата!

Коста. Осенью Христина Падера послала четырехста уполномоченных для контроля за уборкой урожая в стране...

Входит Баст.

Баст. Редактор Вента, шеф.

Ганна. Ага, во-время! Просите.

Баст уходит.

Коста (восторженно). Удивительный нюх у этих газетчиков! Где пахнет жареным, они тут как тут!

Ганна смеется. Входит Вента.

Вента. Здравствуйте. Я не помешал?

Ганна. Напротив, Макс. Продолжайте, Варра.

Коста. Уполномоченные по обмолоту подбирались Христиной Падера из людей, входящих только в ее партию...

Ганна. Слушай, слушай, Макс!

Коста. Они обогнали стране в пятьдесят миллионов марок, а того, что сделано ими во вред республике, мы не могли сосчитать. Это не для мужичьих мозгов.

Ганна. Дальше, Варра!

Коста. Они не только преуменьшили урожай, но и распространяли всяческие слухи... Они болтали, будто республика вывозит хлеб, — куда вы думаете? В Советский Союз!

Вента (хохочет). В лес древа позвать!

Коста. Нечистая игра, нечистая! Вот список помещиков и кулаков, которые скрыли двенадцать тысяч тонн зерна. Обмолот у них контролировали люди Христины Падера.

Ганна. Вента, возьми этот список.

Вента. И уж я разделаю его в газете!

Коста. Бейте по зубам, редактор Вента, лупите этих мерзавцев!

Входит Баст.

Баст. Телеграмма от премьера, шеф. Только что поступила из шифровального отдела.

Ганна (живо). А! Давайте, давайте! И вот что! Как только приедут кардинал и Христина Падера, просите их. И Вастиса, Баст. И Вастиса!

Баст. Слушаюсь, шеф!

Уходит. Ганна поспешно вскрывает телеграмму и читает.

Вента. Ну, как идут дела в Москве?

Ганна. Отлично. Товарищ Миха надеется на благоприятный исход переговоров. Но он очень озабочен положением в стране.

Вента. Покушение на вас достаточный повод для беспокойства.

Ганна. Да, Вента, трудно, очень трудно! В подполье я не думала, что, когда мы придем к власти, будет так трудно. Враги не спят. Провокация, саботаж, предательство, клевета, интриги...

Вента. Сомкнуть теснее ряды, Ганна, сомкнуть теснее ряды!

Ганна. Нет, Вента, не только. От твоих слов пахнет сектантством. Многие из наших коммунистов, Вента, живут привычками подполья, приемы подполья переносят в госу-

дарственную жизнь. Никуда это не годится! Надо думать о новых формах связи с массами — почему не занимаются у нас этим? Почему ты не занимаешься этим?

К о с т а. Верно, верно, товарищ Лихта! Вы к нам, к нам...

Г а н н а. Ясно, реакция хочет расколоть Народный фронт и сорвать выборы. Ясно — ставка их на голод. Разоблачить их махинации? Это полдсла. Что же сделать, чтобы массы поднялись на защиту демократии? Ты думал об этом, Вента?

К о с т а. Ах, хорошие слова прочел я в одной книге: «Терпи, терпи, наковальня, пока ты наковальня... Бей, когда будешь молотом!» Уж будьте уверены, госпожа Лихта, земледельцы тряхнут своей силушкой! *(Засучивает до локтя рукав и потрясает кулаком.)* Хо-хо, драться так драться! Да если будет нужно, я приведу сюда сто тысяч земледельцев, и уж мы такой трезвон поднимем, — держись! И за мой колокол будьте покойны. Он умест вызывать бесслую чепуху, но, когда надо, звучит набатом!

Г а н н а. Слышал, Макс? Вот оно что, у самого народа надо учиться, как поднимать народ... Что ж, Коста, в последние дни подполья у нас был лозунг: «К оружию, на баррикады!» Теперь наш лозунг: «На улицу, к народу!» *(Ходит по кабинету.)* Слушай, Вента, надо, чтобы сам народ охранял выборы. Надо обратиться к профсоюзам, к заводским комитетам, к бывшим партизанам, к женщинам, к земледельческому союзу. Разъяснить им со всей прямо-той, к чему направлены усилия реакции. Обратиться с призывом, создать повсюду комитеты действия, которые предупреждали бы саботаж и беспорядки.

В е н т а. Да, партии придется поработать в эти дни! И моим парням тоже!

К о с т а. Вы поменьше держите ваших парней в столице. Вы их посылайте в села, на заводы, редактор!

Г а н н а. Так, Коста! К народу, Вента, на улицу!

Звонок телефона.

Да, Лихта. Здравствуй, товарищ Кунтера. Да, получила. Да, у меня... Хорошо. *(Кладет трубку.)* В шесть часов,

Вента, заседание Центрального Комитета партии. Обсуждается телеграмма премьера.

Входит Христина Падера, кардинал, Вастис.

Кардинал. Иисус и Мадонна с вами в этот день.
(Со вздохом усаживается в кресло.)

Ганна. Здравствуйте, господа! Я должна обсудить с нами продовольственное положение в стране. Я пригласила, кроме прямо заинтересованных лиц, монсиньора Бирнча, чтобы сообщить ему о недостойном поведении некоторых служителей церкви.

Кардинал. Я внимательно выслушаю вас...

Христина (нервно). Господа, продовольственное положение на грани катастрофы. Наши резервы почти на исходе... Если даже премьер договорится в Москве о дополнительной поставке Советами двадцати тысяч вагонов зерна, дефицит будет равняться сорока тысячам вагонов. Австралия и Канада не хотят давать хлеб правительству, где большинство коммунистов.

Вента (прищурившись, в упор смотрит на Христину). Может быть, прогоним из правительства коммунистов?

Коста (ударяет кулаком по столу). Черта с два! Я сражался рядом с ними, это честные патриоты!

Вастис (осторожно). Ваш референт по восстановлению, госпожа заместитель премьера, заявил мне сейчас, что трехлетний план под угрозой срыва, если мы не сможем кормить рабочих.

Христина (как бы вскользь). Голодные работают плохо...

Вента (с угрозой, обращенной к Вастису и Христине). Кроме того, они еще бастуют.

Кардинал (чувствуя приближение схватки и пытаясь отдалить ее). Что сообщает из Москвы наш уважаемый премьер?

Ганна. Он телеграфирует, что успех переговоров обеспечен, по условий не знает.

Вастис. В том-то и дело!

Христина (снова как бы вскользь). А голод не ждет.

Вента. Не так страшен черт, как его малюют. Выдержка, выдержка!

Вастис (раздраженно). Да, да, выдержка, если даже нам придется расплачиваться за советский хлеб свободой страны.

Коста (рассердившись). Брехня! Русские не первый раз помогают нам без всякой корысти. Они спасли нас от немцев.

Вастис (задумчиво потирая нос). Хм... Военные специалисты утверждают, что не приди русские на помощь нашему повстанческому народу, это бы сделали союзники через двадцать четыре часа.

Коста (выбешенный). Двадцать четыре часа! Двадцать четыре часа — это полторы тысячи минут, это полторы тысячи фактов, это полторы тысячи жертв!

Ваня Восток (солдата). Молодец Варра!

Вастис (к Ване Ганне). Большевикский хлеб нам не нужен. Он средство пропаганды большевистских идей! В каждом зерне, присланном ими, яд!

Ганна. Так не кушайте этого хлеба, господин Вастис!

Все смеются. Входит Васт.

Васт. Председатель Центрального секретариата профсоюзной мастер Марк Чиню.

Ганна. Просите.

Васт уходит.

Коста. Земасельцы могли бы увеличить поставки хлеба, но цены на него слишком низкие. Многие берегут хлеб для рынка, вот оно что! Надо увеличить цены на хлеб.

Ганна Воджет, Варра, не выдержит дополнительного расхода и шесть миллиардов карлон.

Коста. А я говорю вам эти шесть миллиардов можно заплатить наши миллионеры. Так говорит и весь народ.

Входит Марк.

Марк. Здравствуйтесь, господа!

Ганна. Здравствуйтесь, Марк.

Христиана. Если даже будут повышены заготовительные цены и мы соберем внутри страны десять тысяч тонн зерна, чему лично я не верю, нам придется купить еще тридцать тысяч гагонов.

Вастис (разочарован — он ждал от Христины больше). Так и так — голода не миновать! Надо снижать пайки.

Марк. Никогда! Центральный секретариат профсоюзов обсудил продовольственное положение в республике и уполномочил меня заявить правительству: профсоюзы не пойдут на снижение пайков. Мы призовем рабочих ко всеобщей забастовке.

Ганна. Кому-то наруку распространять слухи о голоде, и вы знаете, кому это наруку. Я утверждаю, что цифры, сообщенные нам министром продовольствия, ложные. Я обвиняю в распространении паники партию националистов — вашу партию, Христина Падера, партию католиков — вашу партию, Гуго Вастис, и некоторых служителей бога, монашьяор.

Христина (решившись атаковать). Ганна Лихта, голод — подлинно народное бедствие, и все попытки политического маневрирования по вопросу о хлебе накануне выборов должны быть здесь отвергнуты.

Ганна (в голосе звучат железные ноты). Господин Вастис, и вы, кардинал Бирнч! На Юге, где большинство Законодательного Совета принадлежит партии католиков, хаос и анархия в распределении продовольствия. Это я видела сама. (Страстно.) Там прячут хлеб, там поджигают сепаратистские возжеления, там саботируют трехлетку, там не хотят индустриализации, потому что боятся пролетариата, там зреет заговор. Так кто же занимается политическим маневрированием в вопросе о хлебе — моя партия или ваша партия?

Коста. Ай-ай-ай! Черт побери, посадил бы я этих попов-заговорщиков в мешок да в речку, в речку!..

Кардинал (с отвращением). Сын мой, эти кощунственные слова сказаны до тебя королем Генрихом Четвертым...

Коста. Что ж! Значит, он был умный король, если предвидел, что я скажу его слова к месту!

Ганна (прекращая дуэль). Компартия понимает, к чему вы затеяли эту игру. Вы создаете правительству препятствия на каждом шагу. Уже несколько месяцев подряд мы не можем работать нормально. Вы хотите раскола Народного фронта, вы хотите путчей, чтобы сорвать выборы.

Кардинал (с коротким вздохом). Бог мой!

Ганна. Но народ следит за каждым вашим шагом, знайте это!

Вастис (с иронической почительностью). Госпожа заместитель премьера, мы выслушали ваши пространные речи, выслушайте нас. Можно сколько угодно говорить о том и о сем, но одно непреложно: экономника республики в опасности. Между тем наши друзья готовы помочь нам. (Несколько секунд колебания.) Сегодня сэр Мак-Хилл повторил свое предложение помочь нам.

Вента (ожесточенно). Мак-Хилл! Знаем этого господина с Уолл-стрит! Друг Херста!

Кардинал. Сэр Мак-Хилл не с атомной бомбой приехал к нам, а подобно Иисусу с хлебом, чтобы накормить алчущих.

Коста (хозяйственно). А какова будет цена их хлебу?

Вастис. Он может быть дешевле той, что с нас требуют Советы. Принять помощь наших друзей — единственный разумный выход из положения.

Христина (осторожно). Эта проблема так серьезна, что мы должны сначала обсудить ее в наших партиях.

Коста. В партиях? А народ? Что он — бессловесная скотина, на которую можно надевать по пяти хомутов? Мы слышали, что и Западную Германию будут восстанавливать на доллары. Мы этого не допустим. Не допустим!

Кардинал. Бог мой! Пятнадцать миллионов ждут нашего решения. (Возвзвывая голос.) Им грозит голод, а вы — о Германии! (Едва не плачет.) Будьте же милосердны к людям!

Вента. Кардинал, здесь вам не месса!

Коста. Я крестьянин, Сталин — сын крестьянина, он даст хлеб. Он не раз выручал нас. (Убедленно.) Он выручит нас и теперь.

Христина (поднимаясь с кресла). Предлагаю после завтра собрать Совет Народного фронта и принять решение независимо от исхода московских переговоров.

Ганна. Компартия согласна.

Все прощаются с Ганной и уходят. Она провожает их задумчивым взглядом.

Марк (задержавшись). Мне надо сообщить вам нечто очень важное.

Ганна (рассеянно). Хорошо, Марк, я вызову вас.

Марк уходит.

Кто же из них главный? Или все вместе?

Входит Баст.

Баст. Магда Форсгольм, шеф, очень хочет видеть вас.

Ганна (очнувшись от тяжелых дум). А! (Улыбка осветила ее лицо, перед нами просто добрая и очень уставшая женщина.) Просите, просите, я рада видеть ее! Потом пусть войдет Марк. И вызовите машину, я еду к президенту. Большие неприятности, Ян, большие неприятности!

Баст. Шеф, то ли мы видели с вами! Все будет в порядке, не волнуйтесь. Поберегите себя.

Уходит. Входит Магда.

Ганна. Здравствуй, милая, здравствуй!.. Ну, чем ты меня обрадуешь? Как мать? Как твои сестры? (Улыбаясь.) И когда будет твоя свадьба?

Магда (смущаясь). Вероятно, ее совсем не будет...

Ганна. Вот как? Почему?

Магда. Товарищ Лихта, несколько раз мы замечали у завода эту американскую мисс...

Ганна. Эге! (Строго.) Почему же вы не заявляли об этом министру общественной безопасности? И какое это отношение имеет к твоей свадьбе?

Магда (смущаясь еще больше). Тут все связано с Марком.

Ганна. С Марком Инно?

Магда. Да! (Сбивчиво.) Я не знаю, что этой мисс нужно от Марка. Может быть, он действительно любит ее, и она ездит к заводу, чтобы встретить его после смены... Ах, боже мой, я не из таких, чтобы держаться за мужские штаны, вы знаете меня! Но вдруг ей нужно от Марка... Я даже не смею думать, но ведь он идеалист, каких мало. Поэтому я так и... (Чуть не заплакала.) И я

так боюсь за него, так боюсь!.. А если это скажу ему я, он может подумать бог знает что...

Ганна (ласково). Хорошо, Магда, я поговорю с Марком.

Магда. Спасибо, ах, спасибо, дорогая!.. (Делает движение, чтобы обнять ее, но сдерживается.) Спасибо, дорогой наш начальник!.. Мы звали вас так, помните? (Глубоко, по-детски вздохнула.) И еще: на другой день после покушения мои друзья были там, где стреляли в вас. Вот что они нашли там... Патроны от американских автоматов...

Ганна (озабоченно). Спасибо, девочка! Это очень важная находка. (Перебирает патроны. Пауза.) Я позабочусь о Марке (улыбаясь) и о твоём счастье.

Магда. Спасибо, спасибо, начальник! Прошу вас — ни слова обо мне. (Пауза.) Я хотела сказать вам... Я знаю, как вам трудно сейчас... Но я вспомнила, как мы боролись. Мы ведь были вооружены только собственным мужеством, не так ли? И сколько погибло из нас тогда!..

Ганна (скорбно). Да, они не хотели стоять на коленях, они умерли стоя.

Магда. Вот мы победили, добились чего-то...

Ганна. И даже и это хотят отнять у нас, Магда!

Магда. Я знаю, я все понимаю. (Горячась.) Я хочу пойти к моим друзьям и в союзы молодежи и сказать им: с каждым днем борьба становится все более суровой. Пусть они выбирают: либо снова несчастье, либо путь к труду, к науке, к счастью, путь к дням, которые не будут омрачены борьбой за существование, не так ли?

Ганна. Так, так, Магда! Скажи им: Ганна Лихта, потерявшая своих детей, обращается к вам с призывом постоять за демократию.

Магда. Я скажу! Я все скажу!

Целует Ганну и уходит.

Ганна (перебирая патроны). Так... (С угрозой.) Посмотрим, посмотрим!

Входит Баст.

Баст. Министр общественной безопасности, шеф.

Г а н н а. Просите.

Бист открывает дверь кабинета, входит И о а к и м П и н о. Он очень постарел за эти дни.

Г а н н а. Здравствуйте, Пино!.. Я вижу — вы расстроены. В чем дело?

П и н о (его голос дрожит). Госпожа заместитель премьера, архиепископ Юга бежал, успев замести следы заговора, ведущие сюда... Улетел на самолете, приготовленном неизвестно кем.

Г а н н а (бесстрастно). Куда он улетел?

П и н о (убитым голосом). Агентура доносит — вчера его видели в Риме.

Г а н н а. Всегда и везде — Уолл-стрит и Ватикан. Два гнезда заговоров — Ватикан и Уолл-стрит. (Помолчав.) Следствие по делу о покушении на меня дало что-нибудь?

П и н о. Увы, пока нет!

Г а н н а. Оно ничего и не даст. В вашем министерстве сидят реакционеры, Пино, они покрывают убийц. Народ сам ведет следствие, и вот что он нашел на месте покушения... (Передаст ему патрон.) От американских автоматов. Понятно?

П и н о. Бог мой! Американская демократия — и это!

Г а н н а. Мне жаль вас, Пино, мне искренне жаль вас!.. И вы и ваша партия плохо кончили свой век.

Пино безнадежно вздыхает.

Пино, я предупредила вас... Помните, на ферме у Коста Варры? Я сообщу Совету Народного фронта о вашем желании уйти на покой.

П и н о (почти кричит). На покой? Вы хотите... (Задохнувшись.) Вы хотите отнять у моей партии пост министра общественной безопасности и отдать его коммунисту? Этого не будет! (Топает ногами.) Этого никогда не будет! Мы не отдадим вам этот пост!

Г а н н а. Это решит Совет Народного фронта. До свидания, Пино!

Пино медленно уходит. Ганна мрачным, остановившимся взглядом смотрит прямо перед собой. Пауза. Привычным движением Ганна нажимает кнопку звонка. Входит Б а с т.

Г а н н а. Да, Ян, совсем плохи дела у Иоакима Пино!

Б а с т. Хе-хе, эти правые социалисты, шестф, особенные люди! Пока их подкармливают и терпят капиталисты, они еще барахтаются. Кончится кормежка — все расплзается по швам, как старый мундир. Им капитализм нужен, как рыбе вода.

Г а н н а. Это верно, Ян. Ну, зовите Марка!

Б а с т уходит. Входит Марк.

Г а н н а. Что ты хотел сообщить мне, Марк?

М а р к. Это касается Киры Рейчел... Вы знаете, я не могу идти к отцу, он взбешен последними событиями в партии... К сожалению, она накануне раскола. (*Грустно.*) Он обвинит меня в измене и вышвырнет вон не выслушав. Между тем дело в том, что Кира Рейчел... (*Оглядывается.*) Закройте кабинет, и я скажу вам, чего хочет от меня эта мисс...

Ганна в упор смотрит на Марка и, не отводя от него взгляда, нажимает кнопку на столе. Стены сдвигаются.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Зал заседания Совета Народного фронта с окнами, выходящими на величественную площадь. Из окон видны готические башни кафедрального собора. На стенах картины старинной работы, изображающие эпизоды из жизни страны, и портреты ее выдающихся деятелей. Посредине круглый стол и четыре массивных кресла. Справа — стол для стенографисток, слева — места прессы. Направо массивная дверь, ведущая во внутренние комнаты дворца, налево такие же массивные выходные двери. Секретари делегатов — Баст, Куртов, Герц и Файн готовят зал к заседанию: раскладывают на столе бумаги, ставят перед каждым креслом флажок, обозначающий партийную принадлежность делегатов: красный — перед креслом коммунистического делегата, красный с белым треугольником — перед креслом социал-демократического представителя, бело-желто-коричневый — перед креслом делегата партии «Национального единства», белый с изображением распятия — перед креслом Вастиса. На столе перед каждым делегатом стоит микрофон.

Г е р ц. Все ли готово, Баст? Микрофоны проверены?

Б а с т (*с неприязнью*). Да, да, все в порядке!

К у р т о в. Что за кипа бумаг на столе в углу?

Баст (отрывисто). Телеграммы от разных организаций и лиц.

Файн. Что хочет наш добрый народ от Народного фронта?

Баст (с явным вызовом). Наш добрый народ требует, чтобы была отвергнута помощь Америки, чтобы отбрали деньги у миллионеров, чтобы землю отдать земледельцам.

Герц. Эти послания внушены дьяволом.

Баст. Не каркай, ханжа!

Герц (гнусаво). Брат мой, мир теряет человеческий облик. Спасения нет, толпа властвует над умами... Вы посмотрите на площадь... (Закатывает глаза.) Она вся запружена пародом, а люди все прибывают. Сто тысяч мужиков, двести тысяч рабочих с заводов...

Куртов. Известно, на площадях обычно собираются бездельники!

Баст. Но, но, Куртов, потише!..

Файн. Ах, страна в кипении, страсти разгораются с каждым днем! (Он немощно, старчески шепелявит. Он так дряхл, что кажется, дунь на него — и развалится. И ножки у него, как спички, и тоненькие руки, мертвенно бледное лицо под шапкой совсем белых волос.) Я старый социал-демократ, я провел все свои годы с моим шефом Иакинмом Пино. (Скорбно.) Ах, не то было нашим идеалом, не то, не то!..

Баст. Ваши идеалы, черт бы их побрал! Они привели нас к Мюнхену! (Отвешивает Файну насмешливый поклон.) Ваш Мюнхен стоил мне лично трех лет концлагеря, двух вышибленных гестапаками ребер и раны в живот в партизанской войне... (С сердцем.) Ваши идеалы! Ваши идеалы!

Входит слуга

Слуга (торжественно). Его высокопреподобие кардинал Бирнч.

Баст. Этому что тут надо?

Герц. Он приглашен госпожой Ганной Лихта.

Баст. А-а! До заседания осталось полчаса. Выпьем кофе, Файн, а?

Файн. Только воду, Баст, только воду... Старое сердце, да, да!

Баст, Файн и Куртов уходят направо. Левая дверь раскрывается. Яков Ясса везет кресло, в котором полулежит кардинал Бирнч.

Герц. Вы совсем не бережете себя, монсиньор.

Кардинал. Я не мог уклониться от исполнения долга. Сегодня решается судьба страны, а значит, и церкви.

Герц (*вполголоса*). Сэр Генри Мак-Хилл звонил шефу и просил узнать, не может ли он увидеть вас после заседания. Скажем, здесь? Нейтральное место...

Кардинал. Мы будем рады видеть здесь этого богобоязненного человека.

Входит слуга.

Слуга. Ее превосходительство министр продовольствия Христина Падера — делегат партии «Национальное единство».

Входит Христина. Слуга уходит.

Кардинал. Иисус и Мадонна с тобой, дочь моя!

Христина (*целует руку кардинала*). Что с вами, монсиньор? Вы больны или у вас неприятности?

Кардинал (*печально*). ...Проистекающие от моего служения истине, дитя.

Христина (*насмешливо*). Но «что есть истина», монсиньор?

Кардинал. Любовь к угнетаемым толпою, Христина. (*Секретарям.*) Оставьте нас.

Ясса и Герц отвечивают поклон и уходят в дверь направо.

Христина. Монсиньор, вы начали отдавать слишком много времени политике. Берегитесь!

Кардинал (*обиженный*). Вера — мой панцирь, Христина.

Христина. Вера во что?

Кардинал (*благоговейно*). В тот социализм, который, выходя за пределы массы с ее отвратительными фикциями и гнусным весельем, равняется на благополу-

ние индивида. Ошиблось и христианство, мой друг, нападая на социализм, ошиблись и социалисты, нападая на религию и отвергая помощь церкви... Теперь перед лицом коммунизма пришла пора установить взаимопонимание и единство.

Христина (*искося посмотрев на него*). Кого это вы пугаете, кардинал? Я не робкого десятка, вы знаете!

Кардинал. Поглядите в окно, друг мой. Там готовится революция. Она сметет нас, если мы не подавим ее...

Христина открывает окно. Гул народных масс врывается в зал. Она поспешно закрывает окно. Толпа напугала ее, и она решила, что пора играть в открытую.

Христина. Да, пожалуй, вы правы... Я с восхищением прочтала вашу книгу, монсиньор. Да, да, отдельный человек — источник и оплот аристократизма. В том новом порядке, о котором мечтают аристократы духа, должна быть своя философия. Христианство, увы, обветшало, вы подновляете его...

Кардинал (*торжественно*). Во имя борьбы с марксистской ересью.

Христина (*с усмешкой*). Но народ требует замены устаревших или подавленных понятий. Ему все-таки нужна духовная пища. Ваша философия — вполне приличный корм для толпы. (*Пауза. Решительно*). Моя партия ссудила бы вам крупную сумму для того, чтобы ваша книга была в каждом доме.

Кардинал (*остолбенев*). Вы бы помогли мне? Я не ослышался?

Христина. Нет, монсиньор. Я националистка, а национализм может опираться только на отдельную личность. Ваша философия приемлема для нас. (*Пауза*). Вирочем, и вся ваша деятельность...

Кардинал (*лавируя, чтобы не попасть впросак*). Она направлена только к торжеству веры.

Христина (*резко*). Дело не в названии, монсиньор! Я знаю ваши цели. Знаю способы, которыми вы добиваетесь их, знаю о всех делах архиепископа Юга. Кстати, не будь моего самолета, архиепископ давно бы сидел за решеткой из железных прутьев.

Кардинал (*в ужасе*). Христина!

Христина (*решив идти напролом*). Скажу больше, лидер партии католиков — я говорю о Гуго Вастисе — действует всецело по моим указаниям, хотя, разумеется, и не предполагает, от кого они исходят. Между прочим, я помогала ему и вам организовать волнения на Юге.

Кардинал. Иисус, Мария!

Христина (*нежно, почти воркуя*). Видите ли, мое министерство дает мне возможность держать агентов повсюду и быть в курсе всего. Я знаю больше, чем премьер или министр общественной безопасности. (*Задумалась.*) Впрочем, за Ганну Лихта не поручусь... (*Это имя заставляет ее содрогнуться.*) Ну, тем азартнее игра! (*Помолчав.*) Да, так случилось, что после войны все нити антикоммунистического движения оказались в моих руках.

Кардинал. Вы — с тех пор?

Христина. Еще во времена подполья я поняла, что коммунизм не ограничится пределами России, и уже тогда начала готовиться к борьбе с ним.

Кардинал (*голосом, ослабевшим от волнения и восторга*). Сам бог подсказал вам это, Христина!

Христина (*с издевкой*). Предположим! Я еще надеялась, что шествие коммунизма по Европе может быть остановлено мирным путем. Эти надежды рухнули. Я стала собирать силы здесь и вне страны. Я исправляла оплошности Вастиса, — он плохой конспиратор, монсиньор. Я устроила ему связь с сепаратистами Юга. Вся его политическая переписка с Ватиканом и с Католической ассоциацией Америки шла через меня.

Кардинал. Вы сам дьявол! Вы знаете всех наших?

Христина (*с блаженным видом невинности*). Ваши люди — мои люди. Яков Ясса получает жалование и у меня.

Кардинал. О-о, каналья!

Христина (*добывая кардинала*). Связи Вастиса с кардиналом баварским Фаульгабером и американским кардиналом Спеллманом шли через Куртова, а этот немец работает на меня.

Кардинал. Вастису помогал немец? Это ужасно!

Христина (*презрительно*). Вы ханжа, монсиньор! Вы чудесно сговаривались с немцами в дни оккупации. И знаю, молчите!

Кардинал. Бог мой! Кто же вы?

Христина (переходя на деловой тон). Скажу откровенно: я центр всего, что делается здесь и на Юге. И в непосредственном контакте с Генри Мак-Хиллом, а через него — с руководящими деятелями некоторых великих держав. Куртов, мисс Рейчел — второстепенные посредники, мы откажемся от них. И от Гуго Вастиса тоже.

Кардинал. Это невозможно.

Христина (сердится на наивного Бирнча). Гуго Вастис действует грубо и примитивно. Он может всех нас подвести под петлю, а вас, монсиньор, в первую очередь. Он устроил покушение на Ганну Лихта, устроил гаупо, грубо, а вы благословили эту бездарную затею.

Кардинал. Я?

Христина. Да. И я просто выдам Вастиса. Мне нужна эта жертва.

Кардинал. Дочь моя, человеческие жертвоприношения противны религии.

Христина. Уж как-нибудь религия примирится с этим, монсиньор! Пусть они возьмется с Вастисом, тем самым я отвлеку их внимание от нашего дела.

Кардинал. Это так не патриотично, дочь моя!

Христина (жестко). Монсиньор, высший долг патриота заключается в том, чтобы любыми средствами подорвать коммунизм. (Пауза.) Поговорим о деле. Мы должны создать в стране путем террора и диверсий такую панику, чтобы она окончилась гражданской войной. Цель, я думаю, ясна вам? Надо создать предлог для иностранного вмешательства.

Кардинал (с деланным негодованием). Вы хотите интервенции, Христина?

Христина. Ах! А кому страшны интервенты? Вам? Мне? (С ненавистью.) Толпе, монсиньор, толпе, которая рычит на нас, скаля зубы. Страна в брожении, все кричат о заговорщиках и предателях. Кого они имеют в виду, монсиньор? (Твердо.) Я скажу: лучше немцы, чем коммунисты у власти. До выборов остался месяц. У меня все готово, люди расставлены и ждут сигнала. (Ультимативно.) Итак, монсиньор?

Кардинал. Выделение Юга в самостоятельное государство с католическим правительством во главе — вот на чем мы можем сговориться.

Христина. Что ж! Лучше две узды для бешеных животных, именуемых народом, чем одну.

Кардинал (*склоняя голову*). Все мои силы и связи с этого часа в вашем распоряжении, дочь моя.

Христина. Мы начинаем действовать, монсеньор. Кадры для борьбы готовы и вооружены. В этом нам помогли наши заокеанские друзья.

Кардинал. Но вдруг провал?

Христина. Я переправила архиепископа в Рим не только за тем, чтобы спасти его от ареста. Он собирает вокруг себя всех, кто разделяет наши стремления. Он готовится нам убежище на крайний случай. Живя и вне страны, мы будем руководить силами нашего подполья здесь.

Кардинал (*с пафосом*). Вы воистину вожди! (*Пауза.*) Через двадцать минут заседание Совета Народного фронта. Как вести нам себя?

Христина (*как бы размышляя вслух*). К сожалению, сейчас отдельный человек не может ставить радикально вопрос о власти масс, если он хочет выжить. (*Страстно.*) А нам надо, надо выжить, монсеньор! Пока мы должны быть как бы заодно с массой и действовать изнутри.

Кардинал. Вы в совершенстве постигли мою философию, Христина.

Христина (*ядовито*). О, монсеньор, вашу философию выдумали иезуиты!

Кардинал (*обезоруженный ею*). Гм! Храбрость так сочетается в вас с красотой души... Ради чего вы пошли на это?

Христина (*с предельной откровенностью*). Я по природе игрок, монсеньор. (*Сместся.*) А если говорить серьезно — я хочу спасти себя... и цивилизацию... Кстати, надеюсь, вопрос о собственной шкуре не последний и для вас, не так ли?

Кардинал. Увы, все мы лишь грешные люди!..

Входит слуга.

Слуга. Лидер католической партии доктор Гуго Вастис.

Кардинал (служе). Брат мой, отвези меня во внутреннее покое, я хочу подкрепить себя чем-нибудь до заседания.

Слуга несет кресло кардинала в дверь направо. Входит Гуго Вастис.

Вастис. Здравствуйте, госпожа Надера! Еще никого нет? Очень хорошо! Мне надо поговорить с вами. Ну, что решила ваша партия о присоединении к блоку шестнадцати стран?

Христина (сухо). Я объявляю решение на заседании.

Вастис (озадаченный). Маневрируете, господа националисты?

Христина (с вызовом). А вам не терпится замазать американской помощью биржевую панику, устраиваемую советом промышленников? Вам не терпится вернуть ваши заводы, насадить поповщину и снова управлять страной? Не выйдет!

Вастис. Ага! А вы слышали, что коммунисты предложили социал-демократам единый фронт при решении вопросов о плане Маршалла и о налоге на богатей?

Христина (рассеянно). Мне все известно.

Вастис (напрягая). А вам известно, что Иоаким Пино получила пятьдесят тысяч телеграмм от рядовых членов партии с требованием принять предложение коммунистов?

Христина. Враки! Получено сто тысяч телеграмм.

Вастис. Вы не знаете. (Грубо.) Вот что, госпожа Надера, совет промышленников откажется субсидировать наши партии на выборах, если мы не сумеем защитить их.

Христина (растерявшись, с деланным безразличием). Вот как?

Вастис. Да, вот как! У коммунистов и социал-демократов, если они соединятся, будет шестьдесят процентов голосов в парламенте. Они смогут провести любой закон, понимаете ли вы это? Сейчас самое подходящее время расколоть социал-демократию.

Христина (про себя). Боже мой, он все еще думает о парламенте! (Вслух.) Мы обойдемся без ваших советов, господин Вастис.

Вастис. Вы что, госпожа Падера?

Христина (*прокурорским тоном*). Господин Вастис, мы не желаем иметь с вами никаких дел, потому что вы террористы. Вы начали стрелять в людей нашей страны из американских автоматов...

Вастис (*в ярости*). Что вы говорите?

Христина. То, что знаю! Поберегитесь!

Входит слуга.

Слуга. Его превосходительство министр общественной безопасности Иоаким Пино, делегат социал-демократов. Представитель профсоюзов мастер Марк Пино.

Христина. А! Святое семейство! Не будем мешать им.

Вастис. Вы должны объяснить мне, черт возьми!..

Христина. Идемте, идемте...

Уходят в дверь направо. Из двери налево выходят Пино и Марк. Они садятся и занимаются чтением бумаг, не глядя друг на друга.

Слуга уходит. Пауза. Слуга снова входит.

Слуга. Ее превосходительство заместитель премьер-министра делегат коммунистической партии Ганна Лихта.

Открывает дверь и с глубоким поклоном встречает Ганну.

Марк и Пино встают.

Ганна. Здравствуйте! Ну, Пино, что же решило правление нашей партии по поводу нашего предложения? Центральный Комитет ждал ответа весь день.

Марк. Мы только что кончили заседать...

Ганна. Ну, и что?

Пино (*кричит*). Спросите моего сына, зачем он порочит старую гвардию партии! Он стал в ней агентом другой партии, и вы знаете, Ганна, какой именно.

Ганна (*улыбаясь*). Так... Значит, вы не пришли к соглашению?

Марк. Соглашение достигнуто только по одному...

Пино (*перебивая*). Молчи, Марк! (*Важно.*) Председатель партии пока еще я, и я не уполномочивал тебя сообщать кому бы то ни было решение правления!

Марк (*очень мягко*). Можно упрекать одного человека в том, что он агент другой партии, но как можно

объединить в этом сто семьдесят тысяч социал-демократов, желающих единства с коммунистами? *(Вынимает из портфеля пачку телеграмм и бросает на стол.)* Вот их голоса! Можно сагитировать сто человек и заставить их скандировать: «Единство с компартией». Но как заставить сделать это тысячи? Как заставить миллионы кричать: «Долой план Маршалла!»? А они кричат именно это. Послушай! *(Открывает окно.)*

Огромные массы на площади скандируют: «Долой план Маршалла!»
«Единство, единство!»

Пино *(в ярости закрывает окно)*. Мы не можем подчиняться воплям толпы.

Ганна. Ага! Кардинал повторяет слова фашистов о толпе, социал-демократ Иоаким Пино повторяет кардинала!

Пино *(отмахиваясь от Ганны)*. Я не привык принимать решения под давлением.

Марк *(все еще не теряя надежды убедить отца)*. Разве нас давят сверху? Единства требует народ.

Ганна *(понимая всю никчемность спора)*. Ответьте же мне: мы можем рассчитывать на вашу поддержку?

Пино *(уклончиво)*. Это смотря по какому вопросу.

Ганна *(брезгливо)*. Ну что ж, Пино, мне ясно, кто главный раскольник среди нас.

Входит слуга.

Слуга. Делегат земледельческого союза господин Коста Варра.

Пропускает Косту и уходит.

Коста. Здравствуйте, господа. Народ-то как шумит, а? Триста тысяч земледельцев и рабочих на площади! Если мы выйдем к ним сегодня с пустыми руками... Нет, нет, лучше повеситься в каком-нибудь паршивом хлеву. Что слышно от премьера?

Ганна. Мы должны принять решение, Варра, независимо от хода переговоров в Москве. Мы не хотим, чтобы реакция спекулировала на пресловутом давлении Москвы.

Пино *(голосом, дрожащим от гнева)*. Да, да, мы

еще суверенная держава и не позволим давить на нас ни хлебом, ни долларами! (Смотрит на часы.) Пора напирать.

Нажимает кнопку. Появляется слуга.

Пино. Приглашайте представителей прессы и стенографисток. Удалимся, пока все не соберется.

Все, кроме Марка, уходят в дверь направо. Из дверей налево входит стенографистки, корреспонденты. Между ними Вента, Рейчел. Рейчел подходит к Марку.

Рейчел. Мой мальчик, вы чем-то расстроены?

Марк. Да, неважное у меня настроение, Кира. Ах, вы так нужны мне сегодня!

Рейчел (холодно). Сэр, вы забыли о моих условиях. Доверие, сэр, доверие!

Марк (передает ей книгу). Я долго боролся, но я не могу отказаться от вас, Кира. В этой книге вы найдете то, что я обещал вам.

Рейчел. Спасибо, сэр! (Страстным шепотом.) Там же, как и всегда, и в то же время!

Фотографирует зал заседания. К Марку подходит Вента, берет его за локоть.

Вента. Марк, в память былой нашей дружбы советую — пошли ты ее к чертям. Ты слишком крупная прищипанка. Не забывай, где ты работаешь и что делаешь.

Марк (вызывающе). В нашей среде до тебя не было предателей.

Вента (далекій от мысли обижаться на этого человека). На что ты намекаешь, Марк?

Марк (выливает на Венту всю ярость, кипящую в нем). Ты каждый день в своей газете обливаешь грязью отца. Ты сам хочешь быть министром, не так ли? Не потому ли подкапываешься под него?

Вента (хладнокровно). Дурак! Если я подкапываюсь под него, так ты роешь ему могилу.

Марк с усмешкой отходит от Венты. К Венте подходит Рейчел.

Рейчел (кокетничая). Коллега, как ваша книга?

Вента (недоумевая). Мисс, что вам надо от меня?

Рейчел (мурлыкая). Вас!

Вента (сбитый с толку). Ого! Вам мало Марка!

Рейчел (тем же мурлыкающим тоном). Мне нужны вы, только вы! Я буду анархисткой, коммунисткой, чертом, дьяволом, только с вами.

Продолжительный звонок. Водворяется тишина. Из двери направо один за другим выходят делегаты партий; за каждым идет секретарь. Яков Исс вывозит кардинала. Щелкает фотоаппарат. Делегаты партий занимают места за столом, кардинал — рядом с Костой Варра и Марком Пино. К Христине, фотографируя ее, подходит Кира Рейчел.

Рейчел (шепотом). То, что вам нужно, у меня, сударыня.

Христина (вполголоса). Будьте здесь после заседания. (Громко.) Бог мой, какая грандиозная толпа на площади!

Пино (истеричливо). К делу, к делу! Согласительный Совет Народного фронта в полном составе. Внутриполитические силы представлены: Земледельческий союз — Коста Варра, профсоюзы — Марк Пино, церковь — кардинал Бирнч. Решают делегаты партий.

Марк. Я протестую! Почему земледельцы и профсоюзы отстраняются от принятия решений?

Пино. Но тогда мы должны дать право решения и таким силам, как церковь и финансы.

Вастис (важно). Богу и деньгам, Марк Пино!

Коста (рычит). Ого, как они заговорили! Пятьдесят тысяч буржуев и попов хотят иметь одинаковые права с миллионами, которых представляем мы.

Вастис. Потому, что у нас демократия, Варра!

Коста. Хо-хо! Демократия!

Марк. Подождите, Варра, подождите! Мы еще скажем свое слово.

Пино. Вы слышали, Ганна Лихта? Радуйтесь!

Ганна (кладет руку на плечо Марка). Да, я радуюсь — он начинает понимать, что есть истинная демократия. Не так ли, Марк?

Пино (устало). Я прекращаю дискуссию, будем следовать установленному принципу.

Ганна. Я предлагаю включить микрофоны: пусть народ слышит голос делегатов партий, решающих судьбу страны...

Пино (*ворчливо*). Не к чему народу слушать наши препирательства.

Христина. Ничего, кроме смятения, в умы это не внесет.

Вастис. Спокойствие в сердцах и умах — вот что должно повелевать нами в этот час.

Коста. Вы просто боитесь народа, лицемеры!

Пино. Большинство за то, чтобы не открывать микрофоны.

Ганна (*с гневом*). Это большинство преходящее, уверяю вас.

Пино. Обсуждается вопрос о налоге на миллионеров.

Ганна. Сейчас мы увидим, Варра, кто желает добра народу. (*Встает.*) Центральный Комитет компартии уполномочил меня заявить вам: мы за обложение миллионеров.

Христина (*презрительно*). Это предвыборный трюк — и только.

Вастис (*в бешенстве, брызгая слюной*). Провокация — вот что это! Многие из сидящих здесь горько пожалеют, если решение будет принято!

Входит слуга.

Слуга. Тысяча извинений, господин президент совета! Делегация народа требует допустить ее в зал заседания.

Вастис. Гнать! Здесь не митинг.

Коста (*встает, яростно*). Пустить и выслушать, иначе, клянусь, я выйду на площадь и приведу сюда всех!

Пино (*тоном агнца*). Позовите посланников народа.

Слуга открывает дверь. Входит земледельцы во главе с Фимусом.

Фимус. Почтенные господа, мы делегаты земледельцев. Их слова передаст вам Стебан Веха.

Стебан. Ах, у меня сегодня так тяжело на сердце! Моя старшая дочь больна... Скажи уж лучше ты, Фимус.

Фимус. Господа! Земледельцы просят избавить их от разорения. Нужна ссуда, господа... (*Прижимает руку к сердцу.*) Но мы не хотим новых налогов. Мы говорим: пусть заплатят миллионеры. Мы говорим вам еще: в нашей стране двадцать тысяч помещиков. Мы просим о зе-

мельной реформе. Мы просим земли для тех, у кого ее нет.

Коста. Так, Фимус!

Фимус (сердечно). Чтобы не расстраивать вас, я не стану повторять все, что болтают на площади. Но там страшное говорят, господа! Там грозят народным восстанием.

Пино. Идите, друзья, мы решим в духе закона и высших идеалов демократии.

Делегаты уходят.

Пино (потупив глаза). Конфискационный характер этой меры мне совершенно ясен. Если ее и можно назвать революционной, то демократической — никак. Она в противоречии с основным принципом конституции, перед которой все граждане равны. (Печально.) Я не могу голосовать за эту меру.

Марк (с отчаянием). Ты расколол партию, отец!

Коста (разъяренный). Я вас спрашиваю, для чего создан Народный фронт? Для того, чтобы щадить миллионеров и спекулянтов?

Пино (гнетенный). К порядку! Я голосую!

Ганна. Не устраивайте комедий, Пино. Все ясно! Но мы требуем, чтобы были названы имена тех, кто голосовал против обложения миллионеров.

Вастис. Новая провокация!

Пино. Я объявляю об этом после заседания. Обсуждается вопрос о принятии американской помощи.

Входит слуга.

Слуга. Я глубоко огорчен, господин президент Совета, но...

Пино (хмурясь). Кто еще там?

Слуга. Делегация рабочих, молодежи и женщин...

Пино. Боже мой! Надеюсь, это последняя? Просите!

Слуга уходит. Входят делегаты, в их числе Магда и Минна.

Пино. Прошу вас, но короче, короче!!

Магда (волнуясь). Господа, рабочие уполномочили меня и товарищей. И молодежь поручила мне сказать их слово. И партизаны, которые боролись за независимость. Рабочим грозит безработица, если кто-то будет командовать нашей промышленностью, сказали они. Молодежи грозит безнадежная жизнь... Преследование ждет тех, кто боролся с фашистами, как это мы видим в Греции, во Франции... Кому нужна эта помощь? (Смотрит на Вастиса.) Капиталистам и тресам, которые ставят одну свечку богу, а другую сатане. Знайте, мы будем бороться против любого решения, обрекающего страну на рабство! Я все сказала. (Глубоко вздохнула — по-детски.)

Марк (вполголоса). Магда, никто не мог бы сказать лучше тебя!

Магда смущена.

Мина. Почтенные господа, прошу прощения, я послана женщинами. Они пришли с детьми из дальних селений. (Мужу.) Не ухмыляйся, старый бездельник. (С огорчением.) Видит бог, мой муж скорее похож на бабу! Ха! Как он хвастался! Он обещал народу и то и это! Так вот теперь народ послал меня...

Вастис (вкрадчиво). Тебя научили, женщина!

Мина (смело). Да, научили!

Вастис. Вот видите!

Мина. Меня научили фашисты, Гуго Вастис! Мы не хотим оккупантов, кто бы они ни были!

Ганна. Говори, говори, Мина!

Мина. Клянусь Мадонной, я скажу, что говорят там, на площади. Народ сказал: пусть знают господа, заседающие во дворце: мы бедны, у нас у самих ничего нет, и мы не хотим увеличивать прибыли американских миллионеров.

Ганна. Bravo, Мина!

Первая женщина. И мы отдадим голоса на выборах — а они близки, не забывайте — тем, кто выскажется против американской помощи, за которую нам придется потом расплачиваться потом и кровью.

Вторая женщина. Нам грозят атомной бомбой, будь она проклята, а у нас есть дети, да и мы сами хотим жить.

Мина. Они сказали: если на выборах победят те, кто на народ, а прочие (*грозит пальцем в сторону Вастиса*) мытуют что-нибудь, мы дадим им хорошего пинка. Вот и все!

Кардинал (*ласковым, отеческим тоном*). Женщины! Неужели вы за коммунизм, который ползет на нас страшной тучей с Востока? Подумайте!

Мина. С Востока? Но с Востока к нам идет и солнце, вот оно что, монсеньор!

Пино (*устало*). Идите на площадь, друзья, скажите: Народный фронт решит справедливо.

Делегаты уходят.

Пино. Продолжаем, господа. (*Он совсем ослабел.*)

Вастис. Я скажу. Мы верим, плановое хозяйство — это путь, ведущий к мировому хозяйству и благосостоянию человечества. Надо скорее начать мировое хозяйственное планирование, используя с этой целью все представляющиеся возможности, в том числе и план, предлагаемый нашими заокеанскими друзьями. Конечно, в нем имеются односторонние, эгоистические интересы...

Ганна. Слушайте, слушайте!

Вастис. Впрочем, они не столь опасны. Но я никак не понимаю толк одного: Советы называют американскую помощь Европе экономическим империализмом и объявили ей войну. В то же время они усердно помогают своим западным соседям. Почему же одна помощь — экономический империализм, а другая — нечто идеальное?

Христина (*про себя*). Боже, какой идиот!

Ганна (*гневно*). Я протестую против этого сопоставления. Уолл-стрит навязывает свою помощь потому, что он в страхе перед кризисом и революцией. Советы, разоренные войной, помогая нам, приносят в жертву часть собственного благополучия, ничего не требуя взамен. В переговорах с Советами мы всегда равная сторона. В переговорах с Уолл-стритом нас унижают и оскорбляют.

Вастис (*вызывающе*). А мы вообще против всяких там переговоров с Советами!

Христина (*про себя*). Чудовищный идиот!

Ганна. Теперь скажу я. Мы знаем, что Уолл-стрит обещает доллары тем странам, где в правительстве нет

коммунистов. (*Шум. Ганна возвышает голос.*) Не стройте иллюзий — мы не уступим ни пяди из того, что завоевали!

Еще больший шум, и еще громче звучит голос Ганны.

Мы не уйдем из правительства, чтобы предоставить вам удовольствие делать в стране, что пожелает дядя Сэм! (*Подходит к окну.*) Вы слышали, что гонорит народ? Он понимает, что когда нападают на коммунистов — лучших защитников народа, — то метят в народ.

Христина (*высокомерно*). Не одни мы боремся с немцами!

Ганна (*страстно*). Да, но мы с полным правом можем сказать, что наша партия — это партия стоявших под расстрелом. В борьбе она понесла столько жертв (*голос ее дрогнул*), сколько не понесли все ваши партии, вместе взятые.

Вента. Вы хотите забыть эти жертвы? Не удастся!

Ганна. Они бились не за то, чтобы мы продали свою честь за доллары! Это знает наш народ. И рядовые члены ваших партий — те, кто сражался с нами рядом против фашистов, помнят о страданиях и надеждах, которые они разделяли с нами. (*Горько.*) Так что же? Забыть об этих надеждах? Продать за личный порошок и сигареты свою свободу, честь, верность нашим друзьям и спасителям? Выдать Уолл-стриту хозяйство страны? Надеть на себя петлю?

Шум. Ганна кричит, перекрывая его.

Нет, не будет этого, не будет!

Вастис (*проникновенно*). Подумайте! Нам дают доллары...

Ганна. Ленин сказал, что на каждом их долларе ком грязи... На каждом долларе следы крови!

Христина (*понимая, что сражение здесь проиграно*). Долларовые займы сами по себе еще не означают благосостояния!

Марк (*встает*). Я уполномочен рабочим классом страны. Рабочие выразили свою волю на съезде профсоюзных комитетов. «Национализация промышленности, банков и наш строй обеспечат нам победы и без помощи Уолл-стрита», — сказал съезд.

Ганна. Голосовать...

Пино. Кто за то, чтобы отвергнуть предлагаемую нам помощь полностью и безоговорочно?

Ганна и Христина поднимают руки.

Пино. Кто за принятие плана Маршалла?

Ганна. Гуго Вастис.

Вастис. Да, Гуго Вастис, будь я проклят! Я человек принципа.

Пино. Я включаю микрофон. *(Включает микрофон.)* Мужчины и женщины! Совет Народного фронта не пришел к согласию относительно обложения миллионеров чрезвычайным налогом.

Ганна. Имена, имена!

Пино. Делегаты всех партий, кроме коммунистической, голосовали против налога! Делегат социал-демократов... *(перевел дыхание)* воздержался от голосования.

Ганна *(с отвращением)*. Трус!

Марк. Пино, группа левых социалистов уходит из партии, продавшейся капиталистам. Мы выступаем единым фронтом с коммунистами. Руку, товарищ Лихта!

Ганна пожимает руку Марка. Коста кладет на их руки свою большую ладонь.

Пино *(деревянным голосом)*. Совет Народного фронта отверг помощь Америки. За принятие помощи голосовал делегат партии католиков. Делегат партии социал-демократов... *(перевел дыхание)* воздержался от голосования.

Вента *(с места)*. Дважды трус!

Ганна. Господа члены совета! На следующем заседании компартия поставит вопрос о смещении с поста министра общественной безопасности Иоакима Пино. Обвинения, выдвинутые против него компартией, будут предъявлены нам завтра.

Вастис. Могу заранее сказать, что совет не пойдет на это. Черта с два, черта с два!

Пино *(немошно)*. Заседание закрыто. Файн, ты свободен, я еду домой.

Все покидают зал, в том числе Баст, Марк, Файн, Коста. К. Ганне подходит Христина.

Христина. Ганна, совет моей партии поручил мне сообщить вам: в наших руках есть факты, уличающие одного из крупнейших политических деятелей нашей страны в подготовке покушения на вас. Он агент иностранного государства, его имя будет сообщено Центральному Комитету компартии и министру общественной безопасности, как только все имеющиеся факты будут подтверждены.

Ганна. Спасибо, Христина. Впрочем, мы и сами бы убили и без вас.

Христина. Но мы уже наняли их...

Ганна. Что ж! И это неплохо. До свидания, Христина!

Уходит. Пино собирает бумаги в портфель.

Христина (жестко). Да, никто не знал, что вы такой трус, Пино!

Пино (кричит). Замолчите, вы!

Входит слуга.

Слуга. Его превосходительство сэр Генри Мак-Хилл.

Пино (озадаченно). Что ему нужно здесь?

Кардинал (бормочет). Верующий человек... Беспокойство по поводу моей болезни... Нейтральное место... Яков, кофе, сигары, коньяк! Мы должны встретить его. Вежливость, дети мои, вежливость!

Все уходит в дверь направо. Ясса приводит в порядок стол. Слуга вносит кофе и уходит. Из двери направо входит кум Стебан.

Ясса. Как вы попали сюда?

Стебан (торопливо). Боковым входом... Десять карлов слуге. Умоляю, одну минутку внимания! (Целует руку монаха.) Святой отец, моя дочь Анна очень больна. Доктора махнули рукой. А ведь она влезала ко мне когда-то на колени и таякала, изображая собачку. (Плачет.) Умоляю вас... (целует рукав монашеской рясы) попросите монсиньора упомянуть ее имя во время мессы... Пожелание здоровья, святой отец...

Ясса (глубокомысленно). Хм! Это будет стоить сто карлов.

Стебан. Берите, святой отец! *(Целует его руку.)*
Она атеистка, как и все они теперь, но, быть может, господь...

Ясса *(с негодованием)*. Ах, атеистка! *(Смягчаясь.)*
Это будет стоить еще сто карлов.

Стебан. Спасибо, спасибо, святой отец!

Целует руку монаха и уходит. Ясса, ухмыляясь, возится с кофейным прибором. Входят Христина, Пино, Мак-Хилл, Вастис — он везет в кресле кардинала. Ясса отходит к окну.

Вастис *(подобострастно)*. Прошу вас, сэр Мак-Хилл! Сюда, сюда!

Мак-Хилл *(он говорит очень тихо)*. Простите меня, господа, но ваш народ очень шумный народ.

Пино *(с проницанием)*. Это странно слушать из уст американца.

Мак-Хилл *(печально)*. Об американцах много наврано, сэр. Поверьте, мы тихие и очень нежные люди. Мы шумим только тогда, когда делаем бизнес.

Пино. То есть всегда?

Мак-Хилл *(разводит руками)*. Бизнес, увы, занимает большую часть нашего времени, и нам волей-неволей приходится шуметь. Но это, так сказать, одухотворенный шум, он мелодичен, как плеск волн. А это что такое? *(Икст в окно.)* Чего они кричат? *(Болезненно морщится.)* Я вас спрашиваю, чего они кричат?

Вастис *(презрительно)*. Марк Пино, Вента и Коста Варра болтают что-то, а толпа рукоплещет им.

Мак-Хилл. Ради бога, простите меня, но вы, сэр, тоже, я бы сказал, излишне громко говорите.

Вастис *(шокированный)*. Что?

Мак-Хилл *(страдальчески)*. Огромная просьба, если вас, конечно, не затруднит, говорите тише. Чрезвычайно много жестикующий и ужимок... Я не привык. Я очень впечатлительный человек и от шума у меня кружится голова.

Неловкая пауза.

Кардинал. Кофе, коньяк, сэр?

Мак-Хилл. Святой отец, я попросил бы и вас говорить несколько тише. Коньяк! Нет, нет! Я пью только молоко и ем только растительное. Я не признаю убийства животных для еды. Я бы вам рекомендовал перейти на здоровую растительную пищу. Впрочем, это дело вашей совести. (Пауза.) Говорят, вы отказались от нашей помощи?

Пино (с достоинством). Мы чрезвычайно благодарны вам, но народ решил, что она не нужна ему.

Мак-Хилл. Это мы оказываем помощь, следовательно, мы лучше вас знаем, нужна она вам или нет.

Пино (раздраженно). Мы ее не просим у вас, сэр.

Мак-Хилл. Мы столь великодушны, что оказываем помощь даже тем, кто ее не просит. В конце концов благополучие человечества для нас важнее всего. Для того чтобы не быть голословным — кстати сказать, самовлюбленность отвратительна американцам, — я могу привести в пример греков, турок и этих... ну... (с отвращением) персов... Они же благодетельствованы нами. В конце концов нам не жалко, пусть живут. Я должен открыть вам, господа, маленькую личную тайну. Я, видите ли, по природе лирик, почти поэт. Греки и турки представляются мне как-то весьма романтически...

Пино (ехидно). Быть может, потому, что они черные и напоминают вам негров?

Мак-Хилл (с негодованием). Я попрошу вас, сэр, в моем обществе не произносить неприличных слов. (Пауза.) Итак, повторяю, я слышал, что вы отказались от нашей помощи?

Пино (упрямо). Такова воля народа, сэр.

Мак-Хилл (закрыв один глаз). Простите, не понимаю.

Пино (сдержанно). Разве я не ясно говорил?

Мак-Хилл. Ваши слова ясны не более, чем мычание теленка. (Внимательно смотрит на Пино.) Вы производите на меня неблагоприятное впечатление. Учтите — неблагоприятное. В ваши годы деловой человек обязан понимать, что воля народа не играет никакой роли...

Пино (трясаясь от ярости). Я не деловой человек, я политический деятель, а политический деятель обязан всем сердцем и всей душой...

Мак-Хилл. Я попрошу вас прервать эту речь. Она обещает быть очень длинной, а у меня нет времени, чтобы выслушать ее до конца. Кроме того, я мог бы произнести ее сам, хотя и не так громко. Я отнюдь не претендую на ораторские таланты, коими так блещете вы, сэр Пино, но разрешите мне весьма, может быть, косноязычно сказать вам: ваша глубокоуважаемая страна мешает, вы понимаете? Вы понимаете, кому она мешает?

Пино. Я понимаю, но черт меня побери...

Мак-Хилл. Вы делаете успехи. Итак, вы понимаете, кому мешает ваша многоуважаемая страна. Вы правы — она мешает осуществлению наших планов в Европе.

Пино (с негодованием). Сэр, мы еще не являемся сорок девятым штатом Америки, прошу не забывать этого.

Мак-Хилл (торжественно). Быть сорок девятым штатом Америки большая честь, ее надо заслужить, сэр.

Пино. Как вы смеете!

Мак-Хилл (чуть не хныча). Господа, он опять кричит! Боже, сколько экспрессии по пустякам! Вы машете руками, бегаете по залу, у меня рябит в глазах и кружится голова. Я уже имел честь сообщить вам, что не переполню этого. Кроме того, помилуйте, это же смешно. Вы все еще изображаете себя политическими деятелями, но пять минут назад вас сгинули. Ваша партия, я не хочу сказать о ней ничего дурного, но, обожая вас, она пошла за вашим сыном. Кроме того, я слышал — коммунисты хотят отобрать у вас портфель министра общественной безопасности. Черт побери, я впервые аплодирую им! Я удивляюсь, как они могли терпеть вас до сих пор... Но слушайте, мы предлагаем вам бизнес: мы снова возведем вас в ранг вождя. Ваш премьер, насколько мне удалось установить, милый человек, но он не обладает даром бессмертия. Он может скончаться, в Европе свирепствует грипп... Все в руке божьей, не так ли, святой отец?

Кардинал (хихикая). Да, да, сын мой!

Пино. Куда я понал? Что здесь происходит?

Мак-Хилл (громовым голосом). Молчать!

Вастис. Ваша любовь к тишине изменила вам, сэр!

Мак-Хилл (снова и до конца — очень тихо). Да, потому что пора перейти к делу. (С изысканной вежливостью.) Мы предупреждаем вас: либо вы сломите сопротивление коммунистов и этого стада, или, как вы говорите, народа, либо мы...

Христина. Пино, послушайте...

Пино (кричит). Если вы действительно честные люди, вы выставите его вон сию же минуту. (В ужасе.) Он гангстер!

Мак-Хилл. Сэр, вы невежа, вы не даёте сказать единого слова уважаемой мадам Падера. (Христине, с обворожительной улыбкой.) Мадам, будь я трижды проклят, если мне не хочется услышать сейчас именно ваш голос. Конечно, с такой внешностью разве вам следует говорить на эти скучные темы! Я бы предпочел, чтобы мы говорили совсем, совсем о другом и в другом месте... (Мечтательно.) Озеро... луна... шелест листьев... (Вытирает слезы.) Я юноша сердцем и чувствами, мадам... Простите, господа, я несколько отвлекся от делового разговора! Итак, мадам, вы хотели сказать?

Христина (патетически). Да, я хочу сказать. И слова мои будут отнюдь не сентиментальными. Сэр, пришла пора, чтобы были употреблены все средства для свержения этого, с позволения сказать, режима. Мы наперед согласны на ваши условия. Диктуйте их!

Мак-Хилл. Мне кажется, вам надо изменить ваш строй, не дожидаясь выборов. Мы поможем вам. (Поднимает глаза вверх и молитвенно складывает руки.) Бог вложил в наши руки атомную бомбу, как я понимаю, для установления мира.

Кардинал (без обычной ангелоподобной маски он страшен). Бросайте ее, сэр, пока ее нет у Советов!

Мак-Хилл (покачивая головой). Ах, разве мы знаем, что есть у Советов и чего нет! Нам казалось в сорок втором году, что у них нет ровно ничего. Но вспомните Сталинград...

Пино. Мерзавцы! Бог мой, какие вы мерзавцы!

Беспомощно озирается, делает движение к окну, но там, подобно черной птице, стоит Яков Ясса.

Христина. Пино, нам пужны вы и ваша партия в качестве приличной декорации. Либо вы будете с нами, либо мы уничтожим и вашу партию и вас. Выбирайте!

Пино. Я уже выбрал. *(Обращаясь к самому себе.)* И предавал народ, я разрушал его единство, я изменял социализму... Я долго вихлял по жизни, сбиваясь с дороги, но, кланусь, последние свои дни я не запачкаю предательством.

Мак-Хилл *(трагически)*. Боже, какой шумный человек!

Христина. Пино, вы в наших руках: ваш сын со-общил агенту иностранной разведки описание нового танка.

Пино *(едва шевеля губами)*. Ложь!

Из двери направо выходит Рейчел.

Христина. Марк передал вам описание танка?

Рейчел. Да, сударыня. *(Передает ей бумагу.)*

Христина. Вот, Пино. *(Передает бумагу Пино.)*

Пино *(комкая бумагу)*. Боже мой, боже мой!

Мак-Хилл. Мисс, я попрошу вас убраться вон!

Рейчел *(делая реперанс)*. О'кэй, сэръ! *(Уходит.)*

Пино *(потрясая кулаками)*. Я потребую смертной казни для сына. Я потребую, чтобы и всех вас повесили, повесили!

Шаркая ногами, хватаясь за предметы, идет к двери направо. Дойдя до нее, останавливается, некоторое время стоит со склоненной головой в раздумье. Все молча смотрят на него. Он поворачивается, прислоняется к стене.

Пино *(чуть слышно)*. Вы хотели что-то сказать мне, Христина?

Христина. Я хочу вам сказать: подумайте о своей судьбе. Что ожидает вас, если победят коммунисты? Либо тюрьма, либо изгнание.

Пино. Тюрьма? За мои идеалы? За мои дела?

Васкес. Ха-ха! Ваши идеалы они считают самыми опасными для народа, а ваши дела — сплошным предательством. Да вы и сами только что сказали...

Пино. Что будет со мной и с моей партией, если я...

Христина. Пост президента вам, достойное место вашей партии — я говорю о ее благоразумной части — в правительстве.

Пино. Я согласен. Не ради поста президента...

Вастис. О, разумеется!

Пино. А ради моих идеалов и подавления коммунизма.

Христина. Очень хорошо, Пино. Завтра мы увидимся.

Пино. До свидания. (Уходит.)

Мак-Хилл (внимательно разглядывает ногти). Мэдам, не думаете ли вы, что он может вернуться сейчас сюда с парой полицейских?

Христина. Надо знать этих правых социалистов, чтобы...

Мак-Хилл. Простите, но я говорю это, зная их гораздо лучше, чем вы, мэдам. Минуту назад этот человек хотел предать вас, через минуту он соглашается с вами... Вы точно знаете, что он сделает в следующую минуту?

Вастис. Я не верю ему!

Христина. Молчите, Вастис! (Мрачно.) Куртов, проводите господина Пино! (Пристально смотрит на Куртова.) Успокойте его, успокойте его!..

Куртов. Слушаюсь, шеф. (Уходит.)

Мак-Хилл. Итвя?

Христина. Сэр, нас ведут к цели ваши высокие идеалы. Через месяц все будет готово для вмешательства извне.

Мак-Хилл (зевает). О'кэй, господа, я доволен вами. Мэдам, я надеюсь на скорую встречу с вами. (Целует руку Христине.) Ах, вы само блаженство! Гуд-бай, господа!

Уходит. Пауза.

Христина. Выпьем, господин Вастис?

Вастис (сдерживая дрожь). Не хочу.

Христина (насмешливо). Нервы! Как вы чувствуете себя, монсеньор?

Кардинал (нервно). Я думаю, рюмка коньяку подкрепит меня.

Вастис (прислушивается). А толпа на площади ликует.

Христина. Пусть ликует. Скоро мы разделимся и с теми, кто митингует там, и с теми, кто им рукоплещет. (Злобно.) Через месяц, через месяц мы покончим со всем этим.

Входит Куртов.

Куртов (задыхаясь). Ужасная весть, шеф, колоссальное несчастье! Я не мог предупредить... Я не мог догнать его... Господни Пино покончил с собой, бросившись с лестницы...

Кардинал (нервно). Боже мой!

Христина (ледяным тоном). Позвоните в министерство общественной безопасности, Куртов.

Куртов. Слушаюсь, шеф! (Уходит и тут же возвращается.) Только что прислали из министерства телеграмму.

Христина. Дайте и идите...

Куртов. Какое несчастье, какое несчастье! (Уходит.)

Христина (прочитав телеграмму). Премьер заключил договор с Советами.

Кардинал (в ужасе). Иисус, Мария!

Вастис. Скрыть, а?

Христина (с омерзением). Вы ничего не понимаете. Именно от меня народ и должен узнать это. Я включаю микрофон. (Включает микрофон.) Мужчины и женщины! Только что пришла телеграмма из Москвы от премьера, известяющая об успешном завершении политических и экономических переговоров с Советами. Советы дают нам хлеб и сырье.

Гул народных масс врывается в зал.

Вастис. Подождите, каналы! Вы завопите по-другому!

Христина. Заключен также долгосрочный договор. В течение пяти лет мы вывезем в Советы на тридцать миллионов карлов нашей продукции.

В зал входят Ганна Лихта, Вента, Марк и Коста.

Ганна Лихта (резко). Дайте телеграмму и отойдите от микрофона.

Уходит на балкон. Оттуда слышен ее голос.

Братья! Теперь ясно, — все кривотолки по адресу Советов — это преступление против нашего государства. Прискам реакции положен конец! Они не пройдут через наши сердца!

Коста. Мы пошлем письмо премьеру Сталину, не так ли, мастер Марк? Я написал бы Сталину так: дорогой наш друг, ужасная беда надвигалась на нас, но вы снова спасли нас. Мы заплатим вам верностью и любовью.

Марк. Пиши, Варра, пиши!

Коста пишет.

Христина (подходит к Марку). Мой бедный мальчик! Ваш отец, доведенный до отчаяния расколом партии и коммунистической травлей, покончил с собой десять минут назад. Он обвиняет в своей смерти вас и Венту...

Марк (прислонившись к стене, чтобы не упасть). Меня?

Христина. Спокойно, Марк! Его предсмертное письмо у меня. Жался вас, я скрою его.

Коста с письмом выходит на балкон. Слышен его голос. Потом народ начинает петь гимн СССР.

Христина. Будьте благоразумны, мой мальчик, будьте благоразумны! И все забудется...

Народ поет гимн СССР.

Вастис (кардиналу). Это уж не революция ли, монсеньор?

Кардинал. Это лишь начало. Мы должны в зародыше задушить ее...

Вастис. Через месяц, через месяц!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Кабинет Христины Падера. Окна выходят на городскую площадь, залитую несенным солнцем. С площади доносятся музыка и пение. В кабинете Христина. Она работает. Входит Куртов, с поклоном пропускает мимо себя Мак-Хилла и удаляется.

Христина. Здравствуйте, сэр! Вы неважно выглядите.

Мак-Хилл. Ах, мэдам, не скрою, я переживаю большую душевную драму.

Христина. Что случилось?

Мак-Хилл. Я молод, мне всего пятьдесят семь лет. У меня очень нежное и влюбчивое сердце...

Христина. Мне очень грустно, сэр, но уже несколько раз я говорила вам, что люблю другого. Вы не обращали внимания на мои слова.

Мак-Хилл. И правильно делал, мэдам. Неужели вы думаете, что я буду интересоваться, кого вы любите и как любите?..

Христина. Но это прежде всего означает, что я не люблю вас, сэр.

Мак-Хилл. Это меня тоже не интересует. Я Мак-Хилл. Понятно, мэдам? Мак-Хилл!

Христина. Честно говоря, не совсем.

Мак-Хилл. Женщина, которая в конце концов не полюбила бы Мак-Хилла, нет и быть не может. Ах, все это пустяки, любит, не любит... Нет, мэдам, мои переживания, увы, более серьезные и более глубокие.

Христина (насмешливо). Каковы же они, если это не секрет, сэр?

Мак-Хилл. Вы нужны здесь в качестве вождя и руководителя этой непомерно шумной страны, а сердце мое тянется к вам... (Вытер слезу.) Года три назад при подобной ситуации я влюбился в женщину, такую же, как вы... И тогда и сейчас мне пришлось решать все один и тот же проклятый вопрос.

Христина. И вы решаете его, конечно, в пользу бизнеса?

Мак-Хилл. Вы напрасно иронизируете, мэдам. Очевидно, вы холодный человек и не знаете, что такое настоя-

щая любовь? Но что делать!.. Итак, мэдам, я слушаю вас... Я заранее прошу извинения — я буду грустен, но пусть моя печаль не смущает вас...

Христина. Весь этот месяц после... гм... смерти Пино мы живем во власти кошмаров. С нашего согласия мы выдали Гуго Вастиса, представив доказательства его участия в покушении на Ганну Лихта. Я думала, что этой жертвой отведу удар от главного дела, но Макс Вента, назначенный министром общественной безопасности, рыщет, как волк, и находит добычу то там, то здесь. Главный рычаг — ставка на голод — выбита из наших рук. И вы слишком нетерпеливы, сэр. Ваша политика в Германии вызывает в народе ужасное возмущение... Вы сами портите свою игру.

Мак-Хилл. Мэдам, нам срочно нужны рынки, а коммунизм наступает, наступает, несмотря ни на что... (Глухо.) Признаться, мы в страшном положении. Мы вслух говорим о войне, а Советы молчат. Мы шлем в Иран, в Грецию Турцию оружие, а Сталин отменяет карточки в своей стране. Мы призываем народ к всеобщей воинской повинности, а он демобилизует армию. Мы утверждаем план Маршалла, а он три часа обсуждает вопрос о премиях для литературы... Подумайте, мэдам! И что бы мы ни говорили, что бы ни делали, он молчит или делает обратное тому, что бы мы от него хотели! Непостижимое, леденящее душу хладнокровие. Можно сойти с ума, мэдам! Его невозможно вывести из себя, вы понимаете? Мы делаем еще одну ставку: мы хотим повернуть вашу уважаемую страну против коммунизма... Быть может, это положит предел ледяному спокойствию русских? Не знаю, не знаю... Все очень непонятно, а все непонятное очень страшно, мэдам! Мы не можем медлить.

Христина. В сущности, у меня все готово. Выборы в парламент совпали с празднованием святой Анны. Вы слышите пение и музыку? Народ веселится, не подозревая, как мне кажется, ничего.

Мак-Хилл. Да, да, он шумит...

Христина. Через два часа должны начаться выборы, но я надеюсь, что их не будет. Сэр, что сделано для вмешательства извне?

Ма к-Х и л л. Позавчера я был в Риме. Святейший папа шлет благословение вам, моя радость, и вашему делу.

Х р и с т и н а (с иронией). О, это такая большая помощь!

Ма к-Х и л л. Попам дана инструкция поддержать вас.

Х р и с т и н а (в отчаянии). Не словесная нам нужна помощь!

Ма к-Х и л л. Отряды сепаратистов на Юге и отряды немцев на Западе ждут вашего сигнала. (Сердито.) Что вам нужно еще?

Х р и с т и н а. Своих солдат вы не хотите давать нам, сэр? (Ядовито.) Загрести жар чужими руками, как всегда, не так ли? Немцы! Ха! Вот тут-то и могут начаться всякие неожиданности.

Ма к-Х и л л (тоном учителя). Для нас так называемые фашисты полезнее всяких там... демократов, мэдам. Мы намереваемся установить новый порядок в Европе не на один день, а для этого нужны испытанные кадры. Кроме того, смешение вашего народа с немцами даст миру еще одну полноценную расу. Вашей шумной стране придется примириться с этим фактом. (Помолчав.) У вас скверное настроение. В чем дело? Осталось всего два часа.

Х р и с т и н а. Нет ничего более страшного чем эти часы.

Ма к-Х и л л (смеется). Ах, у вас просто мало практики в таких делах! А я свергал столько правительств, что меня уже ничто не волнует. (Зевает.) Я слышу скрип экипажа, именуемого историей, он поворачивает куда-то.

Х р и с т и н а. Черт его знает, куда он повернет.

Ма к-Х и л л (жестко). Мэдам, не кажется ли вам, что мы не для того отделались от Вастиса с его настроениями и доверили руководство дела вам, чтобы вы повторяли Вастиса? Простите, я не хочу вмешиваться в дела вашей уважаемой страны, но я хотел бы знать ваши планы.

Х р и с т и н а. В половине пятого мы захватим радиостанцию, сообщим о путче, затеянном коммунистами, чтобы сорвать выборы, а объявим о передаче власти директории. Командующий войсками юго-западной зоны—наш человек, он откроет границу. Марк Пино назначен командиром танкового корпуса и идет на охрану западных границ. Но он тоже будет нашим.

Мак-Хилл (разваливается в кресле). О'кэй, о'кэй, мэдам!

Христина (тревога гложет ее). А вдруг неудача, сэр, вдруг коммунисты успеют поднять народ?

Мак-Хилл. Ах, мэдам, все так просто! Великие державы выступят с демаршем о коммунистическом перевороте у вас, стукнут кулаком по столу. Быть может, тут-то Сталин выйдет, наконец, из себя и тоже ударит кулаком по столу. Ну, а если нет... Что ж, останется еще одна причина для похода против коммунизма с большей яростью. Мы можем выиграть и в том и в другом случае.

Христина. Выиграть, положим наши головы на плаху?

Мак-Хилл. Ах, я, признаться, и не подумал о ваших головах! Берегите себя, мэдам, умоляю вас!.. Мужество, мужество! Ваша страна и все мы будем счастливы видеть диктатором такую престестную леди. (Целует руку Христины.) Я буду ждать конца этой комедии у себя. Берегите себя, умоляю вас! Какая женщина, какая женщина!

Уходит. Христина нажимает кнопку звонка.

Входит Куртов.

Христина. Списки?

Куртов. Гоговы, шеф. Здесь — подлежащие расстрелу, здесь — заключенно.

Христина (читает). Ганна Лихта, премьер, Макс Вентз, Коста Варра, Марк Пино. Нет, с этим вы поспешили. Президент... Вы сошли с ума! Расстрелять президента?

Куртов (почтительно, с едва заметной усмешкой). Самый верный покойник тот, шеф, у которого отрублена голова.

Христина. Нет, эта голова будет нужна нам. Я не вижу среди тех, кто должен быть расстрелян, Гуго Вастиса. (С угрозой.) Вы так нежно любите его?

Куртов. Он может быть полезен вам, шеф.

Христина. Он слишком много знает.

Куртов (с ледяной вежливостью). Вы знаете больше, шеф. Сказано в священном писании: «Приумножая знания, приумножаешь скорбь».

Мак-Хилл. Позавчера я был в Риме. Святейший папа шлет благословение вам, моя радость, и вашему делу.

Христина (с иронией). О, это такая большая помощь!

Мак-Хилл. Попам дана инструкция поддержать вас.

Христина (в отчаянии). Не словесная нам нужна помощь!

Мак-Хилл. Отряды сепаратистов на Юге и отряды немцев на Западе ждут вашего сигнала. (Сердито.) Что вам нужно еще?

Христина. Своих солдат вы не хотите давать нам, сэр? (Ядовито.) Загрести жар чужими руками, как всегда, не так ли? Немцы! Ха! Вот тут-то и могут начаться всякие неожиданности.

Мак-Хилл (тоном учителя). Для нас так называемые фашисты полезнее всяких там... демократов, мэдам. Мы намереваемся установить новый порядок в Европе не на один день, а для этого нужны испытанные кадры. Кроме того, смешение вашего народа с немцами даст миру еще одну полноценную расу. Вашей шумной стране придется примириться с этим фактом. (Помолчав.) У вас скверное настроение. В чем дело? Осталось всего два часа.

Христина. Нет ничего более страшного чем эти часы.

Мак-Хилл (смеется). Ах, у вас просто мало практики в таких делах! А я свергал столько правительств, что меня уже ничто не волнует. (Зевает.) Я слышу скрип экипажа, именуемого историей, он поворачивает куда-то.

Христина. Черт его знает, куда он повернет.

Мак-Хилл (жестко). Мэдам, не кажется ли вам, что мы не для того отделались от Вастиса с его настроениями и доверили руководство дела вам, чтобы вы повторяли Вастиса? Простите, я не хочу вмешиваться в дела вашей уважаемой страны, но я хотел бы знать ваши планы.

Христина. В половине пятого мы захватим радиостанцию, сообщим о путче, затеянном коммунистами, чтобы сорвать выборы, а объявим о передаче власти директории. Командующий войсками юго-западной зоны—наш человек, он откроет границу. Марк Пино назначен командиром танкового корпуса и идет на охрану западных границ. Но он тоже будет нашим.

Мак-Хилл (разваливается в кресле). О'кэй, о'кэй, мэдам!

Христина (тревога гложет ее). А вдруг неудача, сэр, вдруг коммунисты успеют поднять народ?

Мак-Хилл. Ах, мэдам, все так просто! Великие державы выступят с демаршем о коммунистическом перевороте у вас, стукнут кулаком по столу. Быть может, тут-то Сталин выйдет, наконец, из себя и тоже ударит кулаком по столу. Ну, а если нет... Что ж, останется еще одна причина для похода против коммунизма с большей яростью. Мы можем выиграть и в том и в другом случае.

Христина. Выиграть, положим наши головы на плаху?

Мак-Хилл. Ах, я, признаться, и не подумал о ваших головах! Берегите себя, мэдам, умоляю вас!.. Мужество, мужество! Ваша страна и все мы будем счастливы видеть диктатором такую прелестную леди. (Целует руку Христины.) Я буду ждать конца этой комедии у себя. Берегите себя, умоляю вас! Какая женщина, какая женщина!

Уходит. Христина нажимает кнопку звонка.

Входит Куртов.

Христина. Списки?

Куртов. Гоголы, шеф. Здесь — подлежащие расстрелу, здесь — заключенные.

Христина (читает). Ганна Лихта, премьер, Макс Вента, Коста Варра, Марк Пино. Нет, с этим вы поспешили. Президент... Вы сошли с ума! Расстрелять президента?

Куртов (почтительно, с едва заметной усмешкой). Самый верный покойник тот, шеф, у которого отрублена голова.

Христина. Нет, эта голова будет нужна нам. Я не вижу среди тех, кто должен быть расстрелян, Гуго Вастиса. (С упреком.) Вы так нежно любите его?

Куртов. Он может быть полезен вам, шеф.

Христина. Он слишком много знает.

Куртов (с ледяной вежливостью). Вы знаете больше, шеф. Сказано в священном писании: «Приумножая знания, приумножаешь скорбь».

Христина (злобно). Слушайте, вы! Может быть, нам хочется и меня в этот список?

Куртов (изображая негодование). Шеф, как вы можете думать так?

Христина. Молчать, Гейнц! Оставьте список у меня. Люди к радиостанции высланы?

Куртов. Они заняли позиции и ждут сигнала, шеф.

Христина. В пять часов включите мой микрофон.

Куртов. Слушаюсь, шеф!

Входит кардинал Бирнч.

Кардинал. Иисус и Мадонна с вами в этот последний день!

Христина и Куртов целуют руку кардинала.

Не уходите, сын мой, вы будете нужны. Христина, Законодательный совет Юга объявил, что он порывает с центральным правительством республики.

Христина. Идиоты! Не могли подождать два часа.

Кардинал. Когда плоть прожрана, бешеный поток не может быть остановлен. Меня вызвал премьер. Он рвет и мечет. И обещал обуздать Законодательный совет. Макс Вента назначен чрезвычайным комиссаром Юга республики. Декретом президента он облечен неограниченными полномочиями.

Христина. За этот декрет президент заплатится головой.

Куртов. Как видите, шеф, я был предусмотрителен.

Кардинал. Пора дать сигнал отрядам сепаратистов Юга начать военные действия.

Христина. Черт побери, кардинал, вы слишком нетерпеливы!

Кардинал (кратко). Но я хочу скорее увидеть торжество дела, Христина.

Христина. Вы рискуете увидеть свою виселицу! Ох, боже мой! Дайте сигнал южанам, Гейнц!

Кардинал. Одну минуту. Пути господни неисповедимы — кто знает, что грядет! Готов ли самолет для нас?

Куртов (с вежливостью, за которой скрывается презрение). У тридцатого километра, недалеко от фермы Коста Варры, у реки. Пароль для пилота: «Юг и Запад».

Кардинал (повеселев). Спасибо, сын мой.

Христина кусает губы, слушая разговор. Куртов уходит и тут же возвращается.

Куртов. Мисс Рейчел, шеф.

Христина. Просите.

Куртов уходит.

Христина (подавляя гадливость). Монсиньор, вы полетите на Юг. Самолет уходит через час. Вы заварили там эту кашу, вы и расхлебывайте ее. Не падите никого, монсиньор.

Кардинал. Прощайте, Христина!

Целует Христину. Входит Кира Рейчел.

Рейчел. Ба! Что я вижу!

Христина (холодно). Мисс, умерьте свое остроумие!

Кардинал. До свидания, дитя!

Рейчел. Гуд-бай, монсиньор! Я приеду к вам в южное государство для изучения фольклора.

Кардинал (сладко). Вы будете моей желанной гостьей, мисс, где бы я ни был. Иисус и Мадонна с вами, дети мои!

Уходит.

Христина. Мисс, нами найден протокол Коминформбюро о заговоре коммунистов с участием Москвы. В качестве будущего главы государства я даю распоряжение о ликвидации коммунистической и социал-демократической партий. Вот этот декрет. Это решение директории о разрыве отношений с Советами и о присоединении к Западному блоку. Как только будет захвачен телеграф, вы передадите эти документы всем, всем...

Рейчел. О'кэй, миледи. Что получу я за помощь вам?

Христина (двузначенно). Вы получите то, что заслужили.

Рейчел. О'кэй, сударыня! (Уходит.)

Христина (читает список). Восемьсот сорок пятой будет Рейчел, восемьсот сорок шестым — Куртов. (Усмехается.) Ибо приумножая знания — приумножаешь скорбь.

Входит Марк Пино в военной форме.

Христина. Бог мой, что за маскарад?

Марк. Я мобилизован правительством и назначен командиром танкового корпуса. Господин премьер-министр направил меня к Ганне Лихта. Я должен ехать к ней. Зачем вы вызывали меня? Мне некогда.

Христина. Вот что, Марк! Мы не опубликовали предсмертное письмо Иоакима Пино. Мы спасли вас от многих иных неприятностей, скрыв факт передачи вами схемы нового танка Кире Рейчел. Я надеялась на ваше благоразумие. Вы стали вождем левых социалистов, ваша группа сильна, и она, естественно, беспокоит мою партию. Я много раз предлагала вам вместе с нами воспрепятствовать победе коммунистов. Вы знаете, к чему приведет их победа нашу страну. Это прыжок в неизвестность.

Марк (твердо). Страна станет на путь народной демократии. Этого хочет народ, это сознательное движение народа, а я и моя группа поддерживаем это движение.

Христина (усмехнувшись). Вы слишком верите в свою популярность. В сознании людей страны Иоаким Пино не опровергн ничем. Опубликуй мы письмо о причинах его самоубийства — мы докажем, что он погиб, доведенный до отчаяния расколом, и что прямой виновник его смерти — вы. От вашей популярности не останется и следа. Совет партий поручил мне сообщить вам: мы сегодня же опубликуем письмо Иоакима Пино...

Марк. Так... Чем я должен заплатить за ваше молчание?

Христина. Вы объявите о разрыве с коммунистами, вы уйдете со своей группой из профсоюзов... и главное — откажетесь от командования корпусом.

Марк. Почему?

Христина. Я боюсь, что в стране начнутся беспорядки. Зачем подставлять голову под топор? Она так красива и так молода.

Марк (с злобной иронией). Спасибо за заботу о моей голове, госпожа Падера!

Христина (тоном доброй старой няни). Я посила вас на руках, Марк, мне жаль вас!

Длительное молчание.

Марк. Вы, вероятно, полагаете, что я прижму к стене? Вы глубоко ошибаетесь. Дело, видите ли, вот в чем. Есть люди, для которых политическая деятельность — вопрос карьеры. Такие, прижми вы их к стене, пошли бы на любое предательство, лишь бы спасти голову. Но есть политические деятели, для которых самое важное — идея. Им голова не так дорога, они всегда на самом переднем крае и всегда рискуют ею...

Христина (перебывая). Мне некогда слушать вашу лекцию.

Марк. Я не пойду на раскол профсоюзов, я не откажусь от единства с коммунистами. И я буду командовать корпусом, чтобы стрелять в заговорщиков.

Христина. Прежде всего полетит твоя голова.

Марк. Посмотрим!

Христина. Тебе уж не придется смотреть. (Звонит по телефону.) Падера. Публикуйте письмо Иоакима Пино. (Кладет трубку.)

Входит Куртов.

Куртов (с тревогой). Ганна Лихта, шеф.

Христина (хладнокровно, передавая Куртову списки). Вот эти документы. Можете действовать. Просите госпожу Лихта.

Куртов. Слушаюсь, шеф.

Уходит. Входит Ганна Лихта.

Христина. Здравствуйте, Ганна! Вы так плохо выглядите!

Г а н н а. Здравствуйте, Христина! Здравствуй, Марк!
Марк (отдает честь). По приказанию господина
премьер-министра...

Звонок телефона прерывает Марка.

Х р и с т и н а (берет трубку). Да, она здесь, господин
премьер-министр. Вас, Ганна!

Г а н н а (у телефона). Да, товарищ Миха... Слушаю...
Ах, даже так?! Ну негодяй! Хорошо. Благодарю за дове-
рие, постараюсь его оправдать. Да, он здесь. Да, я распо-
ряжусь, товарищ Миха. (Кладет трубку.) Марк Пино,
декретом правительства я назначена особоуполномоченным
по водворению порядка в стране. Командующий юго-за-
падной зоной изменник, он готовил путч, он намеревался
открыть границу фашистским отрядам. Все вооруженные
силы переданы в мое подчинение. Вы немедленно направи-
тесь на западную границу с корпусом народной моторизи-
рованной милиции и с вашими танками. Исполняйте приказ.

М а р к. Слушаюсь. Простите, я хотел бы... (Смущает-
ся.) Магда...

Г а н н а. Иди, дорогой, выполни свой долг перед Роди-
ной! Я скажу все Магде, иди!

М а р к. Слушаюсь!

Отдает честь и уходит.

Х р и с т и н а. Я не верю своим ушам!

Г а н н а. Ах, все это так обычно, Христина! Я не по-
мешала вам?

Х р и с т и н а. Нет, я занимаюсь повседневными дела-
ми. Да, забот и у меня полно!

Г а н н а. А я с удовольствием прошла по улицам.
Везде так шумно, народ веселится и спокойно ждет часа
выборов.

Х р и с т и н а (думая о своем). Да, выборы ответят на
многие вопросы.

Г а н н а. Они ответят на главный — за кого
народ. (Помолчав.) Знаете, Христина, гев... Пино до сих
пор не дает мне покоя.

Х р и с т и н а (с деланой грустью). Лучше не вспоми-
нать об этом...

Ганна. Да, я понимаю. (*Пристально смотрит на Хри-
стину.*) Странно, что он не оставил письма...

Христина. Он оставил письмо.

Ганна. Вот как? Где ж оно?

Христина. Оно у нас. Иоаким Пино пишет в нем, что виновник его смерти Марк, расколовший партию, а Пино не мог пережить раскола. Вторым виновником он называет Макса Венту, травившего его. Письмо сейчас по-
явится на улицах.

Ганна (*гневно*). Долго вы берегли его!

Христина. В политической борьбе, Ганна, все до-
зволено. Особенно в предвыборной борьбе.

Ганна. Даже пускать в оборот тени мертвых?

Христина. Почему бы и нет?

Ганна. Вы хотите опельмовать Марка и Венту, но
мертвые — плохие свидетели. Тем более убитые мертвые.

Христина (*с безоблачной улыбкой*). Полно шутить,
Ганна!

Ганна. Нет, я не шучу. Иоаким Пино был убит, вот
оно как!

Христина (*бесечно*). Кто может доказать это?

Ганна. Наука доказала это, а улики подтвердили.
Убийцы всегда оставляют улики, так уж повелось у них.

Христина. Вы сообщаете мне новости.

Ганна (*едко*). Полно, Христина, так ли это?

Христина. Вы что? Уж не подозреваете ли вы
меня?

Ганна (*качая головой*). Вы торопитесь, как вы всегда
торопитесь, Христина!.. (*Помолчав.*) Да... Вот мы часто
вспоминаем Сталина. А знаете, как он прав, прав всегда и
во всем. Люди, ставшие на путь политических преступле-
ний, обычно кончают преступлениями уголовными, сказал
как-то он. В деле Пино случилось именно так: бандиты
политические стали просто бандитами.

Христина (*пренебрежительно*). Я не понимаю вас.

Ганна. Я тоже очень долго не понимала вас.

Входит Куртов.

Куртов (*дрожащим голосом*). Министр обществен-
ной безопасности господин Макс Вента.

Ганна. Просите, Куртов, просите!

Куртов уходит. Христина застыла в ожидании конца. Входит Вента.

Ганна. Ну что, товарищ Вента? Арестован кардинал?

Вента. Его видели у аэродрома. Присмотрев военную стражу у ворот, он повернул и поехал за город в неизвестном направлении. Агенты потеряли его след.

Ганна. Каналья! Мисс Рейчел арестована, Вента?

Вента. Да, товарищ Лихта. Ну, я прощаюсь! На Юг, с попутным ветром, как говорится.

Ганна (*обнимает Венту*). Прощай, друг!

Вента. Помните, в подполье, в ночной тишине, мы сидели у печатного станка и читали стихи:

Прочь в сторону, кто трусит и вздыхает,
Чья дрогнула от трудностей рука!
Ведь роза и тогда благоухает,
Когда над ней толпятся облака.

Ганна. Хорошо, Вента, хорошо! И дальше:

К нам, к нам явись, бессмертия отвага,
Развей сердец суровую печаль,
Расправь полот приспущенного флага...

Вента.

Вдунь в сердце бодрость и направь нас вдаль!

Пауза.

Да, страшные и счастливые были времена! Тогда мы думали, что все едины в нашей борьбе. А что оказалось? Мы дрались и умирали за свободу, а иные уже тогда мечтали, как бы разделаться с нами! Прощай!

Ганна (*растроганная*). Я верю тебе, верю в твой успех! Помни, ты — как сын мне.

Вента уходит.

Христина (*едва владея собой*). Значит, вы все-таки добрались до кардинала?

Ганна. Мы добрались до главного гнезда заговорщиков. Вы помогли нам, Христина, выдав Гуго Вастиса. Спа-

собо! Он во всем сознался, в том числе и в устройстве покушения на меня...

Христина (*пренебрежительно*). Жалкий человек! Я знала, что он кончит этим... Но бог мой! Вооруженный путч, банды сепаратистов, нападение фашистов! Просто громовые раскаты!

Ганна. Минуту назад вы сказали, что в политической борьбе все пускается в ход, не так ли?

Христина. Да, но призывать немцев...

Ганна. Но позвали же немца, чтобы убить Пино!

Христина. Вы все о своем!

Ганна. Послушайте, когда мы говорили с вами после смерти Пино, вы сказали, что в тот вечер во дворце Народного фронта не было ни Куртова, ни мисс Рейчел, ни Мак-Хилла. Покопайтесь в памяти, так ли это?

Христина. Ганна, я прошу не вспоминать о том вечере.

Ганна. Поймите, Христина, моя задача — чисто политическая: добраться до главных корсёй мятежа. Мы, конечно, знаем, что нити всех антидемократических заговоров ведут в Уолл-стрит. Но в данном случае я должна доказать, что политические бандиты с Уолл-стрита — самые обыкновенные уголовные бандиты. Мне нужно во имя мира накрыть с поличным поджигателей войны, вот и все. Помогите мне.

Христина (*бесстрастно*). Я не могу помочь вам.

Ганна. Так. (*Помолчав.*) К вашему сведению, Христина, Марк Пино, ухаживая за мисс Рейчел, выполнял приказ контрразведки.

Христина (*подавляя ужас*). Вот как! Остроумно.

Ганна. Да, да. И заговорщики, знаете ли, совсем напрасно рассчитывали на него. Он передал мисс Рейчел описание танка, известного всему свету, и на этом поймал ее. Бумажку с данными об этом танке Вента обнаружил в кармане у Пино — убийцы второпях оставили важнейшую улику. Вспомните, Христина, присутствовали при убийстве Пино Мак-Хилл и мисс Рейчел?

Христина (*упрямо*). Пино сам покончил с собой.

Ганна. А вы пили коньяк у его трупа?

Христина. Как вы вместе!

Входит кум Стебан.

Христина (*грубо*). Кто вас пустил сюда?

Стебан (*робея*). Меня вызвала госпожа Лихта.

Ганна. Добрый друг, вот в чем дело: помните, на другой день после смерти Иоакима Пино я говорила с вами... Этого человека, Христина, видели выходящим из дворца Народного фронта в тот вечер после заседания совета. Я спрашивала вас, кого вы видели в зале. Повторите, что вы сказали.

Стебан. Я заметил там американскую мисс — она рассматривала картины. Когда я уходил, мне навстречу шли монсеньор кардинал, господин Вастис и вы, госпожа Падера, — не так ли? — несчастный Иоаким Пино и еще американец. Я видел его на празднике в нашей замковой церкви, он стоял рядом с президентом. И еще был этот проклятый монах, который обманул меня, обманул подло... Вместо того чтобы молиться за здоровье моей дочери Анны... Она умерла, умерла, добрые люди, а он пьянствовал в кабаке на мои деньги и пел непотребные песни... Ах, об этом лучше не говорить! (*Вытирает слезы.*)

Ганна. Мы накажем его за это, добрый человек. До свидания, не надо плакать — все равно не вернуть.

Стебан. Ах, боже мой, боже мой!

Уходит.

Ганна. Ну, Христина, вы попрежнему будете отрицать свое участие в этом деле?

Христина (*кричит*). В каком деле?

Ганна (*спокойно*). В убийстве Иоакима Пино.

Христина. Предъявите улики и сажайте меня.

Ганна (*с недоброй усмешкой*). Садитесь, прошу вас!

Входит Коста в национальном костюме.

Коста. Здравствуйте, товарищ Лихта! Здравствуйте, госпожа Падера!

Ганна. Бог мой, как вы вырядились, Варра!

Коста. А что? Сегодня праздник, большой праздник. Так меня уговорили, госпожа Лихта! А ну, Христина Падера, освобождайте это кресло! Народный фронт назначил меня министром продовольствия. (*Чешет в затылке.*) Хо-

хо, не было печали, так вы, черти, накачали! Я умел хозяйствовать на ферме, а уж тут непременно сломаю башку.

Ганна. Ничего, Варра, люди не рождаются министрами.

Коста. Оно так... Ну, ладно, сажусь, была не была!

Нажимает кнопку звонка. Входит Куртов.

Куртов. Да, шеф.

Христина (*небрежный жест в сторону Варры*). Вот ваш шеф, Куртов.

Куртов. О, я так счастлив!..

Коста. Вот что, господин, как нас... Там пришел комитет действия — проветривать это гнездо. Вы сдайте кому-нибудь из членов комитета дела и идите вы... (*Сдержался.*) Идите ко всем чертям!

Куртов (*с негодованием*). Что такое, шеф? Какой-то мужлан, хам...

Коста. Идите, идите, пока целы!

Куртов уходит.

Коста. Вы, того... продолжайте, а я пока осматриваю свое новое хозяйство. (*Углубляется в бумаги.*)

Ганна. Христина, сознайтесь! Это облегчит вашу участь.

Христина. Ганна, я тоже человек идеи. Я противница коммунизма и боролась с вами, как могла. Вы делали бы то же самое в борьбе с нами.

Ганна. Христина Надера, мы действуем не убийствами, не заговорами, и мы не получаем ни rubli, ни доллары. За нас народ, и мы с ним и вперед и нето.

Христина (*в исступлении*). Трижды убейте меня я ничего не скажу.

Коста. Убей ее один раз, товарищ Лихта, но так, чтобы не воскресла!

Ганна. Спокойно, Коста, спокойно! Так вот, Христина, обвинив Вастиса в покушении на меня, вы хотели напавить Венгу по ложному следу. Но вы просчитались. За каждым вашим шагом следил народ, потому-то ваш заговор и провалился. Кстати, народ помог нам раскрыть истинную физиономию вашего референта Бартоломея Кур-

това. Настоящее его имя Фридрих Гейнц. Он фашист, и мы знали, что он участвовал в покушении на меня. Он же убил Изакима Пино. Весь месяц мы разматывали пружины заговора, и в центре оказались вы, Христина. Что вы скажете на это?

Христина молчит.

Господин министр, нажмите кнопку звонка.

Коста нажимает звонок. Входит капитан полиции.

Г а н н а. Капитан, министр общественной безопасности приказал вам арестовать Куртова. Где он?

Капитан. Он арестован при попытке к бегству. Он успел сжечь какие-то бумаги.

Г а н н а. Приведите его.

Капитан отдает честь и уходит. Пауза. Капитан вводит Куртова.

Г а н н а (капитану). Оставайтесь. Фридрих Гейнц, ты обвиняемый в убийстве Изакима Пино, в сношении с агентами иностранной разведки, в организации на территории Германии фашистских банд, предназначенных для вторжения в нашу страну, и во многих иных преступлениях...

К о с т а. Дал бы я ему!.. Виноват, виноват, все забываю, что я теперь министр и должен выражаться более деликатно...

Г а н н а. Ты пойман с поличным, Гейнц. Ты будешь говорить?

К у р т о в. Я скажу одно: напрасно мы не придушили всех нас в годы оккупации во имя торжества фюрера. Хайль!

К о с т а. Ну как тут выражаться деликатно!

М и н н. Магда, одетые в национальные костюмы, и полицейский ведут кардинала Вирича и Якова Ясса.

Г а н н а (шутливо). Вас-то мы и ждали, монсиньор! Недалеко вы уехали!

Ясса. Где закон? Они подняли руку на главу церкви!

Мина. Молчи, монах!

Магда. Товарищ Лихта, вот уже неделя, как мы следим за долиной у реки. Мы заметили самолет, он был укрыт, но разве укроешь что-нибудь от народа? Час назад кардинал и эта черная птица появились у самолета и хотели лететь, но тут вмешались мы...

Мина. «Почему не с аэродрома?» — спросили мы их, не так ли, Магда? Ну, они и понесли разную околесицу.

Полицейский. Мы связали пилота, мы привезли их сюда...

Ясса. Вы вечно будете гореть в огне, прокляты!

Мина (с горячностью). Они хотели бежать. Рубите мне голову, если это не так!

Кардинал. Она, она соблазнила меня. Дьявол, дьявол!

Христина (брезгливо). Боже мой, какое вы ничтожество!

Ганна. Вы выясните ваши отношения на допросе. Уведите их, капитан.

Кардинал. Дьявол с вами в этот день и всегда!

Мина (молитвенно складывая руки). И с вами, монсиньор!

Капитан и народ уводят Христину, Куртова, кардинала, Ясса.
Ганна звонит по телефону.

Ганна. Предъявите сэр-у Мак-Хиллу требование покинуть страну в двадцать четыре часа. (Кладет трубку, смотрит на часы.) Сейчас начнутся выборы.

Мина (у окна). Вся площадь и знамена... Бог мой, какое зрелище!

Магда (печально). А Марк не видит этого праздника, не радуется со мной, со всеми нами!

Ганна. Он вернется. Я включаю микрофон, внимание! (Включает микрофон.) Братья и сестры! Заговор врагов народа ликвидирован с помощью верных сынов Родины. Борьба с реакцией не окончилась. Но Народный фронт не сокрушен, он будет очищен и обновлен. Правительство коммунистов и честных социалистов поведет страну по пути истинной демократии. Голосуйте за независимость, за

верность нашему великому другу — Советам, за союз демократических стран!

Коста открывает окно. Народ на площади поет «Интернационал».

Коста. Это что ж — коммунизм что ли, товарищ Анхита?

Ганна. Нет, Коста, это еще не коммунизм. Но все дороги ведут к нему и только к нему. Как маяк в ночи, Советский Союз указывает нам путь к счастью, идеалы Ленина и Сталина освещают этот путь. И пусть, друзья мои, господствующие классы содрогаются перед коммунистической революцией. Пролетариям нечего в ней терять, кроме своих цепей... Приобретут же они, Коста, весь мир!

Занавес

Б. ЛАВРЕНЕВ

ГОЛОС АМЕРИКИ.

ДРАМА В 3 ДЕЙСТВИЯХ,

6 КАРТИНАХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Капитан Вальтер Кидд.

Миссис Кидд — его мать.

Синтия Кидд — его жена.

Мэрриэль Кидд — его сестра.

Полковник Хаустон — командир полка.

Сержант Макдональд.

Сенатор Герберт Уилер.

Эрл Скундрелл — уполномоченный комиссии по расследованию антиамериканской деятельности при конгрессе США.

Брэтсэд — постовой полицмен¹.

Перси Вутлер — жених Мэрриэль Кидд.

Дороти — старуха мулатка, нянька в семье Киддов.

В первой картине действие происходит в Европе, в июне 1945 года, в остальных картинах — в Америке, в 1948 году.

¹ Роли полковника Хаустона и Брэтсэда можно поручить одному исполнителю.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Терраса большого дома. Над входом прибит американский флаг. На террасе Уилер. Он небольшого роста, очень тучный. Бурачного цвета щеки свисают за воротник. Выражение свирепо-брюзгливое. В зубах трубка. Заложив руки в карманы, он останавливается у края террасы, раскачиваясь на столбообразных ногах.

Уилер. Мерзкая страна! Отвратительная страна! Предстоит много работы, чтобы сделать ее похожей на Америку. Хваленая немецкая организованность — блеф! Эрзацы в промышленности, эрзацы в политике, плохое пиво! Дешевка! Придется помочь им встать на ноги и усвоить трезвый образ мыслей... Дрянная страна! Наглый обман!.. Как они хвастались, что в два месяца покончат с русскими. И мы имели неосторожность поверить этой болтовне... Наглое шарлатанство! Они за это поплатятся! Мы заставим их заплатить! Из-за них придется начинать все сначала! Мерзость! *(Шагает по террасе, продолжая бурчать.)*

Из виллы на террасу выходит Кидд. На нем форма капитана пехоты США. Ему лет тридцать, он высок, худощав. У него молоджавое ровное лицо и открытая улыбка.

Кидд *(подойдя к перилам террасы)*. Макдональд! ¹

Из-за кулис выходит сержант Макдональд.

Макдональд. Слушаю, сэр!

¹ В английском языке ударение в именах собственных ставится на первом слоге, поэтому следует произносить Макдональд, Уилер, Синтия и т. п.

Кидд. Все налицо?

Макдональд. Да, сэр! Собрать нашу роту в ее текущем составе не представляет особого затруднения. Всего дюжина, со мной вместе.

Кидд. Да, поредела славная третья рота, Макдональд. Но в конце концов мы можем сказать, что мы единственная американская воинская часть, имевшая настоящий, зверский бой. Остальные просто прокатились на джиппах от океана до Эльбы.

На террасу выходит полковник Хаустон.

Макдональд, построить роту!

Макдональд уходит. За сценой слышен его голос: «В строй! Равняйся! Смирно!»

Макдональд (появляясь у террасы). Рота построена, сэр! (Скрывается.)

Кидд (рапортует Хаустону). Сэр! Личный состав третьей роты построен!

Хаустон и Кидд берут под козырек. Уилер попрежнему стоит, раскачиваясь, не мауя рук на карманы и трубки из зубов.

Хаустон (обращаясь к кулисам). Люди! Объявляю приказ президента! По представлению командования армии Соединенных Штатов в Европе, президент приказал наградить военной медалью одиннадцать рядовых третьей роты сорок пятого Пенсакольского полка за доблестную атаку брода на реке Нимс, где рота ликвидировала прорыв противника, угрожавший развитию успеха операции «Оверлорд», и, понеся тяжкие потери, отбросила врага. Медали вам вручит капитан Кидд.

Голоса за сценой: «Гип-гип-ура! Гип-гип-ура!»

Сержант Макдональд за тот же бой награждается военным крестом третьего класса.

Макдональд выходит на террасу. Хаустон вручает орден Макдональду. Макдональд уходит.

Капитан Кидд за тот же бой — военным крестом первого класса, и, кроме того, командование союзной русской ар-

мни, осведомленное о его подвиге, вручает капитану Кидду русский орден Красного Знамени. Ура капитану!

Голоса солдат за сценой: «Гип-гип-ура! Гип-гип-ура!» Хаустон прикалывает к куртке Кидда оба ордена и пожимает ему руку.

Кидд. Благодарю, сэр!

Хаустон. Как командир сорок пятого полка, горжусь вами и уверен, что всегда и везде вы будете хорошими солдатами. Поздравляю вас, люди! Кидд, можете распустить роту!

Прежде чем Кидд подает команду, Уилер делает шаг к краю террасы.

Уилер. Минуту, полковник!

Хаустон. Да, сэр!

Уилер. Я скажу парням несколько слов.

Хаустон. Пожалуйста, сэр! Но я должен идти: в десять тридцать меня вызывает к проводу главный штаб. (Обращается к кулисам.) Люди, с вами будет говорить сенатор Уилер.

Уилер (навалившись животом на перила). Американцы! Поздравляю вас от имени нашего старого сената!

Хаустон уходит.

Мы свернули голову немцам! В Европе будут восстановлены законность и порядок. Об этом позаботимся мы!.. Отныне на всем земном шаре нигде и ничто не будет совершаться без нашего ведома и согласия. Мы имеем на это право, потому что американский образ жизни самый разумный в мире... Мы победили с помощью англичан. Но мы победили бы и без них, потому что у нас больше денег и лучшая армия. Мы переучим и англичан по нашему образцу... Вам, солдаты, скоро придется вернуться в Штаты. Помните, что это было бы гораздо раньше и мы победили бы гораздо скорее, если бы человек, сидевший в Белом доме, и его либеральнейшие советники не душили деловых людей несправедливыми налогами и не потакали бы красным профсоюзным бунтовщикам, которые мешали поехать, и то время как вы отдавали жизни за Америку...

Кидд поворачивается к Уилеру и с удивлением смотрит на него. Солдаты, не забывайте об этом! Расправляйтесь дома с изменщиками, получившими приказы из Москвы. Нам,

американцам, предназначено спасти землю от коммунизма. Мы выполним это дело. Мы ломаем железный занавес, опущенный коммунистами над Восточной Европой. Мы должны немедленно готовиться к войне с русскими. Они главные враги Америки, и мы уничтожим их! Мы...

Кидд (делает шаг вперед). Прошу прощения, сэр!

Уилер. Что такое?... Почему вы перебиваете меня?

Кидд (за кулисы). Сержант Макдональд, ведите людей на занятия!

Голос Макдональда: «Слушаю, сэр!» Шаги уходящих солдат.

Уилер (наливаясь кровью). Что это значит?

Кидд. Очень досадно, сэр, но сейчас уже десять сорок пять, а в одиннадцать ноль-ноль у роты учебные занятия. Как вам известно, армия еще на боевом положении, а генерал Брэдли — человек неприятного характера и требует неуклоного исполнения расписаний... Я в отчаянии, что мои люди не смогли дослушать вас, но если вы продолжите для меня, я охотно перескажу им...

Уилер (нахлебавшись яростью). Вот как?! Я вижу, вы очень ревностный к службе офицер. Я вижу, чем вы дышите и какой дух внушаете нашим солдатам!.. Я позавидую вашей дальнейшей карьере. К сожалению, я не могу тратить время на вас одного, хотя вам было бы очень полезно послушать до конца. Но я утешаю себя надеждой, что мы еще встретимся.

Кидд. Представьте, сэр, я тоже надеюсь на это.

Уилер. Безусловно. До встречи, капитан!

Уилер стремительно уходит в дом. Когда он скрывается, Кидд разражается беззаботным, ребяческим смехом.

Кидд. Ой-ой-ой! Кажется, я насквозь прошиповал его тухлое сало. Но разве можно было позволить людям слушать ослиный рев! Русские — наш главный враг! У него мозги завернулись! (Закуривает.)

Хаустон (поспешно выходит из виллы). Что вы натворили, Кидд?

Кидд. А что?

Хаустон. Сенатор промчался через дом, как бешеный слон. Он рычал на ходу: «Ваш полк заражен коммунизмом, ваш капитан красный...» Какую штуку вы выкинули?

Кидд. Когда вы ушли, сэр, он заявил солдатам, что мы должны немедленно готовиться к войне с русскими.

Хаустон. Идиот!

Кидд. Я просто обомлел, сэр, и прикончил его болтовню, приказав Макдональду увести людей под предлогом неотложных учебных занятий... Уилер взбесился и...

Хаустон. Но как же вы осмелились?

Кидд. Что же мне было делать, сэр! Он нарушил приказ, воспрещающий враждебную союзникам пропаганду среди солдат. Призывать к войне с русскими мог только идиот, как вы сами сказали.

Хаустон. Он идиот потому, что сейчас не время разглагольствовать об этом так прямолинейно. Солдаты еще во власти розовых иллюзий военного периода, и нужно обрабатывать их головы в этом направлении постепенно и осторожно.

Кидд. Боюсь, что я не совсем понимаю, сэр... В каком направлении? В направлении войны с русскими?

Хаустон. Чем вы занимались до войны? Ваша профессия?

Кидд. Я археолог, сэр.

Хаустон. Тогда понятно! Возня со старой рухлядью наложила истинный отпечаток на ваши умственные способности. У вас допотопные мысли.

Кидд. Почему, сэр?

Хаустон. Вы что же думаете? Что мы вели эту войну на стороне русских потому, что питаем нежную любовь к их политическому строю и взглядам?

Кидд. Нет, сэр! Но я полагаю, что нас объединяла идея защиты демократии против фашизма.

Хаустон. Однако вы немногим умнее Уилера, только в другую сторону... Вздор! Мы стали на сторону русских потому, что расценивали Германию как более опасного соперника на мировой арене. Мы рассчитывали, что в драке Германии и Россия взаимно истощат друг друга и свалятся нам в руки обе, как яблоки с дерева. К сожалению, наши предположения не оправдались. Россия вышла

на войны мощнее, чем была. И в мире нет более грозной силы сегодня.

Кидд. Я, должно быть, действительно бестолков, сэр. Неужели мы недостаточно сильны, чтобы никого не бояться! Нашу силу знают все, в том числе и русские. И почему они могут стать нашими врагами? Раз покончено с фашизмом, что может нас посорить?

Хаустон. Вы щенок! Мы кончали не с фашизмом, а с германской империей, которая стояла нам на дороге. Фашизм внес много ценного в структуру современного государства, и нам придется перенять у него многое для укрепления наших позиций и спасения Америки.

Кидд. Я не думаю, чтобы Америка нуждалась в этом, сэр. Ей нужно другое.

Хаустон. Что?

Кидд. Честная и добрая демократия наших предков, сэр. Мы знаем, что наша страна не идеал...

Хаустон. Кто «мы»? Говорите в единственном числе. Я доволен Америкой. И не мое дело критиковать.

Кидд. Мы оба американцы, сэр. И все, что касается чести Америки, — наше дело. А такие субъекты, как Уилер, бесчестят Америку. Вы ведь знаете, что даже в среде мошенников он один из самых гнусных...

Хаустон. Боже мой!.. Вы были отличным боевым офицером, Кидд, но вы абсолютный чурбан в политике.

Кидд. Вполне вероятно, сэр. Я никогда не занимался серьезно политикой.

Хаустон. И лучше не пытайтесь. Иначе вы плохо кончите.

Кидд. Но скажите по совести, сэр, неужели вам нравится порядок, при котором наверх вылезают Уилеры?

Хаустон. Это не мое дело! Я солдат!

Кидд. Я тоже, сэр. И вы не откажетесь признать, что я честный солдат. Поэтому я не позволил Уилеру поносить честных солдат и верных союзников — русских.

Хаустон. Вы опять о русских! А вы знаете, зачем меня вызывали сейчас на провод?

Кидд. Нет, сэр!

Хаустон. Директива привести части в полную боевую готовность. Управление стратегических служб сооб-

щает, что русские накапливают на том берегу в огромных количествах танки и авиацию.

Кидд. Чепуха, сэр! Вы знаете, что управление имеет более популярное обозначение: управление сумасшедших сплетен. (Возбужденно.) Я каждую ночь вижу во сне Америку... мой дом... жену. Ведь я женился за два месяца до войны и лишь дважды был в отпуску. Но две недели... Это очень мало.

Хаустон. Да, немного! Но вы можете немедленно и навсегда уехать в Америку.

Кидд. Каким образом, сэр?

Хаустон. Давайте говорить напрямик. Ваши понятия не соответствуют сегодняшним задачам нашей политики. Поэтому вам лучше своевременно покинуть мой полк. Я не хочу попасть в историю из-за вас.

Кидд. Благодарю за откровенность, сэр!

Хаустон. Вчера генерал Вульдридж спрашивал меня, могу ли я рекомендовать ему знакомого офицера. Он получил задачу реорганизовать оборону нашего Атлантического побережья на основе опыта войны. Вам лучше убраться не только из полка, но и из Европы. Здешний климат вызывает у вас злокачественную мозговую лихорадку. А чистый океанский ветер на наших берегах остудит нам голову. И генерал Вульдридж умеет внушать правильные мысли. Советую согласиться!

Кидд. Советуете или приказываете, сэр?

Хаустон. И то и другое!

Кидд. Видите ли, сэр, мне очень хочется попасть в Америку, но я хотел бы вернуться одновременно с моими солдатами. Я сжился с ними, и мне грустно расстаться...

Хаустон. Вам лучше уехать скорей. Если вы вляпаетесь в историю, подобную сегодняшней, за вас возьмутся всерьез. А тогда не рассчитывайте на меня. Мне дорога моя собственная шкура и не по нутру ваши нелепые идеи... Итак?

Кидд. Я дам ответ вечером, сэр!

Хаустон. Хорошо!.. До вечера!

Хаустон уходит. Кидд в раздумье подходит к перилам террасы. Достает из кармана бумажник и вынимает фотокарточку.

Кидд. Что ты скажешь на это? Я очень хочу скорее увидеть тебя... Мне кажется, ты одобряешь?.. Спасибо, Синтия!

Макдональд (входит). Приказ исполнен, сэр! Люди в казарме.

Кидд. Благодарю вас, Мак!

Макдональд. Не могу умолчать, сэр, что люди в телачьем восторге от оплеухи, которую вы закатили сенатору. Они хохочут, как сумасшедшие!

Кидд. Прекрасно! (Помолчав.) Скажите, Мак, если бы вам предложили завтра вернуться в Америку, как бы вы к этому отнеслись?

Макдональд. Я?.. Если б мне сказали, что для этого я должен переплыть нагишом океан на водяных лыжах, — я прошу извинения, сэр, — я сразу стал бы снимать штаны даже в вашем присутствии.

Кидд. И расстались бы с боевыми друзьями?

Макдональд. Что же, сэр! В конце концов вся жизнь построена на расставаниях.

Кидд. Вы философ, Мак! Последую вашему принципу.

Макдональд (ошеломлен). Вы, сэр?.. Вы оставите свою роту?

Кидд. Но вы же сами сказали, что жизнь...

Макдональд. Простите, сэр, но я не имел в виду вас и нашу роту.

Кидд. Вы еще и хитрец, Мак!.. Но я хочу утешить вас тем, что жизнь, кроме расставаний, построена также и на встречах... Всех нас свела на войне случайность, а сблизила хорошая солдатская дружба. Нам не вычеркнуть из наших сердец эти незабываемые годы. Расставаясь, мы должны хотеть встретиться. Как братья! Где бы я ни был, знайте, Мак, что у вас и у остальных наших ребят есть брат. Вы не смейте забывать меня! Когда вам будет трудно, приходите в мой дом. И если даже мне самому будет трудно, я сделаю все, чтобы вам стало легче. И уверен, что каждый из вас сделает то же для меня... Дайте руку, Мак!

Макдональд. Охотно, сэр!

Крепкое мужское рукопожатие.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Комната в доме Кидда, служащая гостиной и столовой. Много цветов. Дороти, в клетчатом платье с передником, с иголкой на голове, накрывает на стол. У окна в большом кресле сидит Синтия. Она в светлом длинном платье. Рядом на маленькой скамеечке сидит Кидд.

Он снизу смотрит в лицо Синтии. Она гладит его волосы.

Кидд. Прошло два года с моего возвращения, а я все еще не могу насмотреться на тебя, не могу привыкнуть к твоему лицу. Каждый день мне открываются в нем новые черточки, которых я не замечал до сих пор.

Синтия. Я хотела бы всегда быть новой для тебя, чтобы ты никогда не мог привыкнуть ко мне.

Кидд. После нашей свадьбы нам так мало пришлось быть вместе, что я даже не успел как следует узнать тебя.

Синтия. А сейчас ты меня знаешь? Ты уверен?

Кидд. Уверен! Вполне!

Дороти, кончив хлопоты у стола, удивленно смотрит на Синтию и Кидда.

Дороти. Боже мой! Душа радуется смотреть на них. Все воркует, как голуби. (Уходит.)

Синтия (сжимает ладонями лицо Кидда). Мой Кидд! Как хорошо, что ты мой!

Кидд. А почему ты говоришь это с такой странной грустью? В такой счастливый день? В годовщину нашей свадьбы?

Синтия. Прости меня. Мне взгрустнулось.

Кидд. Почему? Разве ты не вполне счастлива?

Синтия. Я счастлива, Кидд, но в последнее время мне часто бывает тревожно.

Кидд. Почему?

Синтия. Трудно объяснить.

Пауза.

Ты что-то скрываешь от меня. Почему у тебя часто бывает такой угрюмый вид?

Кидд (делано беспечно). Последнее время я очень устаю от работы. Весьма вероятно, что в такие минуты я не слишком жизнерадостен и привлекателен.

Синтия. Зачем ты говоришь неправду? Неужели я не могу отличить усталость от горечи? Что беспокоит тебя?

Кидд. Даю слово, что это мелочи, которые не имеют никакого отношения к тебе... к нашей любви. Это маленькие камешки на моей жизненной дороге, и зачем тебе спотыкаться о них?

Синтия. Ты не имеешь права так говорить. Если у нас общая радость, почему ты лишаешь меня права на общую печаль? Зачем ты отнимаешь у меня частицу себя, когда я и так боюсь, что тебя могут отнять у меня?

Кидд (шутливо). Кто же посмеет это сделать?

Синтия (помолчав). В войну я не знала покоя. Но ты пернул и сказал мне, что это навсегда, что с войной покончено совсем. Почему же снова все чаще звучит это отрицательное слово? Неужели опять... Нет! Я не хочу отдавать тебя войне!.. Не отдам!

Кидд. Зачем ты думаешь об этом? Через месяц я получу отпуск, и мы уедем в горы. Будем жить в палатке у ручья, ловить форелей, по ночам смотреть на звезды. Там и буду носить тебя на руках. Я всю жизнь буду носить тебя на руках. У меня надежные руки!

Синтия. Я верю, но мне как раз не хочется этого.

Кидд. Я не понимаю тебя.

Синтия. Не сердись! Я знаю, что у тебя сильные мужские руки. Но я не хочу быть бессильной и слабой в любви. Я хочу быть тебе другом, товарищем, человеком. Это не принято у нас в Америке. А я этого хочу. Ты всегда говорил мне, что я слишком много думаю для обыкновенной американской девушки. И я не избавилась от этого недостатка. Я продолжаю думать. Но одной трудно думать, а ты не хочешь помочь мне. Не хочешь думать вместе со мной.

Кидд. О чем же ты думаешь?

Синтия. Ты спросил меня об этом впервые за два года. Наконец-то мои думы заинтересовали тебя! Я думаю, что наша жизнь, видимо, построена не на таком прочном фундаменте, как ты хочешь меня уверить, хотя сам в этом не уверен.

Кидд (помолчав). Хорошо, я буду откровенен с тобой, хотя предпочел бы для этого не такой светлый день. Ты права — я не очень спокоен.

Синтия. Что же тяготит тебя?

Кидд. Это не просто, Синтия. Многое изменилось в Америке за эти годы, и изменилось к худшему. Люди, которые правят сейчас нашей страной, ведут ее по плохой дороге. И это мне не нравится. Я люблю Америку, я служу ей честно и стараюсь делать все, что в моих силах, чтобы обеспечить ее безопасность на том маленьком участке, который доверен мне. Но я вижу, что люди, стоящие наверху, думают не о том, как обеспечить безопасность Америки, а о том, как сделать ее опасной для других и как в подходящий момент употребить нашу силу для нападения на мирных людей. Я не могу равнодушно смотреть, как моих солдат ежедневно пичкают грязной пропагандой звериной ненависти к русским. Их натравливают на народ, которому мы многим обязаны в прошлом. И мне все труднее становится молчать и оставаться соучастником подлой политики. Однако я должен скрывать мои мысли.

Синтия. Почему, дорогой? Разве ты не имеешь права высказать свои взгляды?

Кидд. Формально имею... Но я одинок, Синтия! Я белая ворона!.. Мои сослуживцы — офицеры таковы, что я иногда задаю себе вопрос: американская ли это армия или это эсэсовские головорезы Гитлера? Если я выскажусь откровенно, мне придется покинуть армию. А что потом?.. Моя мирная специальность — археология. Кому она нужна в сегодняшней Америке? Если я и найду работу по специальности, то не заработаю ею даже на разливную жвачку и качестве единственной насущной пищи для семьи...

Синтия. Да, это очень трудно! Я понимаю! Но мне кажется, что боязнь материальных лишений не может и не должна заглушать в человеке душу. И верь мне, мой родной, что я всегда помогу тебе перенести все испытания, как бы они ни были тяжелы.

Кидд (озабоченно). Синтия! (Целует ее руку.) Но я надеюсь, что горе будет ходить мимо нашего дома, не заглядывая в его окна. А теперь я все-таки уведу тебя в

сад. Мы нарвем еще цветов. Я нахожу, что на столе их мало для свадебного пирса...

Нашлись на руки, Кидд и Синтия уходят. Слышно, как они со смехом бегут в глубь сада. Входят миссис Кидд и Дороти.

Миссис Кидд. Где же они?

Дороти. Только что были тут, мам!

Миссис Кидд. Наверное, они ушли в сад. Пусть погуляют. Это их день! Сегодня двойное торжество. Мэриэль тоже нашла свое счастье и скоро улетит из нашего гнезда. Девушке не так легко найти мужа, особенно хорошего. А мистер Бутлер очень приличный молодой джентльмен с прекрасным будущим.

Дороти. Если мам позволит старой няньке ее детей сказать слово, то я ждала лучшего для сестры нашего каштана.

Миссис Кидд. Вы говорите, вздор, Дороти! Чем плох мистер Бутлер?

Дороти. Мистер Бутлер недобрый человек. Дай бог, чтобы крошка Мэриэль не пролиwała слез из-за этого человека. Его душу делал плохой столяр. Мистер Бутлер может думать только о кошельке.

Миссис Кидд. Это не так плохо. Он должен заботиться о своей семье... И довольно болтовни, Дороти! Займитесь делом.

Дороти. Дороти займется делом, но Дороти и говорит дело. Я старая. Я очень много видела и умею рассматривать, что у человека внутри, хотя бы он носил одежду из шкуры бегемота. (Уходит.)

Миссис Кидд (подходя к окну). Вальтер! Синтия! Идите сюда!

Голос Кидда. Идем, мама!

Миссис Кидд. За этих я спокойна... Но что говорила Дороти о Бутлере?.. Чем он так плох? Сух, расчетлив, грубоват, но таковы они все сейчас. Вальтер находит, что Бутлер — круглый дурак, но, боже мой, откуда же набраться умных для всех девушек на возраст?

Входят Синтия и Кидд с цветами.

Кидд. Вот и мы, мама!

Миссис Кидд. Куда же вы убежали? Скоро придут гости.

Синтия ставит в вазы принесенные цветы.

Кидд. Гости?.. Какие гости? Кажется, мама, мы условились, что сегодня за столом не будет никого, кроме своих? Я не желаю чужих в мой день!

Миссис Кидд. Но это день и твоей сестры, мальчик! Перси просил разрешения приехать со своим новым патроном. Он стал работать у него всего неделю назад, и хозяин был так любезен, что захотел лично поздравить Мэрриель. Важный джентльмен, сенатор, богач, бросает все свои дела и едет из Вашингтона, чтобы оказать честь...

Кидд. Черт бы его взял с его честью и важностью! Но раз он уже едет, ничего не поделаешь...

Синтия с охапкой цветов уходит в соседнюю комнату.

Я хотел бы, чтобы Мэрриель не распоряжалась в моем доме. Скоро у нее будет свой, и она сможет по своему усмотрению приглашать таких же кретинов, как ее будущий повелитель.

Миссис Кидд. Извини ее, Вальтер. Девочка старается устроить свое будущее.

Кидд. Не завижду ее будущему с этим телеграфным столбом. Впрочем, похоже, что они будут достойной парой.

Миссис Кидд. Что же делать, Вальтер? Не всем бывает удача в браке. Но она надеется быть счастливой.

Кидд. Дай бог! (Уходит.)

Миссис Кидд. Скорей бы Мэрриель вышла замуж и уехала! Вальтер обвиняет меня, что я не смогла сделать из Мэрриель человека. Но чем же я виновата? В такое трудное время девочка росла без отца... А Вальтер был на войне, и все шло вверх дном.

Слышится насильственное асфальтирование, и в комнату входит Мэрриель. Она одета в яркую модную дамскую одежду. В улыбке ее крупного рта есть что-то обидное и улыбкой брата, но это сходство карикатуры. И в этой улыбке неуверенная наивность. Кажется, что она в любую минуту может превратиться в оскал зверька, готового укусить.

Мэрриель. Их еще нет?.. Самолет из Вашингтона пришел к аэродрому уже минут двадцать.

Миссис Кидд. Значит, будут с минуты на минуту. Побереги нервы, Мэрриель.

Мэрриель. Я стану их беречь тогда, когда Перси окончательно будет в моих руках вместе с брачным кон-

трактом. (Поворачивается перед матерью.) Как я сегодня выгляжу, мама?

Миссис Кидд. Ты хороша, как всегда, но твое платье... В мое время девушки одевались...

Мэриэль. Вы, может быть, вспомните, как одевались девушки во время войны Сепара с Югом? В ваше время Америка была задворками Европы. Глухой провинцией, перенимавшей все из Парижа. Сейчас мы даем тон всему миру, во всем... Где Кидд?

Миссис Кидд. Он только что ушел к себе.

Мэриэль. Он меня страшно раздражает. За этот год, что я жила в Вашингтоне, он стал еще хуже.

Миссис Кидд. Не забудь, что возможностью жить в Вашингтоне и учиться ты обязана брату.

Мэриэль. Что же, я должна молиться на него? Он становится совершенно захоластным дикарем. Я хочу, чтобы Кидд ни на кого не бросался дома, как собака. Сегодня с Перси приедет его хозяин. Очень большой человек! Одно из деловых и политических светил Америки. Будущее Перси — а значит, и мое — целиком зависит от него. У него правильный американский образ мыслей, а я боюсь, что Кидд начнет развешивать за столом свои квартерны...

В доме при резком гудке автомобильной sireны. Злая гримаса на лице Мэриэль мгновенно сменяется соблазнительно нежной улыбкой, скопированной с киноэкрана.

Это Перси! Он всегда так гудит, подъезжая. Его условный сигнал.

Она идет к двери. Входит Бутлер в модном светлом костюме. У него гладкое румяное лицо с коротко подбрityми усиками.

Бутлер. Хелло!.. Падаю на мирный вигвам, как молния!

Мэриэль. Ах, Перси! Это же безбожно так терзать меня ожиданием. У меня сердце едва не вырвалось из груди...

Бутлер. Стоп, лошадка! (Подбегает к миссис Кидд, страшно таращит глаза, морщит лоб и, схватив ее за руки, подпрыгивает с диким воплем.) Хи-хэй!

Миссис Кидд (отшатнувшись). Боже мой! Что с вами, мистер Бутлер?

Бутлер. Новинка, почтенная миссис Кидд!.. Новинка! Клубы молодых людей, входящих в ассоциацию «Американское действие» провели конкурс между штатами на новые способы приветствий. Три штата премированы. Я здоровался с вами по-висконсински... Вторая премия! Первую получил Денвер. Там таскают друг друга за уши и наступают на ноги, но дамы почему-то протестуют против этой наивной шутки. Ха-ха!..

Мэриэль (с тревогой). А где же ваш патрон?

Бутлер. Будет буквально через минуту. Он засхал по дороге к вашему шерифу. Они вместе шалили на дорогах Запада в дни юности.

Миссис Кидд (идет в другую комнату, про себя, с покорной печалью). Вальтер прав. Феноменальный глупец! Но в конце концов Мэриэль легче будет держать его в руках. (Уходит.)

Входит Кидд.

Бутлер. Хэлло, капитан! Рад вас видеть! Как поживает береговая оборона Флориды? Много подводных лодок Советов утопили за эту неделю?

Кидд. Мои наблюдатели не обладают гипертрофией зрения. Чтобы увидеть в океане подводные лодки Советов, нужны дальнометрики вашей квалификации.

Бутлер. Ха-ха! Вы все такой же шутник!.. Кстати, почему нас до сих пор маринуют в чине капитана? На месте генерала Вулдрипа и давно дал бы вам подполковника.

Кидд. Садитесь на место генерала. Я думаю, что при теперешних порядках и армии это вполне возможно. Тогда мое производство не задержится.

Бутлер. Хотите, я в самом деле замолваю за вас словечко?

Кидд. Спасибо, но я не заинтересован в чинах. Я делаю свое дело по возможности хорошо, и с меня достаточно... А как наши жизненные успехи? Как бизнес?

Бутлер. Великолепно! Я преуспеваю с тех пор, как развязался с юридической конторой и перешел к новому хозяину. За последние дни я уломал семерых сенаторов

голосовать за нашу поправку к закону о квартирной плате II, представьте, без излишних затрат. Сэкономил шесть тысяч долларов против сметы хозяина.

Кидд. Где же эти доллары?

Бутлер (хлопнув по карману). Тут! Половина у хозяина, половина у меня.

Кидд. Судя по вашим успехам, я вижу, что совесть у сенаторов продолжает падать в цене.

Бутлер. Она валится, как цены на кукурузу.

Кидд. Но цены на кукурузу можно удержать на хорошем уровне, если сжечь излишки. Как досадно, что нельзя удержать высокий курс на сенаторов таким же способом.

Входит Синтия.

Бутлер. Миссис Синтия! Вы ослепительны и, как всегда, похожи на цветок.

Синтия (иронически). А вы, как всегда, любезны и всегда поэт.

Бутлер. Кстати о поэзии... Вы знаете, Кидд, что я обрел новую статью дохода? Я сочиняю сценарии.

Кидд. Вы? Теперь я понимаю, почему Голливуд завоевывает мир.

Бутлер. О, что вы! Нельзя же так льстить! Голливуд слишком сложен для меня. Я сочиняю сценарии не для кино. В нашем клубе я познакомился с очаровательным русским. Нет, не пугайтесь, не с красным... настоящий русский аристократ, родственник бывшего царя, мистер Александр Назаров. Консультант русских передач «Голоса Америки». Он пригласил меня работать для русских передач. У них есть одно интересное дело. Передача записей разрешений трудовых конфликтов. Нужно показывать русским, как наша демократия охраняет американского рабочего от произвола предпринимателя.

Кидд. Сложная задача!

Бутлер. Ничего подобного! Нужно только, чтобы конфликт был реальным и поддавался проверке. Радиокорпорация входит в соглашение с мелким предпринимателем. Он нанимает по нашему указанию безработного. Спустя некоторое время между ним и рабочим возникает конфликт по заранее разработанному плану с расчетом,

что рабочий прав и закон на его стороне. Конфликт передается для открытого разбирательства в трудовую камеру. Заседание публичное, и на нем могут присутствовать все желающие. Даже большевики из советского посольства. Опровергнуть факт невозможно. Предупрежденный нами судья решает дело в пользу рабочего. Затем безработный снова становится безработным. Он, предприниматели и судья получают от нас условленный гонорар. И все! А я, как юрист, могу придумывать всякие варианты конфликтов. Тысяча долларов в неделю... А? Каково?

Кидд. Вы далеко пойдете, Бутлер! Кстати, кто ваш новый хозяин?

Бутлер. О! Большая шишка! Стол Национальной ассоциации промышленников... Деловой бог, мистер...

Входит миссис Кидд.

Мэриэль (во время разговора мужчин она несколько раз выходила в сад, нетерпеливо выглядывая в окно; перебивает Бутлера). Перси! Ну что же ваш патрон? Пора за стол.

Бутлер. Ради бога, не стесняйтесь, моя лошадка! Патрон просил передать, что если он немного задержится, чтобы мы не церемонились.

Миссис Кидд. Тогда прошу за стол!

Все рассаживаются. Кидд наполняет бокалы.

Кидд. По семейной традиции первый тост за вами, мама!

Миссис Кидд. Ты знаешь, Вальтер, что я не умею произносить речи. Особенно в такое трудное время, как сейчас, когда моя старая голова перестает понимать, что делается вокруг. Я только мать. И я хочу, чтобы твоя жизнь, мой мальчик, и жизнь Синтии, так же, как жизнь Перси и Мэриэль, была всегда так же ясна и безоблачна, как этот чудесный день.

Бутлер. Превосходно, миссис Кидд! Вы могли бы выступить в компрессе!

Все встают и сближают бокалы. В этот момент в дверях дома появляется Уилер. Он еще более безобразно тучен. Лицо багрово от жары, он вытирает его платком.

Уилер. Хэлло! Тут уже пьют? Не знаю, за что, но присоединяюсь.

На его голос все оборачиваются. Кидд приподымается с места, глядясь, словно не веря глазам.

Бутлер. Мой патрон мистер Уилер!

Уилер. Рад познакомиться. *(Подходит к столу.)*

Миссис Кидд. Извините, мистер Уилер, что мы сели за стол без вас, но Перси сказал, что вы...

Уилер *(не давая договорить)*. Дела! Дела! *(Еще не обратив внимания на Кидда, смотрит на Синтию.)* Вы, как я полагаю, прелестная невеста моего многообещающего молодого друга?

Кидд *(овладев собой)*. Прошу извинить, сэр! Это моя жена миссис Синтия Кидд!

Уилер поворачивается к Кидду. Мгновение оба смотрят друг на друга, и Уилер делает жест удивления.

Уилер. Это вы?

Кидд *(с улыбкой)*. Безусловно! Я — это я!

Уилер. Не ожидал! Мы ведь давно знакомы!

Кидд *(иронически)*. Как же, сенатор! Не только знакомы! Почти фронтовые друзья! Вместе проливали кровь за Америку! Не правда ли?

Уилер *(несколько ошарашен)*. Да, да! И вот опять встретились.

Кидд. Как же иначе? Мы расстались с вами в твердой уверенности, что встретимся.

Уилер. Да, припоминаю. *(Вдруг почти грубо.)* Что вы тут делаете?

Кидд *(смеется)*. Что с вами, сенатор? Разве принято задавать хозяину дома вопрос, что он делает у себя?

Почувствовав в разговоре Кидда с Уилером враждебный оттенок, Синтия тревожно переводит взгляд с одного на другого.

Уилер *(побавровев)*. Я спрашиваю, что вы вообще тут делаете? Вы до сих пор в армии?

Кидд. Я командую участком береговой обороны от Майами до Джексонвилля.

Уилер. Отлично! *(Подчеркивая.)* Америка должна быть спокойна, имея таких защитников.

Кидд. Благодарю вас!.. Однако прошу занять место, мистер Уилер! Продолжим нашу приятную беседу за вином.

Уилер тяжело садится.

Синтия (шепотом). Кидд, дорогой, что с тобой? Ты так побледнел! Кто этот человек?

Кидд (тоже шепотом). Ничего! Ничего, Синтия! Кажется, мне скоро будет нужно твое обещание... Я не ждал, что так скоро. А пока — спокойно. (Уилеру.) Разрешите наполнить ваши бокалы? (Наливает.)

Уилер. Так за что же пили сейчас?

Миссис Кидд. Сегодня седьмая годовщина свадьбы Вальтера и помолвка Мэриэль с нашим сотрудником мистером Бутлером. И мы...

Уилер (опять не давая договорить). О, значит, необыкновенный день! Надо выпить за будущее! (Верт бокал.) Ваше здоровье, нареченные! (Кидду.) За ваше будущее, капитан!

Кидд (чокается). Очень хорошо, сенатор! Также и за ваше! Пусть оно будет таким же, как мое!

Уилер (значительно). О, мое будущее уже в прошлом!.. А ваше все впереди.

Мэриэль. Мистер Уилер, я так рада, что вы согласились разделить нашу радость. Вы такой большой человек! Вы так добры к Перси! Я надеюсь, что вы будете благосклонны и ко мне.

Уилер. Можете рассчитывать на меня, мисс!

Кидд. Как приятно видеть ваше благорасположение к моей семье, мистер Уилер! Вы, к сожалению, несколько запоздали к первому тосту, который по нашим семейным традициям принадлежит главе семьи. Мама уже провозгласила его. Но за нами, как за почетным гостем, следующий. Я уверен, что вы скажете нам что-нибудь очень поучительное, как государственный деятель и один из наилучших умов Америки.

Уилер. Отлично, капитан! С удовольствием! Я припоминаю, что в день нашей первой встречи я не имел времени досказать вам речь, которую начал перед вашими солдатами. Попробую восстановить ее конец, который вам необходимо прослушать. Мы живем в замечательную эпо-

ку. Перед Америкой стоит грандиозная задача, взять под свое крепкое моральное руководство расшатанный и разваленный мир! Его расшатали и развратили красные. Мы, с нашими здоровыми нервами, с нашим трезвым умом, с нашей демократией, должны стать духовной полицией мира, очищающей его от скверны и греха. В этой роли мы отказываемся от гнилых предрассудков, от архаического уважения к так называемому суверенитету народов и к неприкосновенности границ... Идея порядка не признает границ!.. И границы Америки должны лежать сегодня на Енисее, на Лене, на Оби... Но, чтобы выполнить нашу священную миссию, мы должны прежде всего очистить нашу страну. На пороге решающей схватки с силами разрушения мы не можем терпеть в нашей промышленности, в нашем государственном аппарате, в нашей армии, особенно в армии, людей, зараженных неамериканским образом мыслей, людей, отравленных ядом коммунизма. Мы не доверим оружия таким людям! В руках изменников наше оружие может обратиться против нас. Мы закроем для таких людей все двери, кроме одной — смерти! В эту дверь мы загоним всех, кто против нас... И прощай Америка, прошедшую социальную дезинфекцию!

Бутлер. Гип-гип-ура!

Кидд (аплодируя). Браво, сэр! Но почему вы останавливаетесь на подороже? Одной социальной дезинфекции мало! Можно прибегнуть еще к резекции мозговых центров, и после этого останется только пришить американцам хвосты и превратить Америку в универсальный обезьянник!

Уилер (угрожающе). Я бы не советовал вам шутить!

Кидд. Почему? Шутка еще не запрещена в Америке. И кроме того, сенатор, вы можете быть спокойны, что к вам эта операция не будет применена, потому что... она для вас излишня. Вы с рождения избавлены от всех признаков, отличающих человека от обезьяны.

Уилер (встает, опрокидывая стул). Повторите, что вы сказали!

Кидд (спокойно). Я сказал, что из всех павианов,

которых мне приходилось видеть, вы самый совершенный образец этой породы.

Миссис Кидд. Вальтер! Вальтер!.. Что ты говоришь? Ради бога успокойся, прошу тебя! Минстер Уилер, не обращайтесь внимания. Это недоразумение!

Уилер. Да, миссис, недоразумение. Недоразумение, что ваш сын называется американцем, недоразумение, что он служит в американской армии и живет в Америке. Даю вам слово исправить это недоразумение.

Кидд. Вы уйдете сами или прикажете помочь нам найти выход?

Синтия. Вальтер! Держи себя в руках!

Уилер. Я знаю дорогу! И не только выйду сам, но и вам покажу дорогу к черту... И сотру вас с лица земли! *(Отбрасывает ногой упавший стул и идет к выходу.)*

Кидд. Старая песня, Уилер! Нацисты недавно грозили этим самым всему миру. Они действительно стерли с лица земли несколько миллионов людей только для того, чтобы шутовски кончить на виселице и финале своего предприятия. Подумайте об этом конце, Уилер, в свободную минуту, когда вас не будет мучить изжога!

Уилер *(обернувшись в дверях)*. Вам я не оставляю времени даже подумать о вашем конце. *(Скрывается.)*

Миссис Кидд *(в отчаянии)*. Что ты наделал, Вальтер?

Кидд. Ничего, мама. Я только сказал правду.

Мэриэль *(на ее лице не улыбка, а оскал)*. Он с ума сошел! Его нужно связать! Он не понимает, что говорит. *(Кидду.)* Ты негодяй! Ты губишь меня! Психопат!

Бутлер. Хи-хэй! Какая сенсация!

Кидд. Я нормален! Сумасшедший — вот! *(Указывает на дверь, куда вышел Уилер.)* В любом сумасшедшем доме есть такие экземпляры! В диком бреде они рвут в клочья карты мира, кидаются на людей и мечтают истребить человечество. Все их сажают в клетки. В Америке они бродят на свободе и пытаются править страной...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Та же комната. Синтия лежит на диване с книгой, но глаза ее смотрят мимо страниц и в лице тревожная напряженность ожидания. Дороти с метелкой из перьев ходит по комнате, смахивая пыль с мебели. Спустя несколько секунд за окном раздается автомобильный гудок. Бросив книгу, Синтия бежит к окну, выглядывает.

Синтия. Опять не он! Что же это такое? Почему он так запоздал? Что могло его задержать?

Дороти. Не расстраивайтесь так, мэм Синтия. Разве масса Вальтер никогда не опаздывал к обеду?

Синтия. Ах, прежде я не беспокоилась о нем, Дороти! Но теперь совсем другое... После того, что произошло за обедом в этот несчастный день...

Дороти. Не придавайте значения. Между мужчинами часто бывает такое.

Синтия. Нет! Если человек за два года не смог забыть обиду, — это враг, Дороти. Злой враг!

Дороти. Масса Вальтер не боится врагов. Он храбро цепенал с врагами на войне.

Синтия. На войне были другие враги, Дороти. Там он всегда видел, где враг, а тут на него могут напасть из-за угла.

Дороти. Это так, мэм Синтия. Такие люди, как этот толстый или как мистер Бутлер, никогда не нападают прямо. Они трусливые и хитрые.

Входит миссис Кидд.

Миссис Кидд. Может быть, будем обедать без Вальтера?

Синтия. О нет! Я прошу вас — подождем еще.

Миссис Кидд. Конечно. (Помолчав.) Мне нужно поговорить с вами, Синтия.

Синтия. Прошу вас, мама! Дороти, вы приберете позже.

Дороти. Слушаю, мэм. (Выходит.)

Миссис Кидд. Это по поводу позавчерашнего. Мне думается, что Вальтер поступил несколько необдуманно,

обойдись так резко с мистером Уилером. Это может повлечь за собой неприятности для него.

Синтия. Я не могу осуждать Кидда. Вы же знаете его не хуже меня. Он не способен притвориться и надевать маску. Его возмутили разглагольствования мистера Уилера, и он высказал то, что думал.

Миссис Кидд. Но ему не десять лет, девочка! Только в ребячьем возрасте можно так непосредственно и несдержанно реагировать на все, что услышишь. Вальтер — взрослый и должен уметь сдерживаться. Все-таки мистер Уилер был у нас в гостях. Жизнь требует компромиссов, как бы они ни были неприятны и тяжелы.

Синтия. Кидд никогда не пойдет на компромисс.

Миссис Кидд. Но я все же хотела бы, чтобы вы поговорили с ним по-дружески, дорогая, и убедили его ликвидировать инцидент. Тем более, что он угрожает осложнениями не столько Вальтеру, сколько Мэрриэль...

Синтия. Мэрриэль? Какое отношение?

Миссис Кидд. Мистер Бутлер был чрезвычайно оскорблен за своего патрона и очень холодно простился с Мэрриэль. Он сказал, что поступок Кидда вынуждает его задуматься, не совершает ли он ошибки, женись на сестре такого человека.

Синтия. Мерзавец!

Миссис Кидд. Он опасается за свою карьеру, дитя. Это вполне естественно для него.

Синтия. Конечно! Для него естественна любая гадость.

Миссис Кидд. Но вы понимаете, что Мэрриэль в отчаянии. Ее счастье может расстроиться, она потеряет такую выгодную партию. Стать снова необеспеченной студенткой, зависящей от брата, с убогой перспективой получить жалкое место stenographer и прожить жизнь старой девой. Это безрадостное будущее. И Вальтер не захочет сделать сестру несчастной. Убедите его выразить мистеру Уилеру сожаление о происшедшем, и, я уверена, все уладится. Мистер Уилер — незлой человек...

За окном гудок автомобиля. Синтия опять бросается к окну.

Синтия. Наконец-то он! Теперь я спокойна. (Миссис Кидд.) Извините меня, мама, но я не стану говорить

об этом с Киддом. Я не убеждена, что могу повлиять на него, но могу утратить его уважение. А этого я не хочу. Поговорите с ним сами. Вам будет легче убедить его.

Миссис Кидд. Хорошо! Я сделаю это после обеда.

Миссис Кидд выходит.

Синтия (одна). Убеждать Кидда, чтобы он унижался перед этой горой сала? Даже если бы это грозило бедой — никогда!

Дверь широко распахивается. Входит Кидд.

Кидд (весело). Вот и я, дорогая! Дороти сказала мне, что ты в тревоге?

Синтия (обнимает Кидда). Я очень волновалась, Кидд. Очень!.. Почему ты так долго сегодня?

Кидд. Ты напрасно терзаешь себя, Синтия. Ничего страшного не случилось. Я заехал в бюро воздушных сообщений заказать билет и немного заболтался с директором. Это Роб Клиффорд, мой соученик по университету.

Синтия. Билет? Ты куда-нибудь летишь?

Кидд. Завтра в Вашингтон.

Синтия. В Вашингтон? Зачем?

Кидд (со смехом). Меня хотят занесть там в духовку и подать на стол Уилсону с фаршем из земляных орехов.

Синтия. Не шути так! Что случилось?

Кидд (продолжая смеяться). Я получил прелестный приглашение билет. (Вынимает конверт и достает из него бумагу.)

Синтия (тревожно). Что это?

Кидд. Не падай в обморок! Не страшно, а смешно! Меня приглашают в комиссию по расследованию антиамериканской деятельности к некоему мистеру Скундреллу.

Синтия. Боже мой! Я так и знала! Недаром я не находила себе места.

Кидд (прижимая ее к себе). Что ты! Перестань! Я добрый час хохотал, получив эту бумажонку.

Синтия. Это не смешно... Об этой комиссии ходят страшные слухи.

К и д д. Слухи правильны, но со мной там ничего не сделают. Прежде всего, я подчинен только военному министерству. Во-вторых, у меня безупречный послужной список. Я один из немногих офицеров, имеющих высокий боевой орден.

С и н т и я. Но если вспомнят твою выходку против Уилера в Германии?

К и д д. Коротки руки! Покрыто пылью данности, и никто не позволит ворошить древнюю историю. Я мог бы вообще наплевать на это приглашение, но и сду, чтобы отделать их так, как им не снится.

С и н т и я. Не слишком ли легки ты смотришь на это? Уилер не остановится ни перед чем, чтобы досадить тебе. У него страшное лицо.

К и д д (смеется). Морда разложившейся свиньи.

С и н т и я. Нет... лицо убийцы!

К и д д. На мне он сломает свой нож. В Америке есть демократия и закон. А закон даже Уилер не может затоптать. Наконец, у меня есть против него тоже нож, которым я сразу выпущу из него дух.

С и н т и я. Как?

К и д д. Мне известны все его грязные и преступные махинации с валютой в нашей зоне оккупации и его подлая игра с немцами во время войны. Я найду свидетелей и документы, которые заставят его нырнуть в нору и не высосывать носа.

Д о р о т и (в дверь). Повините, масса Вальтер, вас спрашивает какой-то человек.

К и д д. Гоните его к чертям! Я не желаю никого видеть сейчас.

Д о р о т и. Я сказала, что масса Вальтер занят, но он так просит доложить... Такой бледный, худой... Он говорит: «Скажите капитану, что я из его роты».

К и д д. Что? Тащите его сюда, Дороти! Немедленно!

Д о р о т и уходит.

Боже мой! Неужели кто-то из ребят, наконец, вспомнил обо мне? Но кто же?

С и н т и я. Может быть, мне уйти?

Кидд. Ни в коем случае! Если это кто-нибудь из моих солдат, ты обязательно должна с ним познакомиться.

Дороти открывает дверь и выпускает человека в потертой куртке и старых брюках гольф. Он хромотает и, войдя, останавливается, стиснув в руках шляпу. В нем почти невозможно узнать сержанта Макдональда. Закрыв дверь, Дороти уходит.

Макдональд. Здравствуйте, сэр! Не сердитесь, что отнимаю у вас время, но мне хотелось хоть глазком взглянуть на вас.

Кидд. Пойдите! Я помню всех моих ребят, но... Кто вы?

Макдональд. Да, сэр! Я тоже теперь не сразу узнаю себя в зеркале. Сержант Макдональд, к вашим услугам!

Кидд (пораженный). Мак? Старина Мак! (Стискивает Макдональда в объятиях.) Но что с вами стряслось? Вы не похожи даже на свою тень.

Макдональд. Как видите, сэр.

Кидд. Да вы еще держитесь на ногах! Садитесь! (Усаживает Макдональда в кресло.) Синтия! Иди сюда!.. Это мой Мак! Я рассказывал тебе о нем. Он дважды спас мне жизнь. Надеюсь, ты будешь ему другом!

Синтия. Конечно, Кидд!.. Считайте, что вы в своем доме, мистер Макдональд.

Макдональд (пытаясь встать). Спасибо, миссис!

Синтия. Сидите! Сидите! Вы, наверное, голодны? Я скажу Дороти...

Кидд. Пойди, дорогая! Мак будет обедать с нами. А пока поговорим. Почему вы в таком виде, Мак? Что с ногой? Помню — с фронта вы унесли ее целой?

Макдональд (нерешительно). Я могу откровенно говорить при вашей супруге, сэр?

Кидд. Все, что вы хотите сказать мне, можете сказать и Синтии.

Макдональд. Обычная история, сэр! И не такая веселая, как те, что мы рассказывали на фронте... После возвращения в Америку мне сначала повезло. Я устроился, как и прежде, фрезеровщиком на завод «Бетлеем Стил» с хорошим заработком. Но скоро пришли худые дни. Компания стала резать плату и набирать от ворот шутеру из бродяг и этических... «перемещенных лиц». Они шли

на любые условия, чтобы не сдохнуть с голоду. Их не приходится обвинять, сэр. Забитые, бессознательные людишки. Но мы запротестовали против нарушения договора. Мы объявили стачку. Тогда желтые прохвосты из руководства союза, сорвав с хозяев отступного, продали нас... Нас подвели под закон Тафта—Хартли. У завода начались драки с штрейкбрехерами и полицией. Это было, как на фронте, сэр. Мне влили две пули из кольта в бедро. Я попал в больницу, а оттуда пересекла бы за решетку, но меня во-время вывели коммунисты.

Кидд. Коммунисты?

Макдональд. Да! Вы против коммунистов, сэр?

Кидд. Я далек от коммунистов, Мак. Мне кажется — они большие фантазеры и чрезмерно прямолинейны. Я думаю, что настоящую демократию в Америке нельзя установить их методами. Они бьют в лоб, а я научился на фронте преимуществу фланговых обходов. Но я не против коммунистов. Я не считаю их врагами Америки. Думаю, что они по-своему честно любят нашу страну.

Макдональд. Это правильно, сэр, и я подтверждаю это честным словом.

Кидд. Вы коммунист, Мак?

Макдональд. Вы не спрашивали меня об этом на фронте, сэр. Если вам это удобно, не спрашивайте и теперь. Я, как и вы, американец, сэр.

Кидд. Хорошо, Мак!

Макдональд. На время меня спрятали в пригороде. Долечивали домашними средствами, чтобы не привлечь полиции. Нога срослась нормально. Потом мне достали чистые документы, и теперь я пробираюсь к брату. Тут неподалеку есть рыбачий поселок.

Кидд. Барнеби?

Макдональд. Вы знаете это место, сэр?

Кидд. Оно входит в мой район. Двенадцать миль к северу от Майами.

Макдональд. Верно!.. У брата моторный бот, и я половлю с ним тунцов, пока полиция не забудет меня. А потом...

Кидд. Мы обсудим вместе. Постараюсь помочь вам, Мак, хотя я тоже становлюсь подозрительным американцем.

Макдональд. Вы, сэр?

К и д д. Я!.. Помните скандал, который я учинил Уилеру?

Макдональд. Как же! Я часто рассказывал друзьям, и они одобряли вас.

К и д д. Но Уилер не одобрил. И не забыл. Два года я не имел удовольствия попасться ему на глаза, но на днях случай свел нас. И я подбавил ему жару. Теперь он решил намять мне бока в комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Завтра я лечу в Вашингтон на небольшой раунд.

Макдональд (встревоженно). Это серьезное дело, сэр.

К и д д. Абсолютная ерунда, Мак! Ничего они от меня не добьются.

Макдональд. Боюсь, сэр, что вы ошибаетесь. Там давят людей, как мух.

К и д д. На моей стороне право и демократия, Мак. Все-таки мы живем в стране, которая первой в мире создала демократический строй.

Макдональд. Чтобы задушить его в когтях Уилеров, сэр. Вы напрасно так полагаетесь на американскую демократию. Вот она! (Хлопает по ноге.) Двадцать восемь граммов свинца в никелевой оболочке. Наглядный пример!

Пауза.

На вашем месте, сэр, я постарался бы заранее обеспечить себе хорошие документы на имя какого-нибудь Боба Джонсона.

К и д д. Вы в своем уме, Мак? Мне, кавалеру двух орденов, офицеру американской армии, запастись фальшивыми документами?.. Господь с вами!

Макдональд (с усмешкой). Может быть, вы вспомните, сэр, что в один день с вами я тоже получил военный крест третьего класса? Это не помешало мне стать тем, что я стал сегодня. И хотел бы, сэр, заразиться вашим весслем, но сомневаюсь, что это у меня выйдет. Во всяком случае помните, что я близко от вас и что Барнеби тихое местечко, где хорошо пережидать грозу.

К и д д. Мне оно не понадобится. Я вижу, что вы действительно немножко повредились, Мак... Выпьете виски за обедом и восстановите рассудок.

Синтия. Да, да! Давно пора обедать.

Кидд. Чудесно!.. Но нужно вас приодеть к обеду, Мак. Мы почти одного роста. Синтия, сvedi Мака ко мне и покажи в гардеробе мой серый костюм...

Макдональд. Благодарю сэр, но я обойдусь...

Кидд. Никаких «но», Мак! Я хочу показать вас маме в блестящем виде. Вставайте! *(Поднимает Макдональда.)* Веди его, Синтия!

Макдональд и Синтия находят.

Кидд некоторое время ходит по комнате, потом останавливается.

До чего могут довести человека житейские неудачи! Мак, который лез в огонь, под танки, скали зубы и плюя на смерть, стал бояться воздуха... Какая чепуха!

Синтия *(возвращается)*. Кидд, я хочу сказать, что мне не нравится твой разговор с Макдональдом.

Кидд. Почему?

Синтия. Он только укрепил мои опасения за тебя.

Кидд. Не будем говорить об этом до тех пор, пока твои опасения не обретут реальности.

Синтия. Хорошо! Позволь тогда сказать о другом.

Кидд. О чем?

Синтия *(кладет руку ему на плечо)*. С тобой будет говорить мама.

Кидд. Мама? По какому поводу?

Синтия. Она тоже боится за тебя, за меня, но главным образом за Мэриэль. Бутлер готов увильнуть от женитьбы на твоей сестре, он боится утратить благосклонность Уилера.

Кидд. Я буду только рад такому обороту.

Синтия. Я разделяю твою точку зрения, но мама думает иначе. Я уверена, что мама будет выкалывать тебя подумать обо всех нас, особенно обо мне, и просить для нашего блага уладить ссору с Уилером... Так вот, я хочу сказать тебе: как бы ни оборачивалось дело, чем бы оно ни грозило, я прошу тебя, принимая решение, не думать обо мне. Думай только о своей чести и поступай, как подскажут тебе совесть и долг. И помни, что я ничего не боюсь и перенесу все, кроме твоего отступления от долга совести, если даже оно будет продиктовано любовью ко мне.

Кидд (после минутной паузы). Позавчера ты спросил меня, Синтия, знаю ли я тебя. Я самоуверенно ответил, что вполне. Я был дураком! Только сейчас я узнал тебя.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Кабинет Скундрелла в комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Письменный стол, на нем телефон, папки с делами. За столом, в кресле Скундрелл. Ему лет пятьдесят пять. Он худ, прям, словно проглотил палку. Толстые стекла очков закрывают глаза. Цвет лица пепельно-серый, рот — бесцветная щель, прорезанная ножом. Перед столом в кресле Уилер. На коленях у него раскрытый портфель, из которого он вынимает бумагу и передает ее Скундреллу.

Уилер. Вот приказ об увольнении из армии. Я получил его час назад. Его удалось провести без излишних затяжек и формальностей. Помогло весьма любезное содействие генерал-майора Хаутона из отдела кадров. Он сам докладывал министру. Дело в том, что эта красная ехидна во время войны служила в полку Хаутона. После скандала, о котором вы знаете, Хаустон сам выставил его из полка и выслал из Европы. Кстати, Эрл, отметьте себе этого генерал-майора. Он очень охотно пошел мне навстречу, и в разговоре я установил, что он человек вполне благонадежный и могущий быть полезным впредь.

Скундрелл записывает в блокнот.

Ну, все! Можете, Эрл, не церемониться с этим паршивцем Киддом, поскольку он уже не под защитой военного министерства.

Скундрелл. Это значительно удобнее.

Уилер (выкарабкиваясь из кресла). Я буду в читальне. Когда кончите с ним — позвоните.

Скундрелл. Конечно!

Уилер выходит.

(Привдвигает стоящий на столе микрофон.) Алло!.. Сайкс! Магнитофон включите немедленно после двух звонков.

Понятно? Да... да... Ладно! (Берет со стола папку и перелистывает бумаги.)

Входит Кидд. Он в военной форме. На куртке два ордена: американский и орден Красного Знамени.

Кидд. Вы мистер Скундрелл?

Скундрелл перелистывает дело не отвечая. Длинная пауза.

(Решительно идет к столу.) Вы мистер Скундрелл? Я решительно протестую против вызова, который, очевидно, подписали вы. Я не считаю себя обязанным исполнять ваши предписания. Я военный и подчиняюсь только военным властям.

Пауза. Скундрелл медленно поворачивает голову и оглядывает Кидда.

Скундрелл (ледяным голосом). Кто вы такой?

Кидд (кладет бумагу на стол). Вы подписали это?

Скундрелл (тем же тоном). Я спрашиваю: кто вы такой?

Кидд. Кидд! Капитан Вальтер Кидд. Начальник шестого района обороны побережья Атлантики.

Скундрелл. Почему вы не добавляете: бывший?

Кидд. Не понимаю... Кто «бывший»?

Скундрелл. Вы!.. «Бывший» начальник! Теперь понятно?

Кидд. Нет! Для того, чтобы я стал бывшим, нужен приказ министерства.

Скундрелл. Он есть. Вот!

Кидд (берет приказ, явно ошеломлен). Что за вздор! Как меня могли уволить из армии без объяснения причин, без предъявления обвинения, без...

Скундрелл. Вас уволили. И это все!

Кидд. Я оспротестую этот приказ. Это беззаконие и произвол!

Скундрелл (дважды нажимает звонок). Произвол? Вы называете приказ военного министра Америки произволом?

Кидд. Как всякий приказ, нарушающий закон и устав армии.

Скундрелл. Обратите претензии к министру. Я слушать не буду. Я буду допрашивать вас.

Кидд. А я не стану вам отвечать. Повторяю — я вам не подчинен.

Скундрелл. Так было до десяти утра. С десяти вы только обыкновенный подданный Соединенных Штатов и за отказ отвечать будете судиться, как за оскорбление конгресса.

Кидд. Вот что! Ловкая работа!

Скундрелл. Что такое?

Кидд. Я говорю — чисто сделано! Понятно?

Скундрелл. Да, вполне! Ваше собственное и родовое имя?

Кидд. Вам это известно!

Скундрелл. Да! Когда вы и ваша семья прибыли в Америку из России?

Кидд. К вашему сведению, моя семья прибыла из Шотландии четыреста лет назад. Разрешите спросить, мистер, а когда вы изволили осчастливить Америку своим появлением?

Скундрелл (не отвечая на вопрос). Я спрашиваю, когда вы прибыли из России в Америку после войны.

Кидд. Я сожалел об этом, но я никогда не был в России.

Скундрелл. Не говорите неправды. Ваш полк находился в зоне, которая впоследствии была оставлена нами русским. Следовательно, вы были на территории России.

Кидд (смется). Из вас вышел бы чудный преподаватель географии для умалишенных.

Скундрелл (невозмутимо). Что вы делали в Европе?

Кидд. Дрался за дело Америки и ее союзников.

Скундрелл. Кого вы считаете союзниками Америки?

Кидд. Великобританию и Советский Союз.

Скундрелл. Как? Повторите?

Кидд. Достаточно одного раза. Я не попугай!

Скундрелл. Да, достаточно...

Пауза. Скундрелл листает дело. Кидд ждет с подчеркнутым спокойствием.

В показаниях одного вашего сослуживца утверждается, что ваше лицо освещалось радостью при известиях об успехах Красной Армии. Вы можете опровергнуть это?

Кидд. Я подтверждаю это. Думаю, что любой честный американский офицер должен был радоваться успеху общего дела.

Скундрелл. Дело американской армии и дело красных — общее дело?

Кидд. Во время войны — безусловно. Мы дрались против одного врага.

Скундрелл. Однажды в офицерском клубе восьмого корпуса производился сбор пожертвований для подарков русским. Правда, что вы пожертвовали пятьдесят долларов?

Кидд. Да. К сожалению, это было в конце месяца, и у меня не было большей суммы.

Скундрелл. Ясно... Ваш подчиненный с форта номер девять, лейтенант Барнс, некоторое время назад имел с вами разговор о недостатках общественной морали, и вы советовали ему, если он желает иметь представление о разложении так называемого общества, читать Свифта и... (смотрит в дело) и Тик... Тук... Тиккури. Кто это Свифт и Тиккури? Коммунисты? Где они живут?

Кидд (разражается смехом). Их зовут Свифт и Теккерей! Это величайшие сатирики мира. Они не коммунисты! Они живут сейчас в могилах на лондонских кладбищах... Уже больше ста лет! (Прекращает смех.) Мне надоела эта чепуха! Какого черта вам надо от меня?

Скундрелл. Здесь спрашиваю я. Вы отвечаете!

Кидд. Мне противно отвечать на idiotские вопросы.

Скундрелл. И, однако, вы будете отвечать. Иначе вас передадут немедленно в распоряжение Федерального бюро разведки.

Кидд. Благодарю! Вы очень любезны! Продолжайте спрашивать.

Скундрелл. Вы исповедуете какую-нибудь религию?

Кидд. Я сванганет.

Скундрелл. Мистер Бутлер, знающий вашу семью, свидетельствует, что вы не посещаете церкви.

Кидд. Я не имею времени. Военная служба требует всего дня.

Скундрелл. Вы молитесь дома?

Кидд. Иногда.

Скундрелл. За кого вы молитесь? Молитесь за чашков конгресса?

Кидд (после паузы). Нет! Когда я вижу членов конгресса, я молюсь за Америку.

Скундрелл. Вы разделяете преступные заблуждения коммунистов?

Кидд. Когда я подходил к порогу вашего кабинета, я был очень далек от коммунизма. Сейчас я значительно приблизился к нему.

Скундрелл. Это видно. (Неожиданно встает и тычет пальцем в грудь Кидда.) Это что?

Кидд. Мои боевые награды за службу Америке.

Скундрелл (повышая голос). А эта русская... тоже за службу Америке?.. Или за измену?

Кидд (сжав кулаки). Что такое? Я посоветовал бы вам быть осторожней! Я могу нечаянно сломать вам челюсть, если вы осмелитесь еще что-нибудь сказать о моем русском ордене.

Скундрелл (вынимает пистолет). Попробуйте!

Кидд. О, предусмотрительно! Вижу, что вас не раз уже били здесь.

Скундрелл. И больше не имею к вам вопросов, мистер Кидд. Все ясно! Вы красный! Вы предатель Америки!.. И с вами поступят как с красным. Вы погибнете медленной смертью от голода и нищеты! Вам не будет работы в Америке... Но вы можете избежать этой участи. Мы знаем, что вы были храбрым офицером и ваше имя не раз упоминалось в приказах. Многие в Америке еще помнят вашу славу... Вы должны сделать...

Кидд. Что?

Скундрелл. Немного! Вы выступите по радио. Пять минут разговора со слушателями всего мира. Вы скажете, что вы, американский офицер, убедились в агрессивных намерениях русских. Вы скажете, что русские хотят захватить Америку и истребить американцев. И что поэтому вы с презрением возвращаете красным их орден, позорный для американца... И больше ничего. При вашем выходе из радиостудии приказ о вашем увольнении будет уничтожен и все будет забыто.

Кидд. А если я ничего не стану говорить?

Скуиндрелл. Тогда вы будете предоставлены вашей судьбе.

Кидд. Я должен ответить немедленно?

Скуиндрелл. Прежде чем выйдете из этой комнаты.

Кидд. Что ж! Хорошо! (Снимает с куртки американский военный крест, целует его и кладет на стол.) Чтоб не задерживать дело, я возвращаю эту награду. Я приму ее вновь только тогда, когда в Америке ее будут давать честные руки и я смогу носить ее без стыда. А русский орден я оставляю себе. Больше ничего не имею сказать.

Скуиндрелл. Вот как? Вы хорошо обдумали?

Кидд. Способность думать — это как раз то, что отличает меня от вас. Но это еще не все. Я знаю, чьих рук это дело. (Указывает на ленту и руках Скуиндрелла.) Я не ошибусь, если скажу, что в самых грязных притонах Америки не найдешь пары рук грязнее, чем руки Уилера. Я не собираюсь познать и надвинуть меня такими руками. Я буду драться. И расквашу шей Америке...

Скуиндрелл. Это вам не удастся.

Кидд. Посмотрим! Скажите Уилеру, что его биография может заинтересовать американцев, и я приложу все силы, чтобы подать ее в самом ярком виде. Я раскрою глаза американцам на его мошенничества с валютой в оккупационной зоне, на его связь с немецкими фирмами во время войны, грязное предательство интересов Америки и жизней американских солдат. Вы думаете — у меня нехватит для этого сил? К счастью для меня, ваша собственная пресса любит грязь и сенсации ради грязи и сенсаций. В Америке найдутся газеты нашего же лагеря, которые ради бума утомят Уилера и немцев. И я дам им все, что нужно для этого. Прощайте! (Поворачивается и стремительно уходит.)

Скуиндрелл. Боже, какие у него были глаза! Я думал, что он бросится на меня... (Берет телефонную трубку.) Мисс, дайте читальный зал, кабина семнадцать, Герберт? Приходите немедленно. (Кладет трубку и вытирает лоб платком.) Ф-фу!

Уилер (входит). Как кончили, Эрл?

Скуиндрелл. Он человек неробкого десятка, Герберт! Мы придавили его, но для вас дело оборачивается

не блестяще. Он задумал хороший ход. Он грозит разворошить ваши старые валютные дела и ваши картельные пакеты с немцами. Он здраво предполагает, что найдутся газеты, которые ради скандала возьмутся утопить вас в помоях, вне зависимости от нашего политического кредо. Не завидую вам!

Уилер. Так, значит, он не хочет сдаваться? Придется действовать радикально. Оставьте меня, Эрл! Да... Разыщите в кулуарах О'Лири, я только что видел его там.

Скундрелл. О, вы считаете, что дело так серьезно?

Уилер. Да! Скажите О'Лири, что мне нужно убрать этого красного.

Скундрелл. Но это влетит вам в копеечку!

Уилер. Я не останавливаюсь перед расходами для дела. Срок — три дня! Пусть О'Лири погонит по его следам хоть сотню своих бандитов, но через три дня с Киддом должно быть кончено.

Скундрелл выходит.

(Набивает трубку и закуривает.) Отлично! Я сказал этому красному, что сотру его с земли. Придется сделать это и в прямом смысле и как можно скорее. Он в самом деле опасен.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЯТАЯ

Та же гостиная в доме Киддов. Сквозь окно виден угасающий закат, который быстро сменяется глубокой синевою ночи, усыпанной колючими искрами звезд. Мэрриель лежит на диване и плачет, захлебываясь слезами. Входит Синтия. Зажигает свет.

Синтия (видит рыдающую Мэрриель, быстро подбегает к дивану, кладет руку ей на плечо). Мэрриель, милая! Что с вами?

Мэрриель (вскакивает и отбрасывает руку Синтии). Не троньте меня! Убирайтесь к дьяволу!

Синтия (изумленно). Опомнитесь, Мэриэль! Я только хотела...

Мэриэль. Я говорю вам — убирайтесь!.. Я ненавижу вас... ненавижу вас с вашим постным видом грошового ангелочка с провинциальной елки, с нашей физиономией святоши, с вашим проклятым эгоизмом...

Синтия. Моим эгоизмом?.. Вы понимаете, что говорите?..

Мэриэль. Отлично понимаю. И вы тоже понимаете. Перестаньте кривляться! Вы, вы во всем виноваты!

Синтия. Я?.. В чем?

Мэриэль. Вы виноваты в том, что потакаете всем безумным выходкам Вальтера, вместо того чтобы удерживать его и напомнить ему, что у него есть обязанности по отношению к семье. Если он не хочет беречь себя, черт с ним! Но под вашим влиянием он не желает думать о нас, и вы тоже не желаете думать о нас, хотя живете в нашем доме.

Синтия. Это наш общий дом.

Мэриэль. Нет!.. Это дом Киддов! Вы пришли в него с улицы!

Синтия. Вы не смеете!..

Мэриэль. Смею!.. Вы лицемерка, ханжа, тряпка! Чего вы добились этим? Из-за вас его выбросили из армии и обрекли на нищету. Из-за вас он еще попадет в тюрьму. Из-за вас должны будем голодать мама и я. Вы причина того, что мой жених бросил меня и предлагает мне роль содержанки. Мы гибнем, а вы продолжаете ходить с лицом павлиньей ошейки. И не могу видеть вас!.. (Стремительно уходит направо.)

Синтия (одна). Несчастная девочка! Она потеряла рассудок от злобы. Только бы она не наговорила таких же гадостей Вальтеру! Он может выгнать ее из дому, и она окончательно погибнет. Нужно предупредить маму, чтобы она не допустила ее объясниться с Вальтером... Мой эгоизм? Может быть, я действительно неправа, и мне следовало?.. Нет! Нет! Я не могу, я не хочу жить и думать иначе.

Звонок. Слева входит Дороти, идет к входной двери, открывает ее и впускает Макдональда.

Макдональд. Добрый вечер, миссис Кидд! Капитан дома?

Синтия. Здравствуйте, мистер Макдональд! Кидд ушел на почтамт отправить пакет в Чикаго, но скоро должен вернуться.

Макдональд. Досадно! Простите, что я в такое позднее время, но мне необходимо повидать капитана.

Дороти. Мэм Синтия, миссис Кидд нет дома, и я прошу у вас разрешения отлучиться на десять минут. У моего кума заболела девочка, я снесу ей лекарство.

Синтия. Конечно, ступайте, Дороти! Мы обойдемся сами!

Дороти. Спасибо, мэм! *(Выходит.)*

Макдональд. Как дела капитана?

Синтия. Радостного мало, мистер Макдональд.

Макдональд. Выбросьте за борт мистера Макдональда. Пусть я буду просто Мак... А что, капитан уже написал жалобу в федеральный суд?

Синтия. Нет. Он завтра должен пойти к адвокату, чтобы вместе обсудить жалобу и подкрепить ее ссылками на законы.

Макдональд. Эх, оппортунисты от этого, миссис Синтия!

Синтия. Почему, Мак?

Макдональд. Сейчас у капитана долгое время будет неусто с финансами. Пусть лучше побережет их на нужные вещи. Адвокаты только будут перекачивать доллары в свои карманы без всякой пользы. А жаловаться нашему суду — это все равно, что жаловаться богу. Бог не даст ответов даже через радиоприемник патера Кофлина.

Синтия. Вы ни во что не верите, Мак?

Мак. Нет, миссис Синтия, я верю во многое, но только не в наши законы, не в конгресс, не в судей и не в сегодняшнюю Америку.

За окном внезапно раздаются два слабых, потом один громкий выстрел — и снова тишина.

Синтия *(тревожно)*. Вы слышали? Что это, Мак?

Макдональд (пытаясь казаться спокойным). Наверное, мальчишки балуются, миссис Синтия.

Пауза. Входная дверь с шумом распахивается. На пороге Кидд, подерживаемый Дороти. Правой рукой он поддерживает левую. Его колыт свисает на ремешке до колена.

Синтия (вскочив, кидается к нему). Кидд!.. Кидд!.. Что случилось?

Кидд (выпрямляется). Тс-с, Синтия! Ни звука! Мама не должна ничего знать! Ничего страшного!

Синтия. Мамы нет.

Кидд. Тем лучше.

Макдональд (подбегает и подхватывает Кидда с другой стороны). Кто стрелял, сэр?

Кидд (с трудом выговаривая). Не знаю... Посадите меня, Мак!

Макдональд придвигает кресло. Кидд опускается в него и откидывается на спинку, закрыв глаза. Теперь видно истно кропи на его левом плече.

Синтия (о ужасе). Кидд!.. Мак, он не отвечает! Они убили его! Убили!

Макдональд. Тише, миссис Синтия! У вас есть нюхательная соль?

Синтия выбегает.

(Дороти.) Как это случилось? Где вы подобрали его?

Синтия возвращается с флаконом в руке. Макдональд подносит флакон к лицу Кидда. Синтия стоит, не сводя глаз с лица мужа.

Дороти. Я отдала лекарство для девочки и торопилась домой. Подошла к нашему забору и увидела, что впереди к калитке приближается масса Вальтер. Только он взялся за щеколду, я увидела, как из-за пальмы выскочил человек. И я услышала два выстрела. Масса Вальтер повернулся, вытянул руку, и раздался еще выстрел. А масса Вальтер сел на землю. Я подбежала, и он сказал мне: «Дороти, помогите войти в дом».

Макдональд. А человек, который стрелял?

Дороти. Я больше ничего не слышала, не видела. Я чуть не умерла на месте от страха.

Кидд (открывает глаза). Мак!

Макдональд. Да, сэр!

Синтия. Кидд!.. Ты жив? Жив, мой дорогой!.. Что же мы стоим? Дороти! Бегом за доктором Хизнером!.. Он живет напротив...

Дороти убегает.

Кидд. Синтия, подойди ко мне!

Синтия подходит к креслу, опускается на колени и берет руку Кидда.

Когда я услышал первый выстрел и меня укололо в плечо, я больше всего испугался, что не смогу еще раз увидеть тебя...

Синтия. Я знаю все... Не говори! Тебе нельзя!

Кидд. Потом меня пронизала страшная злоба...

Макдональд. Куда вам попало, сэр?

Кидд. Первым выстрелом он пробил мне верхушку пача... Плохой стрелок, Мак! Я стоял под фонарем, весь на виду, и десяти шагах от него... Вторым он вовсе промахнулся...

Макдональд. А ны, сэр?

Кидд. Вы обижаете меня таким вопросом, Мак! С десяти шагов?

Макдональд. Значит, он?..

Кидд. Лег под пальму и не шевельнулся.

Синтия. Кидд, перестань разговаривать. Дай мы перевяжем тебе плечо, чтобы остановить кровь до прихода врача.

Кидд (поднимается). Мак, отведите меня наверх. (Медленно идет к двери, поддерживаемый Макдональдом.) Ничего, Мак! Помните, как мы брели с вами во Франции, в краю изгородей? Только тогда я поддерживал вас.

Макдональд. Круг замыкается, сэр!

Кидд. Нет, Мак!.. Но начинается битва за Америку. Моя битва!

Та же комната. В открытые окна льется серебряный лунный блеск. На столике у окна горит небольшая настольная лампа. В кресле сидит Кидд с подвязанной левой рукой. На его куртке поблескивает, отражая огонь лампы, орден Красного Знамени. Синтия подкладывает под спину Кидда подушку. В другом кресле сидит и курит Макдональд.

Синтия. Так удобно, Кидд?

Кидд. Все, что делают твои руки, все хорошо для меня.

Синтия. Плечо меньше болит?

Кидд. Я уже забыл о нем... Теперь я хочу попросить тебя немного погулять и сиди. Смотри, какая чудная луна! А нам пужно поговорить с Маком. У меня нет тайн от тебя, но это очень мужской разговор.

Синтия. Не пужно объяснешь, Кидд. Я иду. (Уходит.)

Кидд. Мак, дайте мне сигару!

Макдональд подает сигару, Кидд закуривает.

Я хочу исповедаться вам, Мак. Начистоту, как брату и товарищу. Я чуть не стал негодяем, Мак.

Макдональд. Не говорите чепухи, сэр!

Кидд. Это не чепуха... Я колебался, Мак! Я очень колебался. Меня просила мать, умоляла сестра. Я сам, наконец, стал думать: имею ли я право разрушать не только свою жизнь, но и жизнь близких, жизнь моей жены? Не поступаю ли я слишком по-мальчишески? Не плюнуть ли на все, не сходить ли на поклон к Уилеру, сказать, что я перехватил виски перед обедом и намолол спьяну лишнего... ну, и все такое... Отказаться от своих мыслей и зажить, как все, чтобы сохранить свое положение в этом мире, чтобы не задумываться, где найти крышу завтра и чем накормить семью... И, клянусь вам, Мак, что, может быть, я поднял бы постыдный белый флаг сдачи, если бы не Синтия... Когда, смотря мне в глаза, она сказала таким ясным голосом, что сможет перенести все, кроме моего отступления от долга и совести, я чуть не свалился с ног... И все стало на место.

Макдональд. Миссис Синтия хорошая женщина!

Кидд. Ах вы, бесчувственная деревяшка! Синтия необыкновенная женщина! У нее сердце героя! Но слушайте дальше... Когда я попал к Скундреллу и когда этот серый дьявол стал допрашивать меня, мне показалось, что перед входом в здание конгресса меня хватил солнечный удар и я просто мучаюсь кошмаром. Я стал щипать себя за ухо и убедился, что это не бред. Тогда я услышал, как мои иллюзии, мои глупые сладенькие иллюзии лопнули с таким треском, как лопаются на полной скорости автомобильная камера.

Макдональд. Это могло бы произойти без такого болезненного шума, сэр, если бы вы раньше прислушивались к моим замечаниям об американской демократии и законе.

Кидд. Если то, что происходит со мной, называется американской действительностью, то будь она проклята!

Макдональд. Наконец вы пришли к разумному выводу, сэр.

Кидд. Я не труслив, Мак. Но сейчас меня охватывает страх. Я цепенею при мысли, как выглядела бы Америка, если бы ее населяли только Уилеры и Скундреллы. Я когда-то учился археологии, Мак. Вы знаете, что это такое?

Макдональд. До некоторой степени, сэр... Что-то о развалинах.

Кидд. Не только! В систему археологии входит и палеонтология. Наука о чудовищах, Мак, о вымерших чудовищах. Была такая эпоха на нашей земле, когда она вся была во власти самых невероятных чудовищ, каких только можно вообразить. Каждое имело размеры среднего миноноса, но величина мозга у них не превышала куриного яйца. Никакого разума! Только челюсти, когти и брюхо... И ненасытная звериная жадность и ненависть ко всему живому. Они только и делали, что жрали слабейших и друг друга. Уилеры и Скундреллы — потомки этих чудовищ. Они мечтают воскресить в двадцатом веке эру своих предков, чтобы, чавкая, рвать живое мясо и захлебываться кровью. Это было бы очень страшно, Мак! И всякий, в ком бьется человеческое сердце, кто верит в жизнь, должен протестовать против этого.

Макдональд. И как вы думаете протестовать, сэр?

Кидд. Еще не знаю, Мак. Когда мы дрались с нацистами в Германии, это было просто. Нажимаешь гашетку пулемета, винтовки или автомата — и враг отправляется в небытие... Тут сложнее и труднее. Но и буду протестовать, Мак! Я снова поеду в Вашингтон, и добьюсь приема в Белом доме, я раскрою глаза президенту на то, что творится в одном язде от его резиденции.

Макдональд. И вы думаете, сэр, что президент возьмет в одну руку молнию закона, а в другую — меч правосудия и поведет вас на борьбу за поправленную демократию?

Кидд. Оставьте шутки, Мак! Все это слишком серьезно.

Макдональд. Вы правы! И поэтому я позволю себе заняться с вами, как с учеником воскресной школы. Им все объясняют наглядно, на опытах. *(Достает из кармана коробку и вынимает спичку.)* И покажу вам сейчас соотношение сил. Смотрите внимательно. Вот я зажигаю спичку. Это президент, олицетворяющий права человека, закон, свободу и прочее. Вообразите теперь, что я американский капитал, его картели и монополии, его уилеры, скундрелы и другие... И вот... Фу... *(Сильным выдохом гасит спичку.)* Президент — спичка!.. Он загорается, гаснет, дымит и тлеет тогда и так, как угодно капиталу и его архангелам...

Кидд. Однако, Мак, вы заговорили совсем языком коммунистов...

Макдональд. Видите ли...

Дверь открывается. Входит Синтия.

Синтия *(взволнованно)*. Кидд, тебя хочет видеть полисмен Брэстэд!

Кидд. Не слишком во-время, но власть не считается со временем... Попрошу его подождать минуту, пока я приведу себя в порядок.

Синтия выходит.

Мак!

Макдональд. Да, сэр!

К и д д. Я думаю, что вам не стоит встречаться лицом к лицу с представителем полиции, хотя бы ваши документы и были чище горного снега. Но мне хочется, чтобы вы были под рукой на всякий случай. (Оглядывает комнату.) Вы не против того, чтобы посидеть там в уголке за ширмой?

Макдональд. Охотно, сэр, если это не продлится больше суток.

К и д д. Я постараюсь кончить разговор в десять минут.

Макдональд уходит за ширму.

(Встает.) Прошу вас, полисмен!

Входят Синтия и Брэстэд. Брэстэд — рослый мужчина в полицейском мундире. У него широкое, грубоватое, красное, как сырое мясо, лицо и на нем безмятежно голубые глазки.

Брэстэд. Извините, капитан, за неурочное посещение, но мне необходимо срочно побеседовать с вами.

К и д д. Ничего не может быть приятнее ночной беседы с друзьями, особенно если при этом распить рюмочку. Не так ли?

Брэстэд. Не откажусь, капитан.

Кидд усаживается в кресло у столика, Брэстэд напротив. Кидд наливает вино из стоящей на столе бутылки.

К и д д. Ваше, Брэстэд!

Брэстэд. И ваше!

Оба выпивают.

Канадское?

К и д д. Настоящий «Сигрэм». Итак, я готов вас слушать.

Брэстэд. Пожалуй, капитан, было бы удобнее наедине.

К и д д. Почему?.. Если речь будет о моих преступлениях, то миссис Синтия в одной шайке со мной и знает все мои кровавые тайны.

Брэстэд. Ладно!.. Вы знаете, капитан, что я помогал инспектору Блуди вести следствие по этому печальному происшествию у вашего дома, поскольку оно случилось в районе моего поста. Могу засвидетельствовать, что инспектор старался вести его объективно и пришел к выводу, что его можно квалифицировать с вашей стороны как «оправданное убийство в состоянии необходимости».

Кидд. Да, это достаточно объективно, как мне кажется... Кстати, куда я попал этому...

Брэстэд. В самую переносицу, капитан. Превосходный выстрел!

Кидд. Приятно слышать ваше честное мнение!

Брэстэд. Таким образом, капитан, заключение инспектора должно было полностью гарантировать вас от всяких неприятностей. Час тому назад он отнес рапорт шерифу. Я тоже был с ним и видел, как шериф прочел рапорт, разорвал его и швырнул клочки в физиономию инспектору.

Кидд. Неужели?

Брэстэд. Да!.. Шериф затопал ногами, заорал, что Блуди болван. Он кричал, что вы гнусный убийца, действующий по приказам красных. Потом он приказал инспектору переписать рапорт в том смысле, что установлено злодейское, преднамеренное убийство американского гражданина из политической мести. И как только рапорт будет готов, он отдаст приказ о нашем аресте.

Синтия. Этого не может быть!

Кидд. Спокойно, дорогая! Что же ответил Блуди?

Брэстэд. Что он мог ответить, капитан? Он на службе и зависит от шерифа. Он напишет такой рапорт.

Кидд. Ясно.

Брэстэд. Инспектор очень обозлился. И когда мы вышли, он сказал мне: «Брэстэд, эта чертова история мне не нравится. Я пойду писать новый рапорт, а вы отправляйтесь к дому капитана и смотрите в оба». Я пошел.

Пауза.

Кидд (задумчиво). В таком случае объясните мне, Брэстэд, почему же вы пришли предупредить меня? Ведь

что может помешать шерифу и инспектору выполнить их долг перед американским законом, а следовательно, повредить и вам.

Брэстэд. Видите ли, капитан, это только кажется непонятным, но вы быстро поймете, если я вам объясню.

Кидд. Я буду очень признателен.

Брэстэд. Я подумал так: капитану все равно сбежать некуда, да и не такой он человек. Все равно утром мы заберем вас. Это уж как пить дать! Раз я получаю приказ арестовать человека, я сделаю это, будь это даже моя мамаша. Пока я служу в полиции, я оружие закона. Но я прекрасно понимаю, что человеку очень неудобно, если его забирают так, сразу, здорово живешь. Может быть, ему надо успеть сделать кое-какие дела, кое-что спрятать. На это нужно время. Я и решил, что закон я завтра исполню, а сегодня предупрежу капитана и заработаю на выпивку... Ведь вы не пожалеете поблагодарить меня, капитан?

Кидд. Вы удивительно толково объяснили все, Брэстэд. И я с удовольствием вознагражу вас. Правда, в связи с неважными материальными делами я не могу быть слишком щедрым сегодня... *(Вынимает из кармана кредитку.)* Двадцать пять долларов нас устроят?

Брэстэд. Конечно, это маловато, капитан, но так и быть! Ведь все еще может кончиться благополучно, и тогда вы подбросите еще.

Кидд. Безусловно! Выпьем по третьей и пожелаем друг другу спокойной ночи.

Выпивают.

Брэстэд. Делайте, что хотите, капитан, до завтра. Клянусь, что до девяти утра я не высуну носа из кабака. До завтра!

Брэстэд выходит. Синтия с ужасом смотрит ему вслед. Из-за ширмы появляется Макдональд.

Кидд. Вы слышали, Мак! Какой превосходный экземпляр, не правда ли?

Макдональд. Так или иначе, но вы предупреждены.

Синтия. Неужели это возможно, Мак? Неужели они могут арестовать Кидда? Против всех божеских и человеческих законов?

Макдональд. По всем нечеловеческим законам Америки это произойдет завтра утром, если только... *(После паузы, решительно.)* Ваш муж, миссис Синтия, только что исповедовался мне. Теперь моя очередь! Сэр, полисмен Брэстэд прервал наш разговор на самом крутом подъеме. Вы сказали, что я заговорила языком коммуниста. Вы не ошиблись! И я думаю, что пришло время разговаривать на этом языке, потому что для меня он родной язык. Я коммунист, сэр! Это первое! Второе: я не совсем точно сообщила вам о действительных причинах, которые направили меня в Барнеби. Я не собираюсь там задерживаться. Я не намерен нежиться на солнышке и ловить рыбку. Барнеби для меня лишь этап, сэр. Брат мой хорошо знает дорогу до Кубы и обход морских патрулей. Я отправляюсь на несколько дней на Кубу. Я не могу открыть вам причину моего путешествия, потому что это не мое, а партийное дело. Поймите, сэр, насколько я доверяю вам, если счел возможным даже это сказать...

Кидд. Я очень ценю такое доверие, Мак.

Макдональд. Это должно быть завтра ночью, сэр. Путь опасен и...

Кидд. Стойте, Мак!.. Я понял!.. Перед тем как вы заговорили, у меня на языке повис вопрос: не можете ли вы познакомить меня со своим братом?

Макдональд. А я ждал от вас этого вопроса... Значит, вы простились окончательно с иллюзиями?

Кидд. Да, Мак.

Макдональд. И хотите переждать грозу в тихом месте?

Кидд. И на этот раз вы плохо угадываете, Мак! Меньше всего я думаю сейчас о тихом месте. Наоборот! Я ищу места, где смогу установить свою батарею, чтобы скорей открыть огонь. Я ведь сказал уже вам, что начинается моя битва за Америку. И я хочу начать ее без промедления.

Макдональд. Узнаю капитана снова таким, каким знал на боевых полях.

Синтия. Ты хочешь оставить Америку, Кидд?

Кидд. Да, моя дорогая! Оставить на время, чтобы потом вернуться в нее и вернуть ее себе, тебе, Маку и многим американцам. Нашему народу!

Синтия. Но разве этого нельзя сделать, оставаясь в Америке, дорогой?

Кидд. Ты хочешь, чтобы я остался вести битву за Америку тут? Нет, Синтия, я не хочу сидеть и ждать, пока заговорит настоящая Америка — Америка Рузвельта и Вашингтона. До этого меня может десять раз уложить более меткий стрелок, меня могут успеть пять раз повесить и дважды заставить плясать на электрическом стуле. Я буду вести битву за Америку не в обороне, а в наступлении. И я хотел бы, чтобы вы были рядом со мной, Мак, как в те дни...

Макдональд. Я был бы очень рад ехать с вами, капитан, но я не имею права.

Кидд. Почему?

Макдональд. Я коммунист! Я в боевом строю моей партии, которая ведет бой. Тяжелый бой! Я не могу покинуть боевую линию.

Кидд. Значит, вы считаете, что мне тоже нужно остаться?

Макдональд. Вы не сумеете сейчас работать здесь. Вы слишком заметны, вы попадетесь на первом шагу, как кролик, потому что не прошли науку войны в подполье, где вас на каждом шагу подстерегает враг из-за угла и с тыла. Вам лучше уехать.

Кидд. Хорошо! Но мы будем сражаться вместе, хотя и разделенные пространством. Я буду показывать людям уилеров, морганов, дюпонов, даллесов, рокфеллеров, вандербильдтов в их страшной и омерзительной наготе. Нужно, чтобы во всех концах земли увидели невыразимый позор, которым покрыли Америку ее властители. И мы должны сделать все для того, чтобы скорее покончить с этим позором. Нужно, чтобы все ясно поняли природу револьвера, пуля которого пробила мне плечо. Это тот же

револьвер, который гулял по Берлину в руке гитлеровца. Который буравил дыры в головах антифашистов в концлагерях... Который продамывал череня русских и польских детей. Сейчас этот револьвер начал работать в нашем собственном доме, в Америке. И мы должны делать все для того, чтобы человечество скорее вырвало его из преступных рук. Жаль, Мак, что вы не можете быть рядом со мной! С нами мне было бы легче, чем одному.

Синтия. Одному? Ты забыла обо мне, Кидд?

Кидд. Синтия!

Синтия. Неужели ты когда-нибудь на меня можешь подумать, что у меня нет храбрости идти рядом с тобой? Ты все еще плохо знаешь меня, Кидд. Иначе ты не оскорбил бы меня так!

Кидд. Но это бой, Синтия!.. И может быть, еще прежде, чем я сделаю первый выстрел, я буду мертв. Я не сдамся живым, если мне не удастся пропастись... А ты...

Синтия. А я буду с тобой...

Кидд. Что вы думаете об этом, Мак?

Макдональд. Я не желал бы лучшего бойца в моем взводе.

Кидд. О, это большая похвала, Мак! Я видел вас в бою и знаю, что от вас трудно заслужить таковую.

Макдональд. Я надеюсь, что вы еще увидите меня в бою.

Кидд. Отлично! Заключаем боевой союз! (Очень серьезно.) Клянемся, что отдадим все наши силы, чтобы порвать петлю, затянутую на горле Америки, и дать ее голосу зазвучать свободно! А если враги Америки в последней злобе попробуют пустить в ход когти и зубы войны, мы позовем наших боевых товарищей, простых американских парней, которые шли с нами против фашизма. Они услышат наш голос. И позовут других. Солдат за солдатом, взвод за взводом, рота за ротой — она будет расти, армия Новой Америки... Руку, Мак! Нас трое пока! Но трое храбрых часто бывают сильнее армии трусов! И мы будем драться, Мак!

Кидд привлекает к себе Синтию и сжимает руку Макдональда.

Макдональд. Будем драться, капитан! Но ваш
счет неверен. Нас и сейчас уже не трое. Нас миллионы!
И будет еще больше... С нами в строю все, кто недаром
носит звание человека. А теперь не будем терять времени!
Пора в поход, капитан!

Занавес

В. ОВЕЧКИН

НАСТЯ КОЛОСОВА

ПЬЕСА В 4 ДЕЙСТВИЯХ,

5 КАРТИНАХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Настя Колосова — знатная колхозница,
мастер высоких урожаев, 35 лет.

Прокоп Прокопыч Шавров — председа-
тель колхоза, 50 лет.

Василий Черных — директор МТС, 40
лет.

Федосья Голубова — колхозница, бри-
гадир, 45 лет.

Денис Григорьевич Тимошин —
секретарь райкома партии, 45 лет.

Лука Демьянович Силкин — предсе-
датель райисполкома, 50 лет.

Иван Гаврилыч Лыков — колхозник,
60 лет.

Андрей Ефимович Голышев — ком-
позитор.

Игнат Седов — 24 лет.

Алена — 40 лет

Дарья — 35 лет

Марфа — старуха

Фрося Любченко — девушка

Дуня Батракова — девушка

Наталя — подруга Насти, 33 лет.

Люба — девушка, секретарь Насти.

Степан Агеев — 28 лет.

Савелий Маркович — колхозник, ста-
рик, 70 лет.

Колхозники, колхозницы.

} Колхозницы
из бригады
Федосьи.

Действие происходит в одной из центральных областей
через несколько лет после войны.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Поле. Лунная светлая ночь. Между посевами пролетела дорога, спускающаяся к речке, что течет где-то в глубине, под крутым берегом, — там видны верхушки камышей. У берега куча высоких ракушек.

На земле у дороги лежат Алеша, Дарья, Фрося Любченко, Дуся. Вокруг них разбросаны ведра, коромысла. На пригорке сидит Иван Гаврилыч и Марфа. Женщины поспали воду из речки к подвозке, ушедшей на участок поляны.

Еще лишь начало лета, но полям уже угрожает засуха. Много недель не было дождя, очень жарко, вянут, желтеют молодые хлеба, трескается земля от зноя. Колхозников собрали ночью на поле поливать рекордный участок знатной стахановки Насти Колосовой.

Марфа. Ты мне про старину не ври. Сама старая, все видела. Какие там ведьмы!

Иван Гаврилыч. Х-хе! Не верите — что ж поделашь! Сами попросили: расскажи что-нибудь занятное... Ты и девкой была такая малонервная, невозможно было тебя ничем улестить. К тебе с лаской, обнять хочешь, а ты в глаза пырркаешь, как коника... Сурьезная была девица.

Марфа. Да уж какая уродилась!.. А ты и парнем был пустобрех. Сколько было девишек на нашей улице — на всех жениться обещал.

Иван Гаврилыч. Вашу сестру без брехни и не поделуешь... Нет, Марфа, я насчет тебя твердое намерение держал. Вона как жизнь обернулась! Ведь могли бы и пожениться, а? Сорок лет назад гуляли мы с тобой. Лично к тебе бегал я на посиделки в ваше село, шестнадцать верст в оба конца. Отбил Михайло... А девка ты была видная!

Марфа (строго). Ну-ну!

Иван Гаврилыч. А чего? Я говорю — была...

Дарья (сонно). Вот расскажу Семенычу. Черти старым! Любезничают, спать не дают.

Марфа. Расскажи, Расскажи! Промеж них давняя ревность, пусть мой Семеныч наплет ему бока. (После паузы, мягче.) Бобылем живешь?

Иван Гаврилыч. Ни колё, ни двора... Гриша в армии остался, на Курильских островах службу несет. Старуху-то еще до войны похоронил.

Марфа. Попросил бы — давно бы построили тебе хату.

Иван Гаврилыч. На что она мне, бессемеиному? Приютили люди — живу.

Марфа. Принеси бельишко, какое есть, — постираю.

Иван Гаврилыч. А мне Марья стирает, хозяйка. Не обижает... Мне-то что — остался, живу. Колхоза жалко. Все село истребили изверги!.. А колхоз какой был!

Марфа. Хозяйственно жили, да! И наши ездили к вам, ума-разума занять.

Иван Гаврилыч. Мало заняли, не помогло вам... Э, наш председатель Василий Павлович Черных орел был! Майором, слышь, войну закончил. А не вернулся домой...

Марфа. До кого он придет сюда?

Алена (поднимаясь). Задремала... Не приехала водоноска? Что тут делать без бочек?

Иван Гаврилыч. Что хозяйственно жили, то не диво. И про ваш колхоз, кто в дело не вникнет, скажет: неплохо, вроде, живут. Опять же Настя у вас славится своими рекордами. А работаете недружно, неровно, с хитростью.

Дуня. Не все с хитростью.

Дарья. Дед, как приезжий прокурор, все наш колхоз критикует.

Алена. Опять свое Ракитное вспомнил.

Иван Гаврилыч. Как его забудешь!.. Вот я, бабы, когда-то так думал: сошлись трудящиеся люди в колхоз, прогнали кулаков, сообща пахут, сеют, — ну, чего еще надо? И жить должны согласно, как одна семья. Нет, то не все, что сошлись в кучу. Ведь и семьи разные бывают. В иной семье такое творится — отец за сынами с ду-

биной, сыны друг дружку — по зубам!.. Ваш Прокопыхитер, да не шибко грамотен. Неуверенный человек, сам во многом не разбирается, что к чему. Оттого и нету в нем строгости. Вдруг такую слабину скажет — меньшевая на него кричит, как на мальчишку. На председателя! Куда это годится?.. А Черных свою линию неа твердо. Станут бывало колхозники сомневаться: «Что мы делаем, Василий Павлович, сто гектаров сада сажаем? Да у нас сил нехватит фрукты собирать!» «Ничего, говорит, пока наш сад вырастет да начнет родить, к тому времени на поле машины вовсе ручной труд заменит, много сил у нас добавится». Культурный, спокойный. Расскажет, докажет, уговорит человека, а все же настаивает на своем. Вот то руководитель!.. (Помогая.) А про богатство что говорить! Жили-пожили. Мотоциклов было у колхозников десять штук. Велосипедов не счесть! Идешь, бывало, смотришь — лежат в пшенице игрушки три, дамских. Чьи? Да из первой бригады, говорит, положи тут утром денжата, они бросили!.. Стали уже терять их в стени, как бороны. Специально посылали перед уборкой колхозников по полям: «Пособирайте велосипеды, от несчастного случая, чтоб какой-нибудь комбайну под хедер не попал».

Марфа. Ну, такого, должно быть, не было, прибавил?

Иван Гаврилыч. Может, и не было еще, но подходило к этому.

Дуня. Ой, душно! И ночью нет прохлады.

Фрося. Жарко, как в молотьбу. Что оно будет? Печет и печет.

Алена. Что будет? Засуха будет, погорит хлеб.

Дарья. Пошли, денки, кунашки?

Фрося. Там гадюки и камышах...

Дуня. Вроде молнии блеснула. Может, дождик соберется?

Дарья. У людей дожди идут, а у нас комары кусаются.

Фрося. Сейчас тетка Настя с председателем пригонят бочки. С пожарки снимут... Прилетит, разругает нас, что не работаем.

Дарья. А что ж нам на коромысле носить аж туда? Расшиби их!..

А л е н а. Будет ли, бабы, толк с нашей работы, что поливаем тут?

М а р ф а. А что ж? Ночью полить не вредно. В такую сушь только ночью и можно поливать.

Д а р ь я. Толк будет: Настя урожай соберет, Героя получит...

И в а н Г а в р и л ы ч. Намедать, бабы, на вашу работу, тыфу! Пять гектаров спасете, а еще тыща гектаров? Вон степь-матушка!

Ф р о с я. Так это же гектары какие!

И в а н Г а в р и л ы ч. А какие?

Д а р ь я (с усмешкой). Показательные.

И в а н Г а в р и л ы ч (помолчав). У моего дядьки Романа, что горшки лепил на Куликовском заводе, штаны были показательные. Одни на будень и на праздник. Спереди посмотреть — одетый человек, а повернется...

А л е н а. Сейчас дед отмочит!

И в а н Г а в р и л ы ч. Сидячая работа, протер. А новые купить — капиталу не было. Однакоже и в церковь ходил: дюже был религиозный. Станет к стене спиной — оно и незаметно... Ваш Прокопыч тоже знает, какой стороной к начальству повернуться.

А л е н а (прислушивается). Едут!..

В темноте за дорогой слышно — разворачиваются повозки, ездовые переговариваются, покрикивают на лошадей. К женщинам подходят председатель колхоза Прокоп Прокопыч Шавров и Настя Колосова.

Н а с т я. Ну, поднимайтесь! Выспались? Водовозки пришли. Живее.

Д а р ь я. Чего нукаешь? Не запрягла. (Встает, нехотя берет коромысло, остальные женщины лежат.)

Ш а в р о в. Еще почку, девки! Завтра отдохнете.

Д а р ь я. А полоть кто за нас будет?

Ш а в р о в. Чего?

Ф р о с я. Ночь — поливать, днем — отдыхать, а на своих участках работать? У нас — и свекла, и картошка.

Ш а в р о в. Потерпят.

А л е н а. Наше все терпит.

Ш а в р о в. «Наше», «ваше» — что за разговоры?

Дуня. Да ведь государство урожай со всех нас спрашивает!

Настя. Какой с вас спрос?! Вставайте, вставайте! Рады языки почесать. Пока и ночь за разговорами пройдет. Ну, сколько ждать буду?

Алена (потягиваясь). Ох, спать хочется!

Марфа. Да хоть бы уж без крику...

Дарья. А верно — чего ты, Настя, кричишь на нас? Иди в свое звено и командуй там.

Настя. Мои работают.

Дарья. Где?

Настя. Там, поливают.

Дарья. А на горку ведра таскать им не жальственно?

Настя. Вам ту работу нельзя доверить. Вы впопыхах все рядки затопчете. Посите ведра, это дело проще.

Дуня. Только на это и способны? Нам доверить нельзя?.. Ну, если так унижаете нас!.. (Вскакивает.)

Подем идет к берегу реки Федосья.

Федосья. Опять моих баб забрали без спросу? Да когда же это кончится? Прокопныч!

Шавров. А? Что?

Федосья. Я бригадир своим людям или нет?

Шавров. На то и колхоз, Федосья, чтоб помогать друг дружке.

Федосья. Э-э, не то говоришь, председатель! Мы тоже понимаем, что такое колхоз. А наша бригада не колхоз? Там на полях чье — не наше? Я им завтра наряд дам на работу, а они скажут: «Мы уже ночь работали, отдохнуть надо».

Алена. Конечно, надо отдохнуть. Не железные.

Фрося. Да еще слышите, что говорят про нас: нам и поливку нельзя доверить, только ведра способны таскать.

Федосья. Ах, так!.. Идите, девки, домой, спать! Довольно!

Дарья. Расшиби их!.. (Вскакивает.) Пошли!

Дуня. Своей работы по горло.

Шавров. Куда вы? Федосья! Нельзя, бабы! За что обиделись? Ну, может, Никитишна не так слово сказала, а вы уж и хвосты распустили.

Настя. Какие горячие!

Шавров. Чего вы такие злые стали?

Алена. Того злые, что засуха, хлеб погибает.

Шавров. А зачем кулаки мне под нос суешь? Я что ли погодой заведу? Нету дождика — значит полить надо.

Дуня. Сколько мы тут ведрами польем?

Марфа. Этим мир не накормишь.

Фрося. Мы за колхоз болеем, дядя Прокоп. Там больше потеряем, чем здесь спасем.

Шавров. Товарищи женщины! По силе возможности! Много не прошу: еще ночку — две.

Настя. Чего ты их просишь?

Федосья. Хоть просите, хоть приказывайте — не будем! Это уж ты хочешь, Настя, чужими руками жар загребать.

Настя. Глупые слова говоришь. Сама рассуди: все не польем? Нет, не успеем. Что же спасать в первую очередь? Где лучше посев. Был бы у вас лучше — к вам пошл бы.. Да вы и не додумались первыми начать поливать! А я ночей не посплю, а спасу свой участок!

Шавров. Бестолковые вы, бабы! Разве можно допустить, чтоб такие посевы стихия погубила? Не берете во внимание, что у нас тут. Можно сказать, целая научно-опытная академия. Так и в газетах писали.

Федосья. Знаем, хорошие посевы. (К Насте.) Так тебе и удобрения все отдали.

Дуня. И мы бы сделали хорошо — дайте нам возможность!

Настя (трогает пальцем лоб). Вот они — возможность!

Дарья. Умом хвалишься, милая-я!.. А не советская ли власть тебя образовала?

Алена. А в нашей бригаде в прошлом году гречиха была уже не хуже твоей, Настя!

Федосья. Слышишь, Прокопыч? Не можешь ты этим людям препятствовать!

Фрося. По закону всем ордена дают за урожай, кто заработает.

Шавров. Все в рекорды удариться хотите? Болячка на мою голову! Да знаете ли вы, что Настасья Ники-

тишна тут делала? И... стра-ти-фи-кацию, и грануляцию, и опыляцию, и пере-пере... как, Настя?

Дарья. А ты научи нас этому «пере-пере».

Алена. Его самого кабы кто научил!

Дуня (презрительно). Опыляция!..

Фрося. Зачем такими словами пугаете? Просто опыление дополнительное. Читали в газетах, знаем, как оно делается.

Федосья. Не можете препятствовать! Мы за весь колхоз обязательство товарищу Сталину давали, а не за одно звено!

Шавров. Да ну вас! Голова от нашего крику пухнет! Отойдите! Вас много, я один!

Настя. Договоились... Что мне с вами время тут терять! Говорите прямо — будете носить подуд?

Дарья. Что-то не охота, милая-я... (К Федосье.) Как, бригадир?

Федосья. Для колхоза работали и будем работать, а для твоей выгоды нет!

Настя. Для моей выгоды? Эх, ты!.. Опять народ против меня настраиваешь?

Федосья. Не мы против тебя — ты против нас пошла!

Дарья. Пойдемте, бабы!

Дуня (тянет кого-то за ногу из-под куста). Нюрка! Попрытались в лопухи. Проснись! А Лушка где?

Фрося. Собирай всех, а то еще кого-нибудь потеряем здесь.

Марфа. Вроде бы и нехорошо самовольно работу бросать, и работа такая дурная... Порядку нет!

Фрося берет коромысло на плечо, вынесает. «По должам и по изгорьям шла дивизия вперед...» Женщины уходят. Остаются Шавров, Иван Гаврилыч и Настя.

Настя. «По силе возможности»! Председатель! Церковным старостой тебе служить, на храм божий копейки собирать! (Уходит в поле.) Водовозки не отпускай домой. Своих баб приведу

Шавров. Ну, дела, дед! Одна такая, да сколько крику из-за нее! А кабы десять? Двадцать?

Иван Гаврилыч. Да, завидное твое положение!

Шавров. И ей надобно угодить — человек знаменитый, и других не обидеть...

Иван Гаврилыч. Комары кусаются. Костер развести что ли? *(Разводит костер.)*

Шавров. Ждать ее здесь или домой ехать? Болячка на мою голову! Спать хочется. Вчера на бюро до утра продержали.

Иван Гаврилыч. Обожди от греха... А все ж таки, Прокопыч, неправильно ты рассудил.

Шавров. Чего?

Иван Гаврилыч. «А кабы десять таких? Кабы двадцать?». Да хоть бы и сто! Лишь бы не врозь тянули. Тебе же лучше. Колхозу прибыль, больше урожая, и тебе почет... Для председателей ведь тоже рассчитано, сколько чего собрать нужно, чтоб дали награду.

Шавров. За этот год не дадут. Да мне и не к спеху!

Иван Гаврилыч. А вот тучки собираются. Ежели дождь выпадет — поправятся хлеба.

Шавров. Да, звезды затянуло. И росы нет на траве. Вроде — к дождю... Эх, жизнь наша деревенская! Все на тучки поглядываем... Крестьянское хозяйство, дед, — картонная игра. Пыльце — мордой в грязь, завтра — князь. А ведь за шесть-семь лет обязательно, хоть засуха иной год и ударит тебя, но и урожай дождешься. Такого урожая, что закромов нехватит. Это уж я все обдумал. Как-нибудь подсчитаю свои центнеры. Понял?.. Вот я, слышь, восемь лет тут председательствую. Во Франции за это время сорок премьер-министров сменилось, а я недвижим. Укоренился. Выдержал. Почему? Нервы берегу. И голову не перегружаю. А кабы в думки ударился — пропал бы! Мне ко всем болячкам только опыляции не хватает. Да что я агроном что ли? Я по административной части. По научной я не мастак.

Иван Гаврилыч. Не мастак, верно...

Шавров. Для дела берегу себя, не для пустяков. Для них же, для таких крикух. Что Насте? Только о том забота, чтоб свои гектары показать. А у меня хозяйство, машина!.. Меня, дед, колхозники любят не за опыляцию.

Иван Гаврилыч. А любят-таки?

Шавров. В сорок пятом, война только кончилась, — полмиллиона нажил.

Иван Гаврилыч. Не нажил — наторговал. Потому и наторговал, что война только кончилась, цены на рынках были высокие. Давеча Силкин тут проезжал, председатель райисполкома. Часов в восемь. Тебя спрашивал.

Шавров. На чем ехал?

Иван Гаврилыч. Да на вороных, на этих самых припадочных, что ты ему всучил. Клял тебе на чем снет стоит!

Шавров. Ну вот! А где ж его глаза были, когда покупал? Я и не хотел ему продавать их, от скандалу. Пристал, как репей, — поправилась мастью.

Полевой дорогой к костру идет Василий Черных с небольшим чемоданом, перекинутым на ремне через плечо.

Черных. Что за люди? Пастухи? Здравствуйте!

Шавров. Здорово! Не пастухи... А ты кто такой? Куда путь держишь?

Черных. Со станции иду, в район. *(Оглядывается.)* Колхоз «Труд». Его степь, да. Речка там... Вон поворот на «Парижскую коммуну»... Так... Не пастухи?

Шавров. Здешний?

Черных. Здешний. Семь лет не был здесь. Огонька можно? *(Присаживается к костру, прикуривает.)*

Иван Гаврилыч *(всматриваясь, встает, обходит костер)*. Василий Павлович! Ты ли это? Товарищ Черных! Родной!..

Черных *(встает)*. Кто?.. Дед Лыков! А писали — никого нет...

Иван Гаврилыч. Один остался. Василий Павлович, голубчик! Вася! Тебя ли вижу?..

Черных *(молча трясет дела за плечи)*. Гаврилыч!..

Иван Гаврилыч. Пришел!.. Эх!

Шавров. Вон кто! *(Подходит, подает руку.)* Черных? Какими судьбами?

Черных. Шавров? Здравствуй! На старом месте?

Шавров. Как дуб!

Иван Гаврилыч. Кого дождался! Только что говорил тут с бабами о тебе. Марфа говорит: «К кому он

придет сюда?» Решил навестить родные края? А, может, на работу к нам, Василий Павлович?

Шавров. Какая ж ему тут работа? Колхоза-то нет!

Иван Гаврилыч. Далече жил?

Черных. На Кубани.

Иван Гаврилыч. Что ж, не понравилось? Либо соскучился?

Черных. Сторона богаче нашей...

Иван Гаврилыч. А потянуло домой?

Черных (указывая на чемодан). Весь тут, с движимым и недвижимым.

Иван Гаврилыч. Совсем?.. Верно, верно, Василий Павлович! Все ж таки здесь ты родился и вырос. Не только в своем колхозе люди тебя знали.

Черных (садится у костра, долго молчит). Что там сейчас, дед?

Иван Гаврилыч. Нету нашего села... В логу, где расстреливали, — братская могила... Тебе-то, скажи, что писали? Все знаешь?

Черных. Знаю все.

Шавров. Где спалили села, да люди остались, там давно уже все заново отстроили. Сколько времени прошло! А у нас же строить некому... Землю вашу бывшую совхозу прирезали... В район тебе уж сегодня поздно, у нас заночуй. Мне вот надо еще тут баб дожждаться.

Иван Гаврилыч. Ко мне пойдем, хозяйка пустит. Я теперь здесь живу, Василий Павлович.

Черных. У них в колхозе?

Иван Гаврилыч. Да куда денешься!.. Хоть оно, может, и не учтиво, приютили они меня, но прямо скажу тебе вот при нем (указывает на Шаврова): не то, не то! Не наш ракитянский колхоз «Борьба»!

Черных. О чем спорите?

Иван Гаврилыч. Обо всем. О направлении жизни... Надул райсовет, продал Силкину клочок негодных, думает: вот я хозяин, похвалят меня люди. Шибай ты, а не хозяин!

Шавров. Язва старик! Хлебом не корми — дай только кого-нибудь облаять. Ты его больше знаешь, товарищ Черных, скажи: чего он такой прилипчивый?

Черных. Председателем ревизионной комиссии был у нас три года.

Иван Гаврилыч. По должности своей ит разу не мог сказать ему в глаза (на Черных): «Хороший ты, Вася, председатель!» — обязан был критиковать. Но теперь, как повидал другие порядки, э-э!..

Черных. А что вы тут делаете, починю?

Шавров. Да вот же — с засухой боремся.

Черных. Как боретесь? (Встает, осматривается, задевает ногой брошенное в траве коромысло, поднимает его.) Ведрами?..

Шавров. Это Настя Колосовой участок.

Иван Гаврилыч. Помню тебе? Показательный!

Черных. Колосовой?.. Дома она? Жива?

Шавров. Жива. В сороч втором была со мною в эвакуации.

Черных. Помню, помню Колосову! Дорогого человека сберегли. Как она сейчас?

Шавров. Воюет! В прошлом году еще орден заработала. Киносьемники приезжали к нам. Скоро картину будем смотреть про себя. И меня (показывает будто крутит ручку киноаппарата) засняли.

Иван Гаврилыч. Вон — идет.

Слышны голоса, звон ведер. Идут Настя, Наталья, с ними еще несколько женщин. Настя оборачивается, кричит в темноту возчикам: «Подъезжайте ближе!» За кулисами движение, стук колес. Не замечая Черных, сидящего в тени, Настя с Натальей проходят мимо костра к берегу.

Настя. Прокопыч! Во второй бригаде народ в поле ночует. Ну-ка, пойдн, попробуй их уговорить, пусть придут, поработают. И бочки у них там есть.

Наталья. Ой, там тоже бабы лихне!

Первая женщина. А не придут — будем нарочно мимо их стана воду возить. Да с песнями, чтоб спать им не давать!

Настя с одной женщиной подают ведра с водой снизу, от речки, на гору. Другие относят ведра на середину сцены. Третьи подхватывают их и несут дальше, в глубину, за кулисы, к водовозкам.

Настя. Живей, живей, бабы! Не задерживайте вёдра!

Иван Гаврилыч (на Настю). И сама которую уж ночь без сна. Двужильная! (Берет ведро, идет к женщинам.)

Вторая женщина. Вот дед нам поможет.

Наталя. Давайте заишем его в свое звено.

Первая женщина. Не согласна. Мой Петрович приревнует. Каждый день допрос мне делает: «А мужиков у вас в звене нету?»

Наталя. Так он не мужик.

Иван Гаврилыч. А что ж я такое, по вашему мнению?

Наталя. От мужика остатки.

Иван Гаврилыч. Ой, бабы, бабы! Создал вас бог, посмотрел, да и нос высморкал.

Настя. Не плескайте на тропинку, скользко, на гору не влезешь.

Черных (когда Настя проходит мимо него). К чему вы это затеяли? Зря трудодни разбазариваешь, товарищ Шавров.

Настя (приостанавливаясь). Что-то больно много у меня сегодня противников! Кто это тут еще объявился?

Черных (встает). Не узнаешь, Настасья Никитишна?

Настя. Вроде знакомый человек... (К Наталье.) Кто это?

Наталя (на лицо Насте). Ракитянский председатель.

Настя. Черных? Василий...

Черных. Павлович. Забыла соседа? А приезжала к нам в гости, договор проверять.

Настя. Не узнала. Простите, что накричала на вас.

Черных. Ничего. Вижу — под горячую руку попал?

Наталя. Тут нынче все горячие да первенные.

Настя. Откуда вы?

Черных. В район иду, со станции. Завернул на огонек. Что ж это вы ведрами поливаете? Дорого обойдется твой урожай колхозу, Настасья Никитишна. Если уж на то пошло, канал надо строить, от Белой. Отводы делать на поля. Раз навсегда. Это верно, до каких же пор будем страдать от засухи... (К Ивану Гаврилычу.) Помнишь, я предлагал, до войны еще?

Иван Гаврилыч. Помню, помню. Соседи не поддерживали.

Черных. А это пустое дело. В этой речке, я знаю, всоробью по колено. И ведрами ненадолго хватит черпать.

Настя. Нет, не пустое! И вы не хотите понять, чего нам стоит все, что здесь выросло. Здесь и слезы наши, и радость. Сколько трудов вложено!

Черных. Да это же не выход из положения — десяток гектаров!

Настя. Канал строить? С кем? Кабы вы, да я, да все в одно думали! Не пришли вы на час раньше — послушали бы, какой тут крик был.

Иван Гаврилыч. Ня-ан чего крик? Не пугай лишний на людей. Они ж тебе сказали — от водохозяйной работы не отказываются.

Настя (не слушая его). Эх, надоело мне здесь! Если б из возраста не вышла, поехала бы учиться в Тимирязевку, как Маринка Корнеева. Ни мужа, ни детей — что меня тут держит?

Черных. Надоело? Тебе? Странно слышать...

Настя. А потом куда-нибудь на опытную станцию пошла бы. Там дело государственное: зарплата, приказ. А у нас в колхозе все «по силе возможности»!

Из-за кулис голос: «Готово, можно ехать!»

Настя. Сейчас иду! Поливать мы все же будем! (Оглядывается.) Прокопыч! Чего ж ты расселся? Ступай во вторую бригаду, давай еще бочек и людей! Да скорее, ночь проходит!

Шавров. Иду, иду! (Встает.) Ох, укроют меня там бабы мокрым рядом!.. Прощай покуда, Черных! Увидимся еще?

Черных. Увидимся.

Настя. Что ж вы так долго домой неехали? Где скитались? Сказали — домой... Куда вы пойдете?

Черных (ни Ивана Гаврилыча). Пока к нему.

Наталия (тихо). А дед сам у людей живет...

Настя. Да, большое несчастье вас постигло, Василий Павлович! Приходили после войны фронтовики из вашего Ракитного — все разбрелись по другим колхозам. А кого нынче минуло горе? Ну, до свиданья! Поступайте работать куда-нибудь в нашем районе да приезжайте к нам в гости.

Черных. Приеду. До свидания!.. Изменилась ты.

Настя. Постарела?

Черных. Нет...

Женщины и Шавров уходят. На сцене остаются Черных и Иван Гаврилыч.

Иван Гаврилыч. Высказала! В колхозе неладно — на опытную станцию надо уходить. Загордилась баба что ли? Большую силу забрала тут! Ей для ее гектаров канал не нужен. Своя цель — Героя добивается.

Черных. Героя-то она заслужила! Еще за старое. (Садится к костру. Заметно посветлело, близится утро.) Кто у вас сейчас секретарем райкома? На работу приехал, дед, не в гости. Может, дадут другой колхоз?

Иван Гаврилыч. Дадут! Тебе какую хошь должность дадут! Секретарь у нас новый, Тимошин Денис Григорьевич. Мужик, вроде, с понятием.

Черных (смотрит на старика). Один остался... Тут где-то на Ракитное дорога поворачивала. Вон за тем бугром...

Иван Гаврилыч. Была. Запахали нынче. Никто не ездит туда.

Черных. Ну, рассказывай, как было.

Иван Гаврилыч (долго молчит). Давно было, забылется уже... Как сон тяжелый было, Вася, — фашисты ходили по нашей земле!.. Три раза казнили они людей у нас за помощь партизанам. А последний раз твоя соседка Степанида Горева отравила ихнего офицера. За сына. Сын ее в плену был, убили его. Вот тогда вышел приказ от ихнего командующего уничтожить всех. Приехали каратели на машинах. Что было, как было — никто тебе не расскажет... Гоняли отсюда людей в Ракитное трупы убирать. На то место, где было Ракитное. И сады сналили, обжигали деревни чем-то горючим...

Черных. Ты как спасся?

Иван Гаврилыч. Ходил с донесением в лес, к партизанам. Дома меня не было, Вася... А твоих — не тогда.

Черных. Мои уезжали, поезд разбомбило, знаю...

Иван Гаврилыч. Сыночка твой малой был. Чуть бы постарше — может, вместе бы восстал...

Большая пауза.

Черных. Как сон, говоришь, было? Нет, не сон...
Надо, дед, большое что-то сделать всем нам на нашей
земле, чтоб не повторилось такое никогда!..

На стень налетает дождевой порывистый ветер. Блещула молния,
слышен гром.

Иван Гаврилыч. А дождик-таки соберется! Зря
в панику ударились.

Падают крупные капли дождя. Уже почти светло.

Иван Гаврилыч. Переждем здесь, домой нам да-
леко. *(Идут под ракиты, Черных достает из чемодана
плащ.)* Так, так! Данай гуле! Ради этаккой благодати и
промокнуть не беда.

К ракитам бегут женщины: Настя, Наталья и другие.

Наталья. Пустиге и нас под крышу. Боюсь грозы!
Настя *(к Черных)*. Принес и дождика нам принес-
ли... Теперь каждая былинки и поле порадуетея. *(Срывает
пучок травы, поглаживает мокрые листья.)*

Черных. Любишь ты былинки...

Настя. Они как живые, только что не скажут, не по-
жалуются на свою беду. Всю весну сушь мучила их.
(Брызжет мокрой травой в лицо женщинам.)

Наталья. Не балуй! И так промокли до костей.

Настя. Скоро солнышко взойдет, обсушит.

Женщина. Конец недрамн поливать! Приду домой,
как завалюсь спать! Отоспалюсь за все дни-ночи.

Дождь утихает. На постое в прорези туч горит зоря.

Настя. Пошел дождик дамыне, к соседям.

Иван Гаврилыч. Пусть и там польет, всюду ну-
жен он... Вот они, милашоны, с неба падают! Сто сот стоит
в эту пору дождь!

Женщина. Ойблал! Ветер какой холодный!

Вторая женщина. Давно ли от жары страдали?

Наталья. Свежо! *(Запевает.)* «Взойди, взойди,
солнце красное, освети поля широкие!..»

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ВТОРАЯ

Хата Нasti Колосовой. Сцена перегороджена, видны две комнаты; горница и прихожая. По обстановке сразу не разберешь — не то обычная жилая хата, не то канцелярия, не то агролаборатория. В горнице в углу письменный стол, поставленный так, что сидящий за ним обращен лицом к двери. На одном из полокочников среди мешочков, ящичков с семенами и образцами грунта, лабораторных весов, воронок, колб телефон. На стенах в прихожей и горнице снопы, образцы урожая, фотографии, полки с книгами, диаграммы, монтажи, побывавшие в свое время где-то на выставках. На всех крупные, бросающиеся в глаза надписи: «Мастер высоких урожаев Анастасия Колосова», «Наука и стахановский труд», «Достижения Анастасии Колосовой — всем колхозам!», «Лучшие стахановцы социалистического земледелия». На диаграммах разные даты: 1939 год, 1940, 1945, 1946. У стены, разделяющей прихожую с горницей, — диван, тумбочка с графином и столик Любы — секретаря.

Между первым и вторым действием прошло три месяца. Колосова собрала высокий урожай, позволяющий ей надеяться на получение звания Героя Социалистического Труда.

Воскресенье. Утро. Люба разбирает в горнице за письменным столом почту. В окно заглядывают девушки.

Девушка. Трудится... Люба, идем гулять с нами!

Люба. Да, гулять... Видите, сколько писем накопились? Сейчас с Настасией Пикитиной будем ответы писать.

Девушка. Ну, работай! А нам сегодня — отдыхать! Уборку кончили.

Девушки отходят от окна. Вдали заиграл баян. Люба, вздохнув, принимается за письма. Со двора входит Настя.

Настя. Опять гора писем! (Садится за стол.) Нехорошо так долго не отвечать: люди ждут... А что делать? С поля придеешь — и постирать надо, и чего-нибудь горячего съесть, устанешь, спать хочется...

Люба. Я тут сама написала на опытную станцию. Вот, посмотрите, так ли? Большой вопросник прислали. Обо всех сортах, какие вы у них брали, запрашивают: какой дали урожай по сравнению с вашими? И спрашивают: какие работы проводились, сколько раз пололи, подкармливали, когда, чем? И из ваших рабочих дневников выбрала.

Н а с т я. Хорошо, проверю... Ну, ничего, скоро осень придет, будем вечерами сидеть, отвечать... Пишут, пишут... Из Белоруссии... Из Саратовской области... Это что? Не по-русски написано. Па! *(Распечатаывает конверты.)* Статью в «Соцземледелие» послала?

Л ю б а. Послала. Это из Болгарии, тетя Настя, я уже разобрала. Одна вдова пишет, что у них в деревне поделили помещичью землю и тридцать хозяйев организовали кооператив по обработке земли. Читала о наших урожаях в журналах и слушала по радио. Спрашивает... Ну, тут она много вопросов задает нам... У них буквы, как русские, и слов много схожих.

Н а с т я. Надо помочь болгаркам... А кем она там? Председателем?

Л ю б а. Бригадиром. У них три женщины бригадирами.

Н а с т я. То — дело! Понимаете вы, что у нас так говорят: где баба бригадир, там мужикам и покурить некогда.

Л ю б а *(разбирая письма)*. Вот еще у нас статья просят. В журнал.

Н а с т я. Еще статью? Да когда же мне их писать?

Л ю б а. Как станете Героем — еще больше будут вас тревожить.

Н а с т я. Сама того боюсь.

Л ю б а. А все же от заслуженного не откажетесь? *(Настя усмехается.)* Ваши акты по обмолоченным культурам сам счетовод отвез позавчера в район. В двух экземплярах, как положено. Один в Москву пошлют... А Федосья Голубова опять пришла в правление с Шавровым из-за вас. Недостойна она, говорит, награды. Отвернулась от нас, о колхозе не болает. Странно даже в хату к ней зайти, секретаршу завела это про меня.

Н а с т я. Завела, да. Не из ее кармана плачу, от своих трудодней отчисляю. А кто же мне будет помогать? *(Указывает на кучу писем.)* Хотела бы я посмотреть, какой бы она была на моем месте!

Л ю б а. Вот приглашительные билеты вам. «Анастасии Никитичне Колосовой, члену комитета по проведению юбилея Сельскохозяйственного института имени Докучаева...» На шестнадцатое приглашают, на расширенное заседание комитета. «Члену жюри областного смотра ху-

дожественной самодеятельности...» Тоже шестнадцатого, в помещении драмтеатра. Смотр самодеятельности. Эх, я бы поехала за вас!.. «Знатному мастеру урожая А. Н. Колосовой». Гостевой билет на открытие выставки местпрома. Ну, это такое, можно и не ехать... Из облсовета, на сессию, семнадцатого, к десяти часам, явка обязательна... Еще вот: «Члену шефского совета областных пионерских лагерей...»

Настя. Сразу — в десять мест? Да что же мне — разорваться? А дома кто за меня работать будет? Или они хотят, чтоб я больше не пахала и не сеяла?..

В прихожую входят Степан Агеев, при всех медалях, под хмельком, Алёна и, приезжий по виду, мужчина с чемоданом.

Алёна. И чего вы приперлись спозаранку? Женщина всю неделю в поле работала, отдохнуть бы надо в воскресенье, а вас тут носит нелегкая. *(Видит чужого мужчину.)* Ах, это не наш!

Мужчина. Приезжий я. Из Куйбышевской области.

Алёна. Извинись. *(К Степану.)* А ты чего пришел? Не в один раз уж было тебе сказано: понапрасну сюда не ходить.

Степан. Не твое дело. Ты то что шныряешь тут?

Алёна. Солон хотела маленько заглянуть у соседки. *(Идет к Насте.)* Здравствуй, Никитишна! Займи соли до завтра. Огурцы солю, а в лавку неохота бежать. *(Настя вынимает Алёне в горшочек соли.)* Там к тебе человек пришел. Какой-то приезжий, издадека.

Настя. Люба! Узнай, кто такой.

Люба и Алёна выходят в прихожую, Настя садится опять за стол, разбирает письма.

Люба. Здравствуйте! Вы к Настасье Никитишне?

Мужчина. К ней, да. Здравствуйте! Привет вам от колхозников Куйбышевской области. Я Сергей Петров Живот из колхоза «Верный путь», животновод. Был в соседнем районе у нашего Героя, животновода Кравченко — мы с ним соревнуемся — да решил по пути и к Анастасии Колосовой заглянуть, чтоб уж рассказать дома колхозникам и про нее, какие она тут урожай выращивает.

Люба а. Садитесь, товарищ Жуков, подождите немножко. Настасья Никитишна сейчас выйдет, почту разбирает.

Алена. И я посижу, отдохну. Дома все работа да работа. Плакаты вот почитаю, журналы. Может, и я стану такая грамотная да разумная, что делегации ко мне будут приезжать.

Люба, поговорив с гостями и доложив Насте о них, садится за маленький столик у двери в горницу, перебирает кучку бумаг, потом достает сильно потрепанную книгу и погружается в чтение. Степан заходит к Насте.

Степан. Привет начальству!

Настя. Здравствуй!

Степан. С чего начинать?

Настя. А не знаю, по каким делам пришел. Начиная с главного, только покороче. Меня там люди ждут.

Степан. Куда спешить? Может, мне желательно все двадцать четыре часа просидеть вот так с тобой?.. Эх, Настя! Когда тебя можно застать одну? И в поле ты с людьми, и тут — дела!

Настя. Ты, кажется, выпил? Может, в другой раз придешь?

Степан. И в другой раз выпью!.. Настя! Ты говорила: остепенись, поступай на работу. Знаешь, какую рабобенку отхватил?

Настя. Слышала. Что-то вроде утильсырья?

Степан. Какое утильсырье! Вот — документы. Посмотри. Уполномоченный областной конторы «Автодизель-снабсбыт». По заготовке фуражных кормов и пищепродуктов. На пять районов.

Настя. О-о!..

Степан. Снабсбыт! Пищела?.. У них на складах только птичьего молока нет. Можно по частям «Победу» собрать. Себе бы взял — автоинспекция не даст паспорт. А тебе дадут. Ты Героем будешь, тебе по районам надо ездить, выступать... Эх, Настя! Счастья своего не понимаешь. Да я бы для тебя — все! Из-под земли бы достал!

Настя. Ты знал моего мужа?

Степан. Дмитрия Романыча? Как же!

Настя. Дмитрия Романыча...

Степан. Беспокойный был мужчина. Вроде меня.

Настя. А, помолчи! Знаешь ты!.. У него — от другого. Может, ему хотелось Дворец советов в Москве строить? Рубаху бывало рвет на себе: «Почему меня, Настенька, не учили?» Лучший мастер был на весь район. Какие мельницы делал! А как семь дворов у нас сгорело — кто за месяц новые дома людям построил? Ненасытные руки! Все мало работы было ему. Тебе этого не понять... И зачем я это тебе все рассказываю?..

Степан. Верно! Неприлично рассказывать о первом муже человеку, который в тебя влюбленный.

Настя. Что? Влюбленный?.. (Смеется невесело.) Счастья, говоришь, своего не понимаю? Было такое счастье у Кати Солодовой, трактористки. До войны еще, помнишь? Подписывал записки: «Муж знатной стахановки-орденоноски Катерины Солодовой — Ефим Кравцов». А записки все — в кооперацию. То отрез ему на костюм оставьте, то вина — в кредит...

Степан. Ошибешься, Настя! Такими женихами нынче бабы не пренебрегают.

Настя. «Нынче»!.. А что за время — нынче? Недостаток мужчин что ли? Так ты бы еще приложил к этим документам нынцеску из посемейной книги: сколько у нас в селе мужчин, сколько женщин, заверенную, с печатью. Согласно данной справке, на безрыбье, мол...

Степан. Это что на безрыбье? Ну, знаешь!.. За меня любая девушка пойдет.

Настя. Вот и иди себе девушку! Ты моложе меня на семь лет... Слава моя нужна тебе, а не я.

Степан. Настя! Всю Европу прошел, будет что детинкам рассказать. Берлин брал!

Настя. Берлин взял, а меня не возьмешь. (Встает.)

И приложую входит Савелий Маркович, немного погодя на пороге появляются Тимошин, Черных и с ними присхавший из Москвы композитор Голышев, красивый пожилой мужчина, седой, с двумя лауреатскими медалями.

Савелий Маркович. Здравствуйте! (Подходит к Любе, неодобрительно оглядывает ее столик.) Чего усе- лага понерек дегри? Охраняешь? Можно к ней? (Люба, не отрываясь от книги, делает знак рукой: «проходите».)

Савелий Маркович входит в горницу.) Здравствуй, Никитишна! (Садится у стола.)

Степан (встает). Окончательно?

Настя. Окончательно. (Провожает Степана к выходу.)

Степан. Кого же ты ждешь, Настя? Года проходят.

Настя. Никого... А может быть, и жду. Не такого, как ты, Степа, не прими в обиду. Прощай!

Степан выходит, Настя возвращается к столу. Люба, увлеченная книгой, не замечает Тимошина, Черных и Голышева, продолжающих на пороге разговор, начатый по пути, но не входящих в хату.

Савелий Маркович. Никитишна! С жалобой к тебе пришел. Ты наш знатный человек, тебя Шавров боится, должна нагнеть на него. Ни гроша не даст на обработку сада! Культиваторов нету, химикаты не закупили, опрыскивателей нету. Как можно доход от сада требовать, а расхода не делать? Это же только дикарь думает, что дерево само растет! Не обес, мол, не ишенида, не нужно пахать-сеять! Вот и сам составила смету, чего нужно в обязательном порядке купить для сада. Посмотри. Надо заставить его, толстосума, раскошиться!

Подает бумагу, Настя читает ее. В прихожую входят Тимошин, Черных и Голышев.

Голышев. Вот я и в деревне! Родные края. Я же сам — крестьянин. Что за жизнь на дачах? Там лишь сосны да травка зеленая. А тут, может быть, не так красиво, степь голая, но люди какие!

Тимошин. Люди, Андрей Ефимович! Живая жизнь! (К колхозникам.) Это все — к Настасье Никитишне?

Мужчина. Приезжий и. Из Куйбышевской области.

Тимошин. А-а! Ну, познакомимся. Я секретарь райкома. Это (на Черных) наш директор МТС. А это композитор Андрей Ефимович Голышев.

Люба толкает Любу.

Люба (вскрикивает). Здравствуйте!.. Вы к Настасье Никитишне? Сейчас позову.

Тимошин. Если занята — подождем. Сиди, сиди, не волнуйся!

Степан (подходит). Товарищ секретарь!.. Товарищ Черных!.. Здравствуйте!

Тимошин. Все гуляешь?

Степан. Извиняюсь, товарищ секретарь! Я уже при должности.

Тимошин. Что за должность?

Степан. А вот посмотрите документы.

Алена (к колхозникам, тихо). Композитор приехал. Таких еще не было у Нasti. Писатели были, художники были, киносъемщики были...

Тимошин (возвращая Степану документы). Важная должность...

Степан. Денис Григорьевич! У вас на «газике» покрышки не годятся, видел, на чем ездите. Хотите, достану комплект новеньких?

Тимошин. Ну-ка, покажи свои медали! За что получил? Медали носить не забываешь...

Голышев. Итак, я в доме у знаменитой Анастасии Колосовой. (Оглядывается.) Помнится, она впервые прогремела своими урожаями в те годы, как и Мария Демченко?

Черных. Немного позже. (Указывает на диаграммы и монтажи на стенах.) Вот — ее урожай. За все годы.

Голышев. А, интересно, интересно! (Подходит к диаграммам.) Новому человеку эти цифры, может быть, ничего не скажут, а мне скажут многое. Я мужик, я помню старую деревню, помню, что нам давали соха и трехполка.

Черных и Голышев рассматривают монтажи. Тимошин, оставив Степана, разговаривает с приезжим колхозником. Настя, прочитав бумагу, возвращает ее Савелию Марковичу.

Савелий Маркович. Не единым, говорю, хлебом жив человек. Небось, сам Шавров с похмелья как-то ко мне живнуку из мочеными яблоками прислал.

Настя, прислушиваясь к голосам в прихожей, убирает письма в стол. Тимошин подошел к Черных и Голышеву.

Черных. Тут у нас целый музей. Как она это все сберегла? Вечным передовником стала.

Тимошин. Как говоришь? Бечный передовик, да... Других, значит, не подпускает к себе близко? Выходит — так...

Настя. Хорошо, Савелий Маркович. И тоже за культурный сад. Приходите вечером на заседание правления, разберем этот вопрос.

Савелий Маркович. Он меня насмех поднимает. «Тебе, говорит, нельзя садоводство доверить, ты испорченный, посадил лимоны под открытым небом, а они померзли». — «Ну, что ж, гонорю, каждый по своей линии с ума сходит. Где я посадил? У себя во дворе. Мой опыт — мой убыток». (Видит, что Настя сидит его невнимательно.) Ну, ладно, приду и правление. До свидания! Извини, что побеспокоил!

Настя. До свидания!

Савелий Маркович. (на пороге). Либо замуж баба собралась да женихи на уме, либо, кроме своих рекордов, знать ничего не хочет. (Выходит и приходит.)

Немного погодя, уложив все бумаги в стол, за ним выходит и Настя.

Настя. Ох!.. И Денис Григорьевич здесь! И Василий Павлович! Здравствуйте! Что ж ты не сказала, Люба?

Тимошин. Здравствуй! Подкачала твоя секретарша. Нет, мы сами не пустили ее с докладом. Ничего, ничего! Познакомьтесь! Композитор Андрей Ефимович Голышев.

Голышев. Очень рад. Анастасия Никитишна, приветствовать вас в вашем доме. Между прочим, мы знакомы. Помните, нас познакомили и Академии сельскохозяйственных наук, когда мы выступали там с рассказом о ваших рекордных урожаях? И тогда же решили обязательно приехать к вам.

Настя. Помню, помню! Не я одна знаю вас, Андрей Ефимыч. У нас колхозники ваши песни поют. Алена! Как это: «На лужку у реки»?

Алена. «Летним вечером на лужку у реки парень с девушкой повстречались»...

Голышев. Песни... Эх, Настасья Никитишна! Я уж два года не пишу песен.

Настя. Почему?

Г о л ы ш е в. Заседания, комитеты, доклады... Вот вырвался, наконец! И то как вырвался! Заболел — сердце. Семь врачей в один голос сказали: «Немедленно отдыхать!» Путевка в Магесту в кармане, на два месяца. А я плаюнул на все. Дачи, санатории — все не то! Лучше проживу эти два месяца в деревне, вот с вами, с вашими стахановцами. Оперу о вас напишу.

М у ж ч и н а (к Савелию Марковичу). Папаша! Пойдем, проведешь меня по вашему колхозу. Фермы посмотрим, в правление зайдем. А сюда позже приду. Хозяйка занята.

Т и м о ш и н. Да мы не надолго, сейчас поедем.

Приезжий колхозник, Савелий Маркович и Алена уходят.

Андрей Ефимович останется, а мы поедем на канал. (К Голышеву.) А может быть, и вы хотите с нами? Покажем вам нашу стройку, а на обратном пути завезем сюда.

Н а с т я. На канал?

Ч е р н ы х. Под Березняки. Там уже работают. Все-таки начали, Настасья Никитишна.

Т и м о ш и н. Его идея, ему и поручили шефствовать над стройкой. У него — вся техника.

Н а с т я. Ну, в добрый час! Начать — да не через десять лет кончить!

Т и м о ш и н. От нас зависит, когда кончить... Десять — много. В два года рассчитываем дать воду всем колхозам вашей МТС.

Ч е р н ы х. А ваш колхоз плохо работает на канале, Настасья Никитишна. Там и живой силой надо помочь. Вам же отмерили участок! Упустите сухую погоду — осенью в дожди придется копать.

Н а с т я. Я за колхоз не отвечаю. Шаврова спрашивайте.

Т и м о ш и н. И Шаврова спросим. А ты сама-то выходила со своими девчатами?

Н а с т я. Нет еще.

Т и м о ш и н. Ясно. Пример подаешь?

Н а с т я. Все я да я! Пусть еще кто-нибудь подаст пример. Я думала, — вы с чем хорошим приехали, а вы шумите на меня... Может, закусите с дороги, Денис Григорьевич? Я живо соберу.

Тимошин. Нет, не надо, мы недавно завтракали.

Настя. Ну, хоть зайдите в горницу!

Тимошин. В твой кабинет?

Заходят в горницу. Голышев садится у стола, Черных присаживается на подоконник, Тимошин прохаживается по обеим комнатам. Степан стоит у двери.

Голышев. Каналы, тракторы, безбрежные поля... Я родом из деревни Голыши. Одно название то каково! В избах топили по-черному. Знаете как? Печь без дымохода. Пока топится — дверь настежь, дым валит из всех щелей, будто пожар... Нет, нет, вы не представляете себе, как это замечательно все, что мы делаем здесь!

Тимошин (с теплой усмешкой). Немножко представляем, Андрей Ефимыч.

Голышев. Нет, вы не смейтесь. У вас это все на глазах, каждый день, примелькалось... То, что творит народ, словами не опишешь. Тут нужна именно музыка... Вот она (на Настю) — героиня нашего времени!

Настя. Так вы по каким делам к нам приехали, Андрей Ефимыч?

Голышев. Вы меня растрогали. Вы посте мои песни и даже помните, кто их сочинил. Народ меня знает. А я-то, в каком я долгу перед народом!.. Слушайте, я же не композитор! Если так будет продолжаться — я конченный человек. Два года не писал! Я член четырех юбилейных комитетов, редактор радиоальманаха, я принимаю все музыкальные спектакли, я член художественного совета двух театров. И почему так насаждают на одного человека? Я прослушиваю, заседаю, чествую, выступаю. Когда мне писать?

Пауза. Черных, переглянувшись с Тимошиным, раздраженно кашляет.

Черных. Здесь, кажется, есть наши друзья по несчастью.

Голышев. Кто? Вы?

Черных. Нет, пока...

Настя выдвигает ящик стола, достает свои пригласительные билеты и молча раскладывает их, как колоду карт, перед Голышевым.

Голышев. Что это? А-а... (Читает.) «Члену юбилейного комитета Анастасии Никитишне Колосовой...»

Так... «Члену жюри областного смотра...» Пойдите, что это такое? Это все — вам? Да когда же вам успеть?

Тимошин смеется, Настя горько усмехается.

Настя. Как написали обо мне во всех газетах, давно еще, до войны, так и началось. Сколько меня по банкетам новознали! Чем больше хорошего наговорят обо мне на банкете, тем страшнее ночью сны снятся: а вдруг в будущем году провалюсь с урожаем? Куда только ни выбирали! Даже почетным пожарником в районе выбрали меня. В военное время не так допекали, не до того было. А теперь — опять.

Голышев. Так, так... Я что-то начинаю соображать. (Заглядывает в выдвинутый ящик стола.) Ого! Это столько писем? А скажите, наш брат вот — писатели, художники — сильно докучают вам?

Настя. Честно сказать, Андрей Ефимыч? Не обидитесь? Докучают. Все к нам да к нам едут. Вот как вы говорите: насадят на одного человека. Один за другим едут.

Черных. По проторенной дорожке. Это же легче, чем искать новых интересных людей.

Настя. В прошлом году все лето кинооператоры у нас были. Тут дожди идут, сорняк растет, полоть надо, а они — а ты повернись, и вот. По десять раз в день передевайшь в разные платья. Так завертели меня, что из-за моего недуга подвектора свеклы лучшего сорта, который мы сами выводили тут, долгоносик чуть не съел.

Голышев. Как же мне быть?

Настя. Ничего, оставайтесь, живите. Вы-то время выбрали удачно: у нас полевые работы уже к концу подошли.

Пауза.

Тимошин. Это тебе, Настя, за то, что ты, как вот товарищ Черных говорит, стала вечным передовиком.

Настя. Не понимаю... Плохо это? Осадить надо надо?

Тимошин. Нет, не осадить. Подумай — поймешь... О многом тебе надо подумать крепко. (Оглядывает прихожую «присматривая».) Давно я был у тебя последний раз?

Настя. Когда ж вы заезжали?.. Погодите, припомню... Да, перед уборкой.

Тимошин. Этого (указывает на графин с водой, столик Любы) у тебя тогда еще не было. (К Любе.) А звоночка у вас нет такого? (Показывает, нажимает пальцем в стол, делает страшное лицо.) «А подать сюда Ляпкина-Тяпкина!»

Люба. Нету... Нужно провести?

Тимошин. Не нужно... Чем зачитались? (Перелистывает книгу.) «Спартак». Хорошая книга.

На улице шумит подъехавшая автомашина.

Тимошин (выглянув в окно, шоферу.) Заправился, Петя? Не глуши мотор, сейчас поедем.

Настя. Уезжаете? Не хотите погостить у меня? Да хоть бы сказали мне что-нибудь! Как же так: здравствуй — прощай? Мои денчата спросят: «Чего секретарь райкома приезжал?» — а я и не знаю. Мы свое обещание выполнили, Денис Григорьевич, дали урожай. Теперь за вами слово.

Степан. Эх! Золотую Звездочку ей — вот сюда!

Тимошин. Эх, кабы вас, таких, меньше возле нее вертелось!.. За урожай спасибо, Настасья Никитишна! Поработали крепко, молодцы!.. Мы шли сюда с вашим садовником, Савелием Марковичем, разговаривали по дороге. У него, кажется, интересные опыты с цитрусовыми, а?

Настя. Что там интересного! Таким способом хочет акклиматизировать южные деревья, от которого Мишурин еще в молодости отказался.

Тимошин. Так надо же помочь ему, чтобы не впустую работал! Ты больше читала о Мишурине, чем он. Возраст у старика уже не тот, чтоб бесплодно терять годы... Нехорошо! В одном колхозе живете, одно дело делаете. (К Голышеву.) Эту героиню нашего времени, Андрей Ефимыч, надо кой за что поругать.

Голышев. Не знаю, не знаю... Вижу — какие-то семейные споры застал.

Тимошин. Да, да! Именно — семейные.

Голышев. Мне лучше уехать, да?

Тимошин. Нет, мы вас из нашего района не выпустим! У нас много колхозов, и люди всюду замечательные. Вот, поедете с нами, посмотрите. Понравится так, что еще на два месяца возьмете путевку в Магесту. Напишете чудесную оперу о наших людях. А если бы вам посоветовал оставить в покое. Хватит ей пока славы! Мы-то ее в покое не оставим, но это уж по другой линии. Из другой оперы, как говорится.

Голышев. Простите, Настасья Инкитишна, покину вас. Очень вы мне понравились, там еще, в академии, но...

Настя. Да что ж вы так уезжаете? Люба, скажи шоферу, пусть загонит машину во двор.

Тимошин. Нет, поедем... Будет у нас большой разговор, Настя. Не здесь. (Оглядывает прихожую, усмехается. Берет столик Любы, отодвигает его в сторону, освобождая проход в горницу во всю ширину двери.) Вот так лучше... Приезжай завтра ко мне в район. И Федосье Голубовой передай, чтоб приехала. Да! Девчата у вас тут есть, комсомолки, Фрося Любченко и Дуня Батракова — пусть приедут тоже. (Щелкает пальцем по графину.) Точно такой, как у нас в райкоме! (Смеется.)

Настя смущена. Она не понимает причины смеха и почему Тимошин уезжает, ни о чем не поговорив с ней, зачем вызывает ее и других женщин в райком.

Тимошин. До свиданья! (Голышев и Черных прощаются с Настей.) Агеев! А ты не хочешь проехаться с нами по полям? Эх, плечи богатырские, зря пропадают! На канале бы тебе поработать, а? Там свежим ветерком живо хмель продует. Да, ведь ты сапер! Нам нужны будут подрывники. Как, Василий Павлович? Должности, Агеев, считай, у тебя уже нет. Завтра же наш уполномоченный Министерства заготовок отберет у тебя твои мандаты. (Тянет Степана к выходу.) Поедем! (К Насте.) Так завтра жду тебя в райкоме.

Настя и Люба провожают уезжающих к двери. Люба уходит за ними на улицу, Настя возвращается в опустевшую комнату.

Настя. Все ушли... Вечный передовик. Смеется надо мною... В чем же моя вина?

В кабинете Тимошина в райкоме сидят: он, председатель райисполкома Силкин и Черных. Солнечное утро. Сильный ветер хлопает раскрытыми створками окон. Районный центр — небольшое село при железной дороге. За окнами и застекленной дверью — открытая летняя веранда, в перспективе — двор, армейский газик — «козел» — у гаража, деревья, за ними — степь. А в степи уже голо: побуревшее жнивье да вдали кое-где высокие скирды соломы на токах.

Тимошин (*притворяет распахнувшееся окно*). Разбушевался с утра. Опять буря поднимается.

Силкин. Насчет осенних петров у стариков такая примета: если на третий день не утихнут — девять дней будет дуть, на девятый не утихнет — восемнадцать.

Тимошин. В восемнадцать не уложится — тридцать шесть? Ну тебя, с твоими приметами! (*Прохаживается по комнате, продолжает прерванный ветром разговор.*) Прозевали, прозевали... Потерять такого человека!.. Бить нас нужно, Лука Демьяныч!

Черных. Мы с товарищем Силкиным ее давно знаем. Ведь хорошая женщина была. Простая, умная.

Силкин (*крутит, задумавшись, шнур телефона*). Ум от нее и сейчас не ушел...

Тимошин. Не крути шнур... Умна, ничего не скажешь. (*Берет со стола письмо, к Черных.*) Вот — о чем я тебе говорил. Женщины из их колхоза прислали нам письмо. Протестуют против представления ее к званию Героя Социалистического Труда. Слушай. (*Читает, пропустив начало.*) «Было время, когда мы согласны были все ей уступить. Дают колхозу удобрения, а что с ними делать, по скольку чего в землю сыпать, как тот анализ сделать, чтоб определить — не знаем. Даже рады были, что нашлась такая дура, что добровольно соглашается возиться с ними. А нынче и нас советская власть образовала... Мы Колосову не хулим, она нам дорогу пробивала, большой труд приняла она на себя. За это — честь и хвала! Но зачем же она заняла эту дорогу во всю ширину, а других не допускает?.. В этом году она уже без стеснения стала всем колхозом командовать. Вредители напали на посевы — опять же из всех бригад отрывали людей ей на помощь. Будто у нас всех только и заботы, чтобы Настя свои обязательства выполнила. А мы тоже обещание товарищу

Сталину давали вырастить высокий урожай — за весь колхоз, не за одно звено... Если получит она такую большую награду — от этого пользы делу не будет, это уже не показательно, а другим людям даже обидно. Нам таких условий не давали, как ей... Это не хитро — на маленьком участке урожай собрать. Стоять над каждым стебельком с зонтиком, чтоб ему не искло, не дуло. Если она мастер урожая — пусть покажет, как на всех полях его добить-ся...» Вот...

Черных (перелистывая письмо). Толковое письмо... Кто подписал?

Тимошин. Федосья Голубова, Батракова Евдокия и Фрося Любченко.

Черных (перечитывает). «Было время, когда мы согласны были все ей уступить...», «А нынче и нас советская власть образовала...»

Тимошин. Видимо, Голубова — организатор. Она бригадир, кандидат партии. Вот в конце ее приписка: «Товарищ Тимошин! Когда вы будете меня в члены партии принимать, вы же меня спросите и за Настю, и за колхоз, как ты готовилась коммунисткой быть, чем ты колхозу помогала, и что я вам отвечу, если наш колхоз не в гору, а вниз пойдет?» Почему мы, Лука Демьяныч, раньше не заметили, что с Настей происходит? Ее рекорды превратились уже в социаль.

Силакин. С нею ли только?.. Я вчера был в Большой Михайловке. Там двое звеньевых из другой бригады ночью суперфосфат на свои делянки перетащили. Это уж, по-моему, не то «соревнование»... Волов, инвентарь поделили по звеньям... А Шавров? Вот еще штука! Только о том и думает, как бы кого-нибудь обжечь в пользу колхоза. Не в свою лично — в пользу колхоза. Но колхоз-то один, не государство целое? Чему он там людей научит?

Тимошин. Завтра полгода, как я приехал сюда. В районе — восемьдесят шесть колхозов. По три дня в каждом пожить — сколько получается? Я больше сидел в самых отстающих.

Черных. Что же решасте о Насте?

Тимошин. Посмотри колхозный отчет об урожайности. Колхоз деньгами богат от всяких побочных дохо-

дов, а плана урожайности не выполнил. Мы, правда, установили им повышенный план. Учли, что колхоз крепкий, председатель старый, опытный. И Настя Колосова — у них! Есть с кого спросить!

Пауза.

Силкин. Я расскажу тебе, Денис Григорьевич, как это с нею получилось. Мы сами к зазнайству ее толкали... Ты — горячая душа, с тобой работать приятно. Вот с твоим предшественником, Гушиным Петром Елисеевичем, ой, тяжело было нам!

Черных. Не так тяжело, как скучно. Он по бумажкам жил. Что предписано — кое-как делал, а что от себя добавить — ни шагу.

Тимошин. К чему вы завели речь о нем?

Силкин. Да не для того, чтоб тебе польстить — старого секретаря поругать, тебя похвалить... Говорун был, краснбай, а по делу — несерьезный человек. И в области к нему как-то странно относились: не любили его и не снимали. От хлебозаготовок до хлебозаготовок жил под страхом божьим, как говорится. Вызовут на бюро обкома с отчетом — строгий выговор, в другой раз — строгий с предупреждением, в третий — с последним предупреждением. Еще раз едет, думаем: ну, все, отслужил наш Елисееч! Нет, опять с выговора начинают. Район был средненький.

Тимошин. А ты что тут делал, советская власть?

Силкин. Я, Денис Григорьевич, в высшей партийной школе не учился, не посылали меня. Я, можно сказать, самородок.

Тимошин. Ишь ты!..

Силкин. Ну, не так выразился — самоучка. От па-стуха до председателя райисполкома дошел своим умом. На меня тоже каждый день телеграммы сыплются: то выполнить в срок, другое выполнить. А что главное? Насчет политики и мне надо помогать. Кто должен помогать? Секретарь райкома, первая голова в районе.

Тимошин. Да, да, бывает и на первую голову затмение находить!.. Так что — Гушин?

Силкин. Он стахановское движение так понял: нужно, дескать, и нам заводить свои стахановские звенья, чтоб

было чем похвалиться — есть, мол, в районе кино, футбольная команда, еще есть то-то и то-то, и знатных людей имеем полдюжины или сколько их там положено иметь. Оно-то никем ничего не положено, нормы тут нам не устанавливали, но знаешь же как...

Тимошин. Для витрины нужна была Настя?

Силкин. Вот именно! Когда прославилась у нас Колосова, он сразу сообразил, какая нам выгода от ее рекордов. Ведь ее вся страна узнала. В школах детишки по хрестоматии учили, кто такая Колосова и что она сделала. А откуда она родом? Где живет, работает? В нашем районе. Вот уже ему и отдушина! Все внимание стал ей уделять. Сверху раз похвалят, а он десять раз повторит, где надо и где не надо. Только и слышала она о себе слова: наша гордость, наша слава, вечная память, прямо — святыне моги из нее сделали... А, конечно, если только хвалить да хвалить за старое, а новых требований не предъявлять — живой человек испортиться может.

Входит Настя.

Настя. Можно?

Тимошин. Можно.

Настя здоровается со всеми за руку, садится у стола.

Тимошин (долго смотрит на нее). Эх, Настя, Настя!

Настя. Чего, Денис Григорьевич? Тридцать пять лет.

Тимошин. Еще молодая! Найдешь себе хорошего мужа.

Настя. О чем это вы речь завели?

Тимошин. Да нет, не сватать тебя будем, что ты!.. (Серьезно.) Плохи дела, Настасья Никитишна!

Настя. У кого?

Тимошин. У тебя.

Настя. У меня? По-моему — хороши... Да о чем говорите-то?

Тимошин. Об урожае. Вот прислали нам с товарищем Шакиным акты по твоему звену и по колхозу. Смотрим мы их, подсчитывали...

Настя. Ну?

Тимошин. Не можем представить тебя к званию Героя Социалистического Труда.

Настя. Дело ваше. Вам виднее... А почему?

Тимошин. Потому, что передовиков награждают при условии выполнения плана урожайности и целом по колхозу.

Настя. Наш колхоз план выполнил.

Тимошин. Среднерайонный.

Настя. А это и требуется.

Тимошин. Не мало ли для нас?

Силакин. С теми колхозами равняйтесь, где земан — пески да солончаки?

Настя. Не я равняюсь. Кто равняется, с того и спрашивают.

Тимошин. Это уж я слышала от тебя: «Я за колхоз не отвечаю».

Настя молчит. Тимошин знонит, и дробно жавкалывает помощник.

Тимошин. Позови Голубову. (К Насте.) Все приехал?

Настя. Все, кого звали.

Тимошин. Всех зови.

Входят Федосья Голубова, Фрося Любченко, Дуня.

Тимошин. Здравствуйте! Садитесь! Ближе, вот сюда... Расскажите нам, товарищ Голубова, и вы, девушки: почему ваш колхоз не выполнил план урожайности?

Пауза. Девушки переглядываются.

Дуня (к Фросе, тихо). Как бы не попало нам за наше письмо!..

Фрося (тихо). Не о письме спрашивают.

Тимошин. Ну, ну?

Фрося. Не выполняли...

Тимошин. А почему? Стихия? Засуха?

Фрося. Темного напортила засуха. С весны. А потом прошли дождики, хорошие.

Тимошин. Семсна, может быть, плохие были?

Дуня. Нет, хорошие.

Тимошин. Тракторы вам не пахали?

Фрося. Пахать-то пахали... Вот бригадира спросите, она вам все расскажет, что у нас делается.

Федосья. Ни засуха не виновата, Денис Григорьевич, ни семена. Сами плохо работали.

Силкин. Кто плохо работал?

Федосья. Да разве сразу назовешь?! У нас три бригады. Всякий народ есть.

Тимошин. Вот вы подвели свою знатную стахановку. Она заслужила звание Героя Социалистического Труда. А колхоз не выполнил плана урожайности. Не можем ее представить. Нехорошо получилось.

Федосья (глянув на Настю). Мы — подвели? Жалуетесь?.. (С жаром.) Ну, Денис Григорьевич, у нас в колхозе такое творится, что без пол-литра не разберешь, кто кого подвел!

Тимошин. Ругаетесь?

Дуня. Настасья Никитишна с нами не ругается. Она нас просто не замечает.

Федосья. На такую высоту поднялась, что прочие люди оттуда ей маленькими козявками показываются.

Силкин. Это ты, Федосья Андреевна, бунт против нее учинила несноно?

Федосья. Я. Как сказала она, что мои бабы способны только воду таскать на ее рекорды, я говорю им: «Бросайте! Пошли домой!»

Фрося. И мы говорили там разные слова. Не отказываемся, хоть судите нас! Не боимся!

Тимошин. Тш-ш!.. За что судить тебя, дочка?

Федосья. Не мы подвели ее — сама себя подвела. Примирилась, что рядом с нею другие хуже работают. Как пожом отрезано: это — Настин участок, а это — других, прочих. Даже называть стали так: то рекордный посев, а то, мол, хозяйственный... А еще я скажу — вот что у нас делается. На рекорды — все, а для нас Шавров лишний раз трактора и МТС не попросит. «Что? Еще и лушевку вам? Запрягайте лошадей». Где ж они, лошади, когда в ту пору все тягло на молотье занято? Боятся лишних это пудов натуроплаты хлебом заплатить, а тысячи пудов урожая теряем. И ей оно не болит.

Настя. Мне не болит? Это ты мне говоришь?

Федосья. Я.

Настя. Да как ты можешь! Товарищи! Вы же не знаете! Ведь эта самая Фенька Голубова, сколько она мне крови испортила! От нее ли слышу: «Не болит?...» Давно ли ты стала бригадиром? В военное время выдвинули... Когда я первый раз выступила на собрании: «Дайте, — говорю, — мне участок, покажу, на что способна наша земля!» — все смеялись надо мною, а она — хуже всех. Не говорила ты: «Крестьянское дело — не завод, тут про пуды нечего наперед загадывать, что уродит, то и соберешь?»

Федосья. Говорила... Двенадцать лет назад... Как думала, так и говорила.

Настя. Когда помет птичий собирала по дворам — не дразнила меня всякими дурацкими прозвищами? А когда ячмень бороновали? Никогда не забуду! Гнали меня с поля: «Не позволим хлеб губить!» И в колхоз вступила позже других, два года раздумывала.

Федосья. Значит, Настя, старое тревожить? Разное понятие у нас было. Ты раньше знала про колхоз, да. Ну что ж, гордись этим! И — позже. Но теперь я с этой дороги никуда не сверну! Знаешь, какой у меня был Фомич, покойник? Вот уж сколько раз решали с ним: вступим в колхоз! Как войдет он в конюшню, как станет отъезывать быков, чтоб вести на общий двор, да как заплачет над ними, как дите, — сердце разрывается. Не чужой ведь — муж. Думаешь: «А будь он неладен, ваш колхоз, как из-за него человек убивается!» Мы ж только перед коллективизацией тех быков нажили... Так же и агрономам не сразу поверила я. Век хлеб сеяли, с дедов, с прадедов, а они говорят: не так сеяли, вот так надо! А может, ты вредитель какой, что заставляешь явные весною скородить?.. Ты на курсах была, Настя, да и не раз, ты моложе меня, грамотнее. Ну, ладно, я — дура, виновата перед тобою! А вот — девица! Молодежь. Им ни богами, ни чертями голову не забивали. Покажи, поучи их и — сделают. Может, не так, как ты, а все же получше других... Только не учи их своевольничать по-твоему. А то как заведется и у меня, как в вашей бригаде!..

Силкин. А что у них завелось?

Федосья. Одна видимость осталась от бригады. Звеньевые, на них глядя, никому не подчиняются, каждая

лишь о своем хлопочет, кто в лес, кто по дрова. Бригадир ни во что поставили.

Настя. Я вас учила-учила, да и рукой махнула. Десять лет учила.

Федосья. Вот, слышите? Опять стародавнее вспоминает... Вспомнила бы ты, Настя, что недавно было! Не вместе ли с тобой мы колхоз из непла подняли? Мы, народ? Ты приехала с Урала, ужаснулась, что фашисты натворили! А нам какво было переживать, когда на наших глазах все горело, рушилось? Мы натерпелись здесь такого, что другим оно и во сне не привидится... Мне дай теперь простор, хочу для государства делать больше. Хочу нашу силу так укрепить, чтоб никогда больше никакой враг не пришел на нашу землю!..

Пауза.

Фрося (*простодушно*). А, может, вы, тетя Настенька, боитесь, что мы вас обгоним?

Настя. Вы?..

Тимошин. Не может Колосова этого бояться! Она советский человек, коммунизм строит. Знает, что для коммунизма одних ее рекордов мало.

Настя. Ну, ладно, пусть вы такими сознательными стали! А еще у нас сколько людей! (*И Тимошину и Силкину.*) С теми что делать? И за тех мне отвечать?

Силкин. Да. Тебе — за них отвечать, им — за тебя. А нам — за всех.

Настя. А по-моему, уже каждый показал себя достаточно, на что он способен.

Тимошин. Настя! Тяжелое это слово — бюрократ, да и не клеится оно как-то к тебе, труженице. Но ты оторвалась от народа.

Настя. Я бюрократка? Заработала!.. Мало терпела там, еще и от вас...

Тимошин. Десять лет учила! А как же? Будем учить, пока всех не научим. Для того и существуем.

Силкин. А верно, Настя, перестала ты замечать людей! Кому ты это говоришь: «Учила-учила?» Во-первых, эти девчата десять лет назад пешком под стол еще ходили. А во-вторых, они работают хорошо. Другие, может быть, подкачали, а эти — наша опора.

Тимошин. Да, да! Она этого не хочет видеть... Что у тебя дома делается? Не то музей, не то канцелярия. Контора мастера высоких урожаев. Знатный человек, Настя,— это не чин, не должность.

Настя. Канцелярия! А что же мне делать? Идут, едут, письма пишут. Во все газеты статьи пишут.

Тимошин (помолчав). Слишком резко бросается всем в глаза разница между твоими урожаями и средними, вот ты и на виду, и едут к тебе все.

Настя (встает). Ладно... Значит, не заслужила? Работала, здоровья не жалела... Ехать домой и так и сказать всем: «Не заслужила!» Пусть насмеются!

Силкин. Над чем же насмехаться?

Настя. Эх, товарищ Силкин, товарищ Тимошин! Не знаете вы всего, что делается у нас! Думаете, нет таких, что скажут: «Ну, что, наградили тебя за твое старание?» (Сдерживая слезы, идет к двери.)

Тимошин. Погоди! Не то говорить.

Черных (идет за ней). Настя!..

Настя уходит.

Силкин. Да-а...

Черных. Вернуть ее?

Тимошин. Не надо. Пусть у нее перекипит... Она, может быть, в этом кабинете впервые выслушала такое.

Федосья. Ох, уедет она на липейке, а нам пешком идти придется!

Тимошин. Посажайте... Надо бы нам с вами еще поговорить.

Федосья. А это она правильно сказала, Денис Григорыч: есть и такие людишки у нас, что помносятся над нею.

Тимошин. А письмо ваше? (Показывает письмо.)

Фрося. Наше. Мы писали. Дуня конверт клеила, я писала, тети Федосья подсказывала. А расписались все. Разве можем мы молчать, если в колхозе поторопились?

Федосья. Мы не худо ей желали, а добра. Может, теперь почувствует, что нельзя и других зажимать. Как бы нам хотелось, чтоб она могла попрежнему с чистой совестью от каждого человека требовать: «Почему ты не рабо-

таешь так, как я?» Да мы бы первые на ее Звездочку порадовались!

Черных. Чем же ее совесть замарана?

Фрося. Василий Павлович! Денис Григорьич! Мы с Дуней комсомолки, нам молодежь приходится убеждать. А нам отвечают: «Довольно на Колосову указывать! Потому она с урожаем, что ей условия особые создают».

Дуня. Приезжайте к нам, Денис Григорьич, да поживите подольше — сами увидите, где что у нас неладно.

Тимошин. Приеду, обязательно. *(Подает руку Федосье и девушкам.)* До свиданья! За науку — спасибо! А письмо ваше правильное.

Федосья и девушки, попрощавшись со всеми, уходят. Пауза.

Тимошин. Маленькая картина для выяснения больших вопросов... Лука Демьяныч! Что-то, брат, у нас неладно в районе!

Силкин. Как сказать!.. И неладно, и ладно. Люди-то какие, смотри!

Тимошин. Все простора требуют. Этот народ можно сейчас на большие дела поднимать!

Евтер распахивает окно, срывает бумажки со стола. Тимошин подбирает их, придавливает прессом. Он останавливается у окна, не закрывая створок.

Тимошин. Эх, хорошо!.. *(Подходит к Черных, трясет его за плечи.)* Да сколько вас! Один на канале помещался, другой — на ветродвигателях, третий — на садах. Вчера один рыболов сидел у меня, два часа о рыбных прудах толковал. «Вас много, я один!» *(смеется)* — как у них Шавров от баб отбивается. *(Серьезно.)* Отбивается сукин сын! От таких людей! *(На Силкина.)* Да не крути ты шнур! Ну что за человек! Придет, сядет и крутит его, крутит... Опять у меня телефон заикается. Три шнура уже перекрутил. Вот самородок... медный!

Силкин. Канал — не все. Он станет выручать нас годика через два — и то частично. Не всю ведь площадь оросим. Надо порядок в колхозах наводить.

Тимошин. Да... Придется тебе, Василий Павлович, заняться этим колхозом. Живешь недалеко от них. Побывай там, поговори с людьми. Я тоже приеду туда на днях...

Ты ведь сам был председателем. Вот — присмотришь. Надо там кое в чем поглубже разобраться. Да это тебе и положено как директору МТС: твой колхоз, ты им будешь пахать, сеять.

С и л к и н. Побывает! От такого поручения он не откажется. Обратил внимание, как он смотрел на Настю?

Т и м о ш и н. Хороша, хоть картину пиши.

Ч е р н ы х. Оставьте... Мне больно видеть, как она изменилась.

Т и м о ш и н *(серьезно)*. И нам больно. Человек нужный, ценный. Так не оставим. И ей самой тяжело будет жить, если потеряет уважение народа. Вот мы боремся в наших пятилетках за то, чтоб было у нас всего много: и хлеба, и металла, и одежды. На душу. Как записано? На душу населения. И надо, чтоб души были хорошие. Верно?

Ч е р н ы х. А для чего же и для кого строим мы коммунизм, как не для человека?

Т и м о ш и н. Коммунизм... Ох, как много нужно нам еще поработать для настоящего изобилия! Несколько показательных зерносов урожай за всех не сделают... Вот что неладно у нас, Демьяныч. Размесьяли мы борьбу народа за урожай. Этокое могучее половодье! В широкое русло направить бы его! А у нас — что? Звенья, участки, делянки. Лоскутное хозяйство. За каким же чертом мы перепахали межи в колхозах?!

С и л к и н. А я тебе давно говорил, Денис Григорьевич! Все о звеньях, о звеньях толкуем. Это легче всего: найти в колхозе одно-два хороших звена и утешаться ими. А колхоз в целом отстает... Вспомнит нам когда-нибудь за это! Напомнит нам ЦК свое решение об укреплении бригад. В бригаде гектаров пятьсот, триста. Это массив!

Т и м о ш и н. Да, видишь ли, вот ты сам о Шаповове говорил. Оказывается, можно и в рамках колхоза от мира отгородиться... Товарищ Сталин сказал нам: колхоз — форма социалистическая, но все же лишь форма хозяйственной организации, все зависит от того, какое содержание влито в эту форму... Люди. Хорошие души... А что мешают им?... И таких, как Настя, надо на простор выводить. Ради них же!.. И — дела ради... Да ведь если бы сегодня мы на всех полях собирали такой урожай, как на показательных участках, да вот орошение, на поливных

землях — еще больше! — а где каналы, плотины, там и электрификация, да наша техника, да — хорошие души — это же коммунизм*, друзья!..

С и л к и н. Если бы на всех полях!.. Задача ясная, Денис Григорьевич. Но и — нелегкая.

Т и м о ш и н. А мы разве для легких дел вступали в партию?..

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Хата Насти. Вечерние сумерки. Настя, вернувшись из района, лежит, не зажигая огня, накрывшись шалью, на диване в прихожей. Столик, за которым сидела Люба, отодвинут в угол. Посреди комнаты валяется стул.

Входит Черных в дорожном плаще.

Черных. Можно войти? (Настя, оглянувшись через плечо, что-то невнятно отвечает ему.) Темно... Кто-то будто есть. Хозяйка дома?

Настя. Дома.

Черных (подходит). Здравствуйте! Чего лежишь? Больная?

Настя (прямо). Нет...

Черных. С вечера спать легла... Свет зажечь? Где лампа?

Настя. Не надо...

Черных (поднимает стул, садится). А я к вам в колхоз приехал. Завтра собрание проведем.

Настя. Правление рядом.

Черных. Знаю я, где ваше правление. Там света нет... Давно вернулась? Ты сразу из райкома домой поехала?

Настя. Да... (Помолчав.) А Шаврова хата напротив, за колодцем.

Черных (удивленно). Гонишь? Не во-время зашел?

Настя. Устала я сегодня. Люди, люди, разговоры...

Черных. Хорошо, я пойду. (Встает.) А, может быть, ты обиделась на меня за то, что не заступился в райкоме?

Настя (*равнодушно*). Кто я вам такая, что должны за меня заступаться? И не ждала от вас защиты. Сама себе защита.

Черных (*немного смущенно*). Не ждала? Ну, конечно... (*Делает шаг к двери. Настя поднимается, освобождая место рядом на диване.*)

Настя. Чего мне так холодно?.. Что там на дворе?

Черных. На дворе тепло.

Настя. А меня знобит.

Черных. Перенервничала.

Настя. Ну, мои нервы ко всему привычны.

Черных садится на стул

Настя. Что это вы за канюку мне придумали «вечный передовик»?

Черных. А... И не в насмешку сказал... Значит, нравится тебе, что другие из года в год отстают?

Настя. Я не возражаю, пусть обгоняют.

Черных. Опять не то говоришь, Настя! Не надо, чтоб и ты отстала. Но если бы все с тобою поравнялось, и пришлось бы тебе заново начинать, новое что-то придумывать, — больше жизни было бы! Больше тебе беспокойства.

Настя. Вот чего вы мне желаете!

Черных. самого лучшего... А разве от того, что ты успокоилась, легче тебе?

Настя. Не легче... Успокоилась?..

Черных (*помолчив*). Вожакom была ты, Настя, за то и любил тебя... Что ты сказала, помнишь, в ту ночь, когда я пришел? С кем каналы строить?..

Настя. Я не про всех сказала — про наш колхоз.

Черных. Чем же наш колхоз хуже других?

Настя. Не знаю... Может, и сама хуже стала... Верите, Василий Павлович, за войну и за эти годы, чувствую, будто на двадцать лет постарела...

Пауза.

Черных. Одна живешь? Никого больше нет у тебя?

Настя. Сестренка была со мною на Урале, замуж вышла там... Муж еще в первое лето под Смоленском погиб. Ох, война!.. Я ли не хотела хорошей жизни всем на свете? Пришли фашисты убивать, ломать. И все наше